

И. П. БАЛАН

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ ИРАНА
в 1813-1828 гг.**

9(55)

10650

Б-20

Балаян Б.П.

Международные
отнош. Ирана...

Ер.,

1967

Ц. Ир. 20к.

ms

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՍԵԿՏՈՐ

Բ. Պ. ԲԱՂԱՅԱՆ

ԻՐԱՆԻ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ
ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

1813—1828 թթ.

9.(55)
B-20.
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
СЕКТОР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. П. БАЛАЯН

105901
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ ИРАНА

в 1813—1828 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1967

В книге исследуются дипломатические отношения Ирана после Гюлистанского мира до заключения Туркманчайского договора. На широком фоне международных отношений выясняется политика европейских держав в Иране и их противодействие присоединению Восточной Армении к России, устанавливается деятельность иранских дипломатических миссий за рубежом и иностранных миссий в Иране, а также история второй русско-иранской войны и Туркманчайского мира. В работе критически анализируются основные концепции современной иранской буржуазной историографии, разработанные в Тегеранском и Тавризском университетах по узловым вопросам международных отношений Ирана в 1813—1828 гг. Исследуется многогранная дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. Впервые вводятся в научный оборот иранские версии убийства русского посла, разоблачается фальсификация истории его гибели.

Ответственный редактор ГРИГОРЯН Э. Т.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Расположенный на перекрестке мировых торговых коммуникаций, Иран в начале XIX века был объектом экспансии европейских держав и оказался втянутым в сферу острейших политических и военных конфликтов, наполеоновских войн и Восточного кризиса.

После исторической победы России в Отечественной войне 1812 г., крушения наполеоновской империи и реставрации Бурбонов, Франция была отброшена с ее колониальных позиций на Востоке, в то время как промышленный переворот в Англии, а также богатейшие ресурсы британской Индии и англо-индийские войска, служившие опорой для проведения широких завоевательных планов и агрессивных дипломатических акций, дали возможность Ост-Индской компании перейти от так называемой «политики закрытой границы» (close border policy) к «наступательной политике» (forward policy), позволили Англии «наступать на внутреннюю Азию»¹, претендовать на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны...»².

Из Индии британская экспансия распространилась на Восток — к Бирме, Малайе, Китаю; на север — к Тибету и Кашгарии; на запад — к Афганистану, Ирану,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. II, т. 9, стр. 13.

² В. И. Ленин, Соч., изд. IV, т. 22, стр. 228.

Средней Азии, Гератскому оазису и Каспийскому морю. Наряду с этим английская буржуазия вела встречное наступление в Азии и со стороны Средиземного моря. Укрепляя свои базы на Мальте и Ионических островах, Англия все глубже проникала через малоазиатские порты Турции в глубь Передней Азии с запада. Это позволило английским колонизаторам господствовать в восточной части Средиземного моря, на подступах к черноморским проливам, Малой Азии, Балканскому полуострову и Ирану.

Разложение феодально-крепостнической системы царской России и развитие в ее недрах капиталистических отношений усилили потребность господствовавших в России эксплуататорских классов в расширении внешней торговли и овладении стратегическими базами на юге империи, привели к интенсивной деятельности русской дипломатии и продвижению царской армии в направлениях черноморского и каспийского бассейнов, Кавказа и Средней Азии. За четверть века (1804—1829) Россия по два раза воевала с Ираном и Турцией, установила границу по Араксу и завершила присоединение Закавказья.

Борьба за преобладающее влияние на Востоке не была монополией одной из держав. В Иране, так же как и в сопредельных странах Азии, сталкивались и противодействовали колониальные интересы Англии, Франции и царской России. Эти противоречия держав переплетались с интересами Ирана, Османской империи и других государств Азии в запутанный «восточный узел».

Несмотря на то, что Иран был объектом колониальной экспансии держав, он в свою очередь вел захватнические войны против Закавказья, афганских княжеств, а также Западной Армении, Курдистана и Месопотамии, захваченных и закабаленных Османской империей. На эту существенную сторону иранской истории нельзя не обратить внимания потому, что в исторической литературе преобладало мнение, будто Иран не имел тогда самостоятельной внешней политики и целиком находился в дипломатическом фарватере европейских держав³ (?).

---

³ Об этом см., например, *Е. Л. Штейнберг*, История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951 и др.

Эта концепция затушевывала агрессивную сущность внешней политики Каджарского Ирана, который, так же как и султанская Турция, никогда не имел прав на Закавказье и Дагестан, насильственно захваченные иранскими и турецкими войсками во время завоевательных походов. Поэтому военное поражение Ирана и Турции в Закавказье было крушением их агрессивных планов в отношении народов Закавказья, в то время как борьба этих народов против чужеземного ига всегда была справедливой и освободительной. Многовековая история этой борьбы показывает, что она не могла быть доведена до конца собственными силами народов Закавказья, а в начале XIX века предreshалась победой России в войнах с Ираном и Турцией. Поэтому народы Закавказья добровольно объединяли свои силы с русскими войсками и вместе сражались, чтобы сокрушить своих исконных врагов, за спиной которых стояли колониальные державы — Англия и Франция⁴.

В многочисленных архивных документах, составленных русскими военными властями, отмечаются факты участия армянских, грузинских и азербайджанских отрядов в борьбе против каджарских войск и действовавших вместе с ними мятежников⁵.

---

⁴ З. Т. Григорян, Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века, М., 1959, стр. 102, 106, 108, 127—138 и др. Его же, *Ռուս և Հայ ժողովուրդների ազատական համագործակցությունը XIX դարի սկզբին, Երևան, 1957*.

⁵ Несмотря на поддержку русских войск широкими народными массами, вместе с иранскими войсками действовали беглый грузинский царевич Александр и ряд бывших азербайджанских ханов, которые стремились воспользоваться войной, чтобы восстановить свою власть. С помощью небольшой кучки изменников из среды феодалов и духовенства этим ханам удалось на время увлечь за собой часть населения и поднять мятежи, которым объективно благоприятствовало и недовольство населения произволом царской администрации. Пользуясь разбросанностью и малочисленностью русских гарнизонов, летом 1826 г. мятежники овладели значительной территорией на севере Азербайджана, городами Гянджа, Шемаха, Нуха. Русским войскам пришлось оставить Талышскую, Ширванскую, Шекинскую и др. провинции и Елизаветпольский округ. Однако уже к концу того же года русские войска совместно с азербайджанскими и др. ополченцами снова заняли Северный Азербайджан. Об этом см. История Азербайджана, изд. АН Азерб. ССР, т. 2, Баку, 1960, стр. 36—40.

Иранские войска истребляли, грабили и истязали население Закавказья — азербайджанцев, армян, грузин.

Добиваясь освобождения от иранского ига, значительная часть населения Закавказья еще не была знакома с колониальным гнетом царизма. Классовые колониальные цели и методы русского абсолютизма скрывались и не были поняты народными массами⁶. К тому же с 1826 г. в Отдельном Кавказском корпусе героически сражались свыше 2800 ссыльных декабристов-солдат⁷, которые первыми прорвались в Эриванскую крепость и очень убедительно свидетельствовали о существовании, наряду с Россией царской, другой России, — осуждавшей самодержавие и крепостничество.

Независимо от целей царизма и в отличие от Англии и Франции, Россия на длительное время избавила народы Закавказья от насильственных миграций, угрозы геноцида и опустошительных войн.

Наполеоновская Франция и Англия не были заинтересованы осуществить такую же миссию потому, что добивались своего преобладания в Иране и Турции, и чтобы привлечь на свою сторону шаха и султана, финансировали, вооружали и подстрекали их на захват Закавказья, использовали Иран и Турцию как орудие своей политики против России, чтобы закрыть перед нею ворота к Черному и Каспийскому морям. Их цели ничего общего не имели с интересами народов Закавказья, которые искали поддержку извне для борьбы именно против иранских и турецких завоевателей. Следовательно, Англия и Франция были союзниками истинных врагов народов Закавказья и врагами этих народов. Не удивительно поэтому, что передовая армянская, грузинская и азербайджанская интеллигенция, выражая чаяния своих народов, связывала внешние войны России с осуществлением своих патриотических целей. В решающем прорыве враждебного ирано-турецкого окружения, в объеди-

⁶ См. Г. Абдулаев, Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией, изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1965, стр. 68.

⁷ См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 2, М., 1955, стр. 449; М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, Ереван, 1956, стр. 181—183; его же, Դեկաբրիստները Հայաստանում, Երևան, 1958, Կ. Ա. Պարսաճյան. Դեկաբրիստները Հայաստանում, Երևան, 1958 թ.: З. Т. Григорян, Присоединение Восточной Армении к России, стр. 104.

нении своих раздробленных территорий, в их самоопределении в рамках России, а также в освобождении от национального и социального гнета она видела необходимую основу будущего своей родины⁸. Однако в условиях XIX века освобождение народов Закавказья от иранского ига не могло привести к государственной независимости или национальной автономии армян, грузин и азербайджанцев, так как русский народ сам находился под гнетом самодержавия, а царизм преследовал в Закавказье колониальные и стратегические цели⁹.

Россия объективно создала народам Закавказья условия для мирного развития их производительных сил, которые находились в состоянии застоя и деградации. Экономические интересы Закавказья тяготели к более обширному всероссийскому рынку, чем к иранскому или турецкому, потому что Россия, вставшая на путь капиталистического развития, намного опередила сопредельные феодальные государства Азии по своему социальному и экономическому развитию. Опередила она и Закавказье, истощенное варварским господством завоевателей и междоусобными войнами.

Разоблачая колониальную сущность политики царизма, основоположники марксизма-ленинизма признавали и объективно прогрессивное влияние России на социально-экономическую и культурную жизнь народов Азии. Ф. Энгельс в 1851 г. в письме к К. Марксу писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку...»¹⁰.

В. И. Ленин указывал, что «самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹¹. Усилиями советских историков присоединение Закавказья к России освещается в широ-

⁸ См. «История Грузии», изд. АН Груз. ССР, т. 1, Тбилиси, 1962, стр. 452—453, 457.

⁹ См. З. Т. Григорян, Присоединение Восточной Армении к России, стр. 140.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. 21, стр. 211.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

ком историческом плане, во всех основных взаимосвязях и этапах; в конкретных условиях начала XIX века, когда народы Закавказья избавились от иранского ига и на длительное время от кровавого ига султанской Турции; в последующий этап колониального господства царизма, когда Закавказье включалось в сферу всероссийского рынка и капиталистического развития, а освободительное движение угнетенных народов Закавказья слилось с революционным движением российского пролетариата и, наконец, с точки зрения исторических перспектив и объективно-прогрессивных последствий присоединения, возникших в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и ленинской национальной политики.

В работе использован широкий круг архивных материалов, источников на персидском языке, а также фактологический материал из опубликованной литературы.

Автор выражает признательность научным сотрудникам Сектора востоковедения АН Арм. ССР, Института Народов Азии АН СССР, Института востоковедения АН Груз. ССР; профессорско-преподавательскому составу Ленинградского и Ереванского государственных университетов и Армянского педагогического института, принимавших участие в обсуждении работы до ее опубликования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИРАН В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСЛЕ ГЮЛИСТАНСКОГО МИРА (1813—1825)

1

По Гюлистанскому мирному договору, завершившему первую русско-иранскую войну 1804—1813 годов, Иран признал присоединение к России Грузии, Дагестана, Карабахского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышского ханств, а также Лорийской, Шамшадинской, Зангезурской и Шурагельской провинций Восточной Армении¹.

Усилив экономическое и политическое влияние России на Востоке, договор этот нанес удар по интересам западных держав и в первую очередь Англии, которая была вынуждена содействовать этому усилению России, так как не могла не считаться с ее возросшим международным авторитетом после исторической победы в Отечественной войне 1812 г. Прежде всего Англия не могла не учитывать перспективы использования русских армий в Европе в дальнейшей борьбе против Наполеона, кото-

¹ Текст Гюлистанского трактата см. в сборнике Т. Юзефовича «Договоры России с Востоком, политические и торговые», СПб., 1869, стр. 205—214. Персидский текст договора см.

محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس در قرن
نوزدهم میلادی، جلد اول، تهران، ۱۳۲۸، ص ۱۲۵—۱۳۰.

рый в мае 1813 г. в сражениях при Люцене и Бауцене, а в августе под Дрезденом успешно отразил натиск войск антифранцузской коалиции и по-прежнему навел ужас на англичан. И поскольку проблема безопасности Англии стояла на первом плане ее внешней политики, английские дипломаты боялись оттолкнуть от себя Россию и в связи с этим добивались прекращения русско-иранской войны, которую сами же разжигали и финансировали.

Решившись на этот поворот в политике, Англия не могла не учитывать, что армия наследного принца Аббас-мирзы была разбита русскими войсками в сражениях при Асландузе и в Ленкорани. В. И. Ленин указывал, что в 1813 г. «Персия разбита в войне с Россией»². К тому же, усиленный резервами русский корпус мог углубиться в Эриванское и Нахичеванское ханства, перейти Аракс и завершить разгром Ирана. Капитуляция армии шаха была вызвана и тяжелым экономическим положением Ирана, ослабленного десятилетней войной, голодными бунтами крестьян и сепаратистскими выступлениями окраинных феодалов³. Показательно также, что в ходе напряженной дипломатической борьбы, предшествовавшей заключению Гюлистанского договора, Англия добивалась, чтобы между Ираном и Россией был подписан не мир, а длительное перемирие, с последующим заключением прелиминарного соглашения. Таким путем англичане рассчитывали дождаться исхода войны в Европе, чтобы в послевоенной международной обстановке добиться выгодного мира и не допустить в Иране усиления влияния России. Однако Россия заключила в Гюлистане мир 12 октября 1813 г. — за четыре дня до решающей «битвы народов» под Лейпцигом, в которой войска шестой коалиции разбили наполеоновскую армию, а Англия не успела воспользоваться последствиями этой победы в Иране. Нельзя в связи с этим согласиться с

² См. «Ленинский сборник», т. XXIX, Тетради по империализму, 1936, стр. 351.

³ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران از گلناباد تا ترکمن چای ۱۱۳۴—۱۲۴۳ (هجری)، جلد اول، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۷، ص ۱۷۴.

иранским историком проф. Махмуд Махмудом, по версии которого Гюлистанский договор «был навязан Ирану Россией благодаря настоянию английского посланника Аузли»⁴. Пытаясь раскрыть противоречия Англии, Ирана и России, М. Махмуд замечает, что в то время, когда «шах готовился к продолжению борьбы с Россией в надежде на возвращение потерянных территорий в Закавказье, англичане с помощью Гюлистанского договора хотели успокоить русских, чтобы подготовить их к войне с Наполеоном в Европе»⁵. М. Махмуд осуждает Англию и за то, что будто бы она «наладила хорошие отношения между Россией и Турцией», затем, ссылаясь на книгу об Иране лорда Керзона, упрекает английских дипломатов Аузли и Фрезера, которые недружелюбно отнеслись к Ирану и помогли России «овладеть иранскими территориями»⁶ (?). Тенденциозность этой концепции очевидна не только потому, что Закавказье никогда не принадлежало Ирану, а было лишь захвачено иранскими войсками. Дело в том, что М. Махмуд замечает только одно из двух основных направлений в английской внешней политике того времени. Одно из них действительно было связано с планами использования русских армий против Наполеона в Европе, а другое, о котором умалчивает иранский историк, пыталось не допустить усиления влияния России в Иране; не допустить полного разгрома Ирана и новых территориальных приобретений России в Закавказье и Иране. Не удивительно поэтому, что Англия, выступая в 1813 г. в роли поборницы мира, в то же время «доставила наследному принцу Аббас-мирзе 20 орудий и 12 тысяч винтовок»⁷; с помощью английских специалистов в Тавризе отливались пушки; руководимая английскими офицерами иранская армия пополнялась рекрутами; вместе с английскими офицерами Аббас-мирза разработал новый план военных действий и чтобы затруднить возможные операции русского корпуса собирался переселить за Аракс жителей Эриванского

⁴ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۳۱.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 132.

⁷ А. Р. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958, стр. 399.

и Нахичеванского ханств. Не менее показательны, что английский офицер Монтис в марте 1813 г. участвовал в боях против русского отряда, вступившего на территорию Эриванского ханства, и, несмотря на приказ об отступлении, не оставил охраняемого им брода, чтобы не допустить перехода русского отряда через Аракс⁸. «Пацифистское» направление английской политики в Иране, вызвавшее интересами антифранцузской коалиции, было нелицеприятной неожиданностью для шаха и его сановников и вызвало резкое, хотя и непродолжительное обострение англо-иранских отношений. Касаясь этого вопроса, Аузли в своих мемуарах сообщает, что шах угрожал объявить его персоной нон грата, расторгнуть англо-иранский договор 1812 г. и оставить без внимания возражение посланника о том, что договор этот не мог быть денонсирован одной из сторон до тех пор, пока шах не расплатится с английскими долгами⁹. По другой версии, Аузли потребовал, чтобы в нарушение дипломатического протокола премьер-министр Ирана Мирза-Мохаммед-Шефи не считал для себя унизительным первым нанести ему визит, а свое бестактное поведение объяснил тем, что уступкой в этом вопросе он, дескать, опасался потерять влияние, необходимое ему для заключения мира между Ираном и Россией¹⁰ (?).

Для натянутых англо-иранских отношений того времени характерно заявление Аббас-мирзы, сделанное тому же Аузли в связи с намечавшейся в 1813 г. поездкой английского офицера д'Арси в Лондон через Тифлис и Петербург. Наследный принц объявил этому посланнику, что прикажет часовым стрелять в д'Арси, который знает секреты иранской армии, в том числе и дислокацию войск, и может сообщить обо всем этом русскому командованию¹¹.

---

⁸ См. там же, стр. 398—400.

⁹ См. محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۳۵.

¹⁰ См. там же, стр. 134—135.

¹¹ См. там же, стр. 136—137.

Не менее показательно, что при сложившихся тогда обстоятельствах правительство шаха пыталось разработать дальнейший курс своей внешней политики без участия английского посланника. Об этом свидетельствует совещание шаха с его сановниками в Султанье (май—июнь 1819 г.), на котором обсуждался вопрос о продолжении войны против России; контакты иранского посла в Константинополе Хусейн-ага с французским послом Андреосси осенью 1813 г.¹²; обращение Ирана к правительству Австрии с просьбой о посредничестве при заключении мира с Россией, а также преждевременное (в планах Англии) заключение мира в Гюлистане (англичане предлагали заключить перемирие на год).

Вместе с тем Каджары рассчитывали максимально использовать и другую концепцию в политике Англии, которая стремилась не допустить усиления России в Иране и присоединения Закавказья к России.

В связи с этим иранское правительство использовало посредничество Англии для урегулирования конфликта с Турцией из-за Багдадского пашалыка и населенного курдами района Сулеймание, а Англия согласилась уплатить туркам все убытки, которые были причинены им иранскими войсками в 1812 г.¹³. В планах Англии ирано-турецкое сближение должно было укрепить позиции Ирана на переговорах с русскими и дало бы английской дипломатии возможность оказать давление на Россию. Возможно, поэтому, что накануне переговоров в Гюлистане, турецкие войска вступили в Абхазию и Гурию. Агенты султана орудовали в Западной Грузии, на Северном Кавказе и Дагестане; в Имеретии, Гурии и Мингрелии распространялись воззвания трапезундского паши; в Тавризе при Аббас-мирзе больше месяца находился турецкий агент Шахсевар-бек, а в Дагестане грузинский царевич Александр с помощью турок и персов готовился к вторжению в Кахети.

В этих условиях русский главнокомандующий на Кавказе ген. Ртищев спешил заключить с Ираном мир, а возглавлявший иранскую делегацию на переговорах в

---

¹² См. А. Р. Иоаннисян, указ. работа, стр. 425.

¹³ Там же, стр. 407.

Гюлистане, известный своими связями с Англией Мирза-Аболь-Хасан-хан пытался придать Гюлистанскому договору черты прелиминарного соглашения. В итоге границы государств остались неопределенными и был подписан «Сепаратный акт», который вызвал отрицательную реакцию в Петербурге, несмотря на то, что представил иранским дипломатам только формальное право обращаться к царю с просьбами иранского правительства.

Иранская делегация в Гюлистане объявила, что будет добиваться пересмотра договора, который собиралась подписать, и воспользуется для этого Сепаратным актом. Однако, благодаря внесенным поправкам, акт этот подавал только надежду на «великодушие» царя.

Гюлистанский мир не разрешил русско-иранских противоречий. С помощью Англии шах рассчитывал пересмотреть этот договор и восстановить довоенные границы, несмотря на то, что эта бесперспективная политика не соответствовала ограниченным экономическим и военным возможностям Ирана после минувшей войны.

Царская Россия тоже не была удовлетворена Гюлистанским договором потому, что рассчитывала установить границу по Араксу и завершить присоединение всего Закавказья.

В результате русско-иранские отношения оставались неопределенными и натянутыми, а Англия всячески пыталась воспользоваться этим, несмотря на существование англо-русского союза (1812), чтобы в противовес Гюлистанскому миру заключить с Ираном новый англо-иранский договор.

2

Заключив в Гюлистане мир, иранская дипломатия развернула лихорадочную деятельность. Уже в ноябре 1813 г. шах предписал своему бывшему послу в Лондоне Мирза Аболь-Хасан-хану Ширази готовиться к поездке в Петербург.

Одновременно, с учетом продолжавшейся войны в Европе, Каджары принимали меры для установления тайных контактов с находившимися в Турции агентами Наполеона, который до последних дней крушения своей империи упорно стремился наладить прерванные связи с

шахом¹⁴. С начала 1813 г. французские агенты в Турции пересылали в Тавриз информацию о французских «победах» над русскими войсками в Европе. Несмотря на то, что большинство этих донесений было тенденциозно подобрано и преувеличивало успехи французской армии в мае 1813 г., каймакам наследного принца Мирза Бозорг выставлял себя сторонником профранцузской ориентации, в противовес шаху и Аббас-мирзе, которые ориентировались на Англию. Надо полагать, что такое соотношение ориентаций было уловкой иранской дипломатии, которая таким путем оказывала давление на Англию и Россию, а также сохраняла мосты для связей с Наполеоном на случай его победы над европейской коалицией.

10500
Каджары были недовольны Англией, которая не смогла предотвратить присоединение Закавказья к России, и потому уже в начале 1814 г. через тайно приехавшего в Тегеран французского агента Мелик-Шахназаряна шах отправил письмо Наполеону. Однако цели он не достиг, так как ко времени прибытия этого агента в Константинополь стало известно об отречении Наполеона¹⁵.

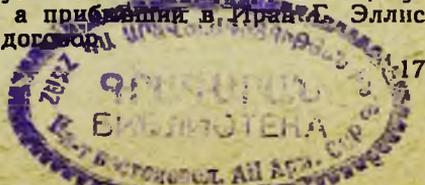
Независимо от усилий Фатх-Али шаха восстановить свои прерванные связи с Францией, тогда же в Тегеране был разработан англо-иранский план совместных действий по пересмотру Гюлистанского договора.

Первый этап этого плана предусматривал поездку Г. Аузли в Петербург, Аболь-Хасан-хана — в Тифлис, а нового английского посланника Г. Эллиса — в Тегеран с проектом нового англо-иранского договора¹⁶. Организация связи между Петербургом и Тегераном была возложена на секретаря английской миссии Д. Кемпбел-

¹⁴ Со времени изгнания из Ирана посольства Гардана, ближе всего Наполеон находился к этой цели после вступления в Москву, откуда он отправил к шаху агента, чтобы заявить ему, что Бонапарт покорил Россию, скоро вернет ему Грузию, а шах за это должен изгнать всех англичан и принять французского посла. Однако, когда французский агент пробирался в Иран, на просторах России началось отступление наполеоновской армии. (Подробно об этом см. А. Р. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России, стр. 387—388).

¹⁵ См. там же, стр. 421—422.

¹⁶ В 1812 г. Г. Аузли заключил англо-иранский договор, по которому Англия финансировала войну Ирана против России. После заключения Гюлистанского мира, Аузли был отозван в Лондон, куда он отправился через Петербург, а прибывший в Иран Г. Эллис был уполномочен заключить новый договор.

ла,—одного из наиболее способных британских дипломатов в Иране, по мнению А. П. Ермолова¹⁷. Было предусмотрено также, что после обмена ратифицированными текстами Гюлистанского договора в Тифлисе, Мирза-Аболь-Хасан-хан отправится в Петербург, где к тому времени должен был находиться Г. Аузли, чтобы по просьбе Фатх-Али-шаха обеспечить успех иранской миссии¹⁸. Это опровергает прикрывающую версию Д. Мориера и повторяющих его иранских историков о том, что Аузли, дескать, выехал из Ирана на два месяца раньше иранского посла только для того, чтобы многолюдные посольства, по соображениям дипломатического этикета, не въехали в Петербург одновременно¹⁹. Между тем поездка Г. Аузли в Петербург и миссия Г. Эллиса в Тегеран были отложены до прояснения политической обстановки в Европе. Только после вступления союзных войск в Париж Мирза-Аболь-Хасан-хан прибыл 21 июля в Тифлис²⁰. Через месяц Г. Аузли приехал в Петербург, а Г. Эллис — в Тавриз. По этим же причинам, после первой реставрации Бурбонов, Александр I 21 мая ратифицировал в Париже Гюлистанский договор²¹, а Мирза-Аболь-Хасан-хан, дождавшись этой ратификации в грузинской столице в середине сентября, выехал в Петербург в конце того же месяца²².

28 августа Г. Аузли был представлен Александру I, который несмотря на занятость в связи с предстоявшей поездкой во Францию и на Венский конгресс, тепло его принял, признал его «заслуги», связанные с заключением Гюлистанского договора. По словам Аузли, его просили дождаться возвращения царя из Парижа²³. Неправ-

¹⁷ См. ЦГАДА, ф. Ермоловых (1406), д. 346а, л. 48.

¹⁸ J. A. Morier, A Second Journey through Persia, p. 301.

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۸۱.

¹⁹ См. محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس،

ص ۱۳۲.

²⁰ См. АКАК, т. V, стр. 753.

²¹ См. там же, стр. 755.

²² Обмен ратификациями состоялся 15 сентября 1814 г.

²³ См. محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس،،

ص ۱۳۹—۱۴۰.

доподобность этой версии очевидна, потому что в Петербурге ожидали прибытия иранского посольства и, чтобы не допустить вмешательства английского дипломата в русско-иранские отношения, переговоры с Г. Аузли были быстро завершены. Его наградили орденом Александра Невского, что, кроме всего прочего, было и напоминанием об окончании визита, однако Г. Аузли остался в Петербурге еще на 10 месяцев (!), и, несмотря на то, что был частным лицом, все это время «домогался посредничества на ожидаемых переговорах с иранским послом»²⁴.

Еще в августе 1813 г. российский министр иностранных дел К. Нессельроде предложил ген. Ртищеву ограничить влияние Аузли на русско-иранские отношения и сообщил, что английский посланник добивается уступки Ирану части Закавказья, чтобы за эту услугу навязать Ирану новый договор²⁵. Поэтому, когда 28 августа 1814 г. Аузли заявил Александру I, что «персы ожидают от него уступок»²⁶, а 31 августа предложил Нессельроде «уступить Ирану Карабахское и Талышское ханства», советы английского дипломата были оставлены без внимания²⁷.

11 декабря 1814 г. иранское посольство прибыло в Москву, 27 марта 1815 г. — в Царское село и только 10 апреля — в Петербург²⁸. Причины столь длительного пребывания в пути были вызваны поездкой царя на Венский конгресс и бегством опального французского императора с острова Эльбы.

Накануне этих событий Г. Эллис спешил заключить с Ираном новый договор, так как в случае провала в Петербурге миссии иранского посла могли обостриться англо-иранские отношения (надежды Ирана на успех

²⁴ Н. Ф. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб., 1886, стр. 199.

²⁵ См. АВПР, СПб., Главный архив, 1—13, 1805—1813 гг., д. 13, лл. 29—30 об.

²⁶ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۴۰.

²⁷ По неправдоподобной версии Г. Аузли, царь будто заявил ему, что в Иране «не ошибутся в своих ожиданиях» (محمود محمود) تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۴۰.

²⁸ См. там же, стр. 141.

связывались с дипломатической поддержкой Англии), а это могло сорвать заключение англо-иранского договора. Предполагалось еще, что договор этот, направленный, в основном, против России, осложнит англо-русские отношения до того, как будет одержана окончательная победа над Наполеоном. Поэтому Эллису было предписано заключить тайный договор. Договор этот, после ратификации английским королем, до 1818 г. не был опубликован и даже не обсужден в парламенте, несмотря на его статьи о финансовой помощи²⁹.

Учитывалось также, что слухи об этом тайном договоре могут просочиться в Россию по дипломатическим и агентурным каналам. Чтобы избежать нежелательных осложнений, британский министр иностранных дел Р. Кэстльри 12 октября 1814 г. (за 6 недель до заключения договора) написал Александру: «Мир с Персией, доставивший вам важные и обширные приобретения, был заключен вследствие деятельного посредничества английского посланника»³⁰. Это письмо Р. Кэстльри было не столько напоминанием об усилиях Г. Аузли (без указания причин, вызвавших его «деятельное посредничество»), сколько компромиссным призывом к молчанию накануне заключения неравноправного англо-иранского договора³¹.

Договор 1814 г., известный под названием Тегеранского, состоял из одиннадцати статей³², подчинивших международные отношения Ирана контролю Лондона. Иран должен был аннулировать союзы со всеми европейскими странами, находившимися во враждебных отношениях с

---

²⁹ См. А. Wellington. Despatcher, Correspondence and Memoranda, vol. 3, London, 1868, p. 467.

³⁰ С. М. Соловьев, Император Александр I, Политика-дипломатия, СПб., 1877, стр. 286.

³¹ Российское Министерство иностранных дел через своего посла в Лондоне Х. А. Ливена осудило антирусское содержание этого англо-иранского договора только в начале 1820 г. Об этом см. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 200, а также «Записки А. П. Ермолова», ч. 2, Приложение, стр. 177.

³² Персидский текст Тегеранского договора приведен проф. М. Махмудом в — تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۴۴.

Англией. (Ст. 1) Это означало, что Иран должен был постоянно следить за всеми коалициями, в которых участвовала Англия, чтобы аннулировать свои соглашения с врагами Англии.

Договор запрещал Ирану нанимать европейских офицеров из стран, воюющих с Великобританией. (Ст. 5). В случае нападения на Иран европейской державы, Англия, по просьбе Ирана, обязывалась помогать войскам или ежегодно выплачивать шаху субсидию в размере 200 тыс. туманов, если английский посол будет контролировать расходование этих сумм, и при условии, если Иран сам не совершит агрессию против какой-либо европейской страны. (Ст. 4). «Не ясно, — сокрушается по поводу этой статьи проф. М. Махмуд, — что могло произойти с правителями Ирана, которые согласились принять эту четвертую статью и изменить договор, заключенный с Аузли?»³³. На первый взгляд, эта статья должна была затруднить осуществление реваншистских планов Ирана, так как в случае иранской агрессии в Закавказье шах не мог рассчитывать на военную и финансовую помощь Англии. Однако статья IV, вызвавшая недовольство М. Махмуда, дополнялась статьей VI, в которой говорилось, что если европейская держава будет воевать с Ираном (а с Англией у нее будут мирные отношения), король Англии будет добиваться прекращения войны, а в случае необходимости будет помогать Ирану войсками из Индии или ежегодно выплачивать шаху 200 тыс. туманов на протяжении всей войны. Нетрудно заметить, что статья VI не только противоречила той части статьи IV, где оговаривались последствия возможной иранской агрессии, но и предоставляла Англии свободу действий, в том числе и право финансировать иранскую армию в случае нападения Ирана на европейскую державу. А в целом обе эти статьи вместе предоставили Англии возможность развязать войну Ирана против России тогда, когда это будет выгодно Англии. Это проливает свет на причины, из-за которых Англия в течение 11 лет после заключения Тегеранского договора воздерживалась от предоставления

33 محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگلیس،

Ирану активной финансовой помощи для нападения на Россию. До второй реставрации Англию пугала наполеоновская угроза, а в начале 20-х годов—революционное движение в странах Европы и Америки. Лондонский двор учитывал приверженность царизма к легитимизму и контрреволюционному «Священному» союзу и в связи с этим рассчитывал использовать русские войска для окончательной победы над Наполеоном и подавления европейских революций. Только с устранением этих «угроз» Англия оказала Ирану военную и финансовую помощь и, не считаясь с четвертой статьей Тегеранского договора, толкнула Иран на войну против России.

Тегеранский договор был юридическим оформлением англо-иранского блока в борьбе против России, за пересмотр Гюлистанского договора. Одновременно договор этот позволил Англии свести к минимуму поставки Ирану денег, в которых испытывалась нужда для обеспечения британской агрессии в Индии и войны в Бирме. Это означает также, что защищаемая в Тегеранском договоре концепция «обороны Индии» использовалась британской дипломатией для прикрытия экспансии Англии в странах Азии.

По оценке буржуазных иранских историков, в которой нельзя не заметить паниранистскую тенденцию, Тегеранский договор был направлен и против интересов Ирана в афганском вопросе. «Иран никогда не отказывался от воссоединения Афганистана с Ираном,— заявляет проф. М. Махмуд,—и если во время русско-иранской войны Иран не занимался афганской проблемой, то после Гюлистанского мира Иран собирался решить эту проблему, однако Англия мешала Ирану осуществить эти национальные чаяния»³⁴.

По смыслу Тегеранского договора Иран должен был стать не только союзником Англии на афганской и индийской границах, но и врагом афганских княжеств. Во всяком случае, во время войны между Англией и Афганистаном шах, согласно статье VIII договора, должен был направить иранскую армию против афганцев.

Не менее откровенно Англия стремилась узаконить свое вмешательство в дела Ирана статьей третьей, по

---

³⁴ Там же, стр. 134.

которой границы между Ираном и Россией должны были определяться с согласия и при участии Англии, Ирана и России. Это означало, что через год после заключения Гюлистанского договора побежденный в войне Иран вместе с Англией, за спиной России и без ее согласия, решили пересмотреть границы Гюлистанского договора. Англия назначила себя (наравне с Ираном и Россией) участницей переговоров о границах, в том числе и на переговорах в Петербурге. Кроме того, Англия, под предлогом своего несогласия с русско-иранской границей, всегда могла признать нападение персов на русскую территорию не агрессией, а обороной и оказать на этом основании военную помощь Ирану³⁵.

Рассчитанный на закрепление английского преобладания и противодействие возросшему русскому влиянию в Иране, Тегеранский договор не признавал русско-иранскую границу 1813 года и сохранял повод для разжигания пограничных конфликтов. Не удивительно поэтому, что иранский историк проф. Аббас Эгбал справедливо называет этот договор «одним из самых злосчастных и несчастных в иранской истории»³⁶. А. Эгбал считает еще, что в политическом отношении договор 1814 г. передал Англии независимость Ирана, превратил его в орудие Лондонского двора и должен был свести на нет значение Гюлистанского договора³⁷. В связи с этим нельзя согласиться с мнением проф. Бина о том, что Тегеранский договор «был следствием Гюлистанского»³⁸. Известно, что только в начале XIX века этому договору предшествовало три других англо-иранских договора 1801, 1809 и 1812 гг., которые превратили Иран в зависимую от Англии страну. О преемственности англо-иранских договорных отношений говорит еще и тот факт, что Тегеранский договор официально был назван «Договором 1814 года.

³⁵ См. А. Р. Иоаннисян, указ. работа стр. 433.

³⁶ عباس اقبال، تاریخ مفصل ایران از استیلاي مغول تا انقراض قاجاریه، تهران، ۱۳۲۰، ص ۳۶۸.

³⁷ Там же, стр. 374.

³⁸ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، جلد اول، چاپ اول، تهران، ۱۳۳۳، ص ۱۷۱—۱۷۲.

заключенным с шахом Персии по определению условий окончательного договора 1812 года». А в целом, в попытке проф. Бина объяснить появление Тегеранского договора существованием Гюлистанского нельзя не заметить заимствованную в английской буржуазной историографии концепцию оправдания колониальной политики Англии в Азии. Эта концепция столь же безуспешно отстраняется и в опубликованной в 1961 г. в Тегеране книге «Миссия для родины». Автор ее утверждает, что «в 1814 г. Англия заключила с Ираном договор для того, чтобы создать единый оборонительный союз, целиком и конкретно предназначенный для воспрепятствования русским»³⁹. В отличие от проф. Эгбала, он берет под защиту кабальный для его родины договор и, что бросается в глаза, сам же опровергает себя, когда признает, что «Англия обязалась оказать Ирану военную и финансовую помощь в случае, если Россия нападет на Иран. Однако, — отмечается далее в книге, — когда в 1826 г. между Россией и Ираном вспыхнула новая война (автор не говорит, что Иран первый напал на Россию. — Б. Б.), английское правительство отстранилось от предоставления помощи, хотя и было посредником в русско-иранских отношениях»⁴⁰. В книге говорится еще, что «Иран не имел тогда необходимых средств для ведения войны и заключил невыгодный для себя Туркманчайский мир»⁴¹. Противоречия в этих рассуждениях очевидны, так как, по приведенной версии, Англия и Иран заключили в 1814 г. оборонительный союз против русской угрозы, тогда как на деле иранские войска сами вторглись в пределы России. И поскольку Англия обвиняется в том, что не предоставила Ирану помощь во время войны, то выходит, что Тегеранский договор был не оборонительной, а агрессивной акцией, которая толкнула Иран на безнадежную войну против России, а в ходе этой войны обманула иранских реваншистов. Вполне откровенно признает это

محمد رضا شاه پهلوی، ماموریت برای وطنم، تهران،
۱۹۶۱، ص ۳۴

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

английский историк Ачисон—автор фундаментальных публикаций дипломатических документов⁴².

Версии других иранских авторов столь же не оригинальны. М. Махмуд, например, считает, что с помощью этого договора Англия стремилась ослабить Иран, чтобы в будущем он не причинял беспокойств на индийской границе и если раньше Англия не обращала на все это внимания, то только потому, что Иран был поглощен войной в Закавказье⁴³. Вместе с тем М. Махмуд пытается оправдать Англию за то, что договор с Ираном был заключен тогда, когда положение в Европе было не ясно, а наполеоновская угроза не была ликвидирована. В связи с этим М. Махмуд без всякого основания осуждает английского дипломата и историка Д. Морьера за то, что он не считал, что озабоченность Англии была вызвана французской угрозой Индии⁴⁴ и создавал впечатление, будто договор этот не был враждебным для России потому, что Александр был сторонником британской короны, а русские и английские войска сражались против французов⁴⁵.

3

С 20 марта 1815 г. Франция переживала напряженные «100 дней» финала борьбы с Наполеоном, которые завершились битвой при Ватерлоо и второй реставрацией.

Второй парижский мирный договор был заключен только 20 ноября. Все это время Александр I находился в Европе, а Мирза-Аболь-Хасан-хан, в ожидании возвращения царя, установил в Петербурге контакты с английским послом Кэткартом, заменявшим его Уальполем и секретарем посольства Р. Кер Портером⁴⁶.

Предпринимчивый лорд Уальполь от имени Аболь-Хасан-хана составил письмо к Александру с просьбой раз-

⁴² См. A Collection of Treaties engagements and Sandas. Compiled by C. U. Aitchison, vol. 9, Calcutta, 1933, p. 11—13.

⁴³ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۴۳.

⁴⁴ См. там же, стр. 142.

⁴⁵ См. там же, стр. 143.

⁴⁶ См. R. Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia (1817—1821), vol. 1, London, 1821, pp. 332, 353—354; АКАК, т. V, стр. 761.

решить иранцу на основании Сепаратного акта приехать во Францию⁴⁷ или дать согласие «на уступку Ирану нескольких областей или пограничных районов, которые мешают России, доставляют ей массу хлопот и от которых Россия не имеет никакой пользы, кроме убытков»⁴⁸ (?). Отмечалось еще, что Иран вправе ожидать эту уступку, поскольку Россия согласилась уступить Турции занятые русскими войсками Ахалкалаки и Потли по Бухарестскому договору 1812 г., и что посол уже около года находится в России и безрезультатностью своего пребывания рискует вызвать недовольство шаха⁴⁹.

После бегства Людовика XVIII, Г. Аузли чаще других британских дипломатов встречался с Мирза-Аболь-Хасан-ханом в Царском селе; договорился с ним об откомандировании в Тавриз секретаря английской миссии Д. Кемпбелла с письмом для Аббас-мирзы, которого просил «верить в невозможность нового похода Наполеона на Восток и не допускать в Иран ни одного французского эмиссара»⁵⁰. Вслед за этим в Российском министерстве иностранных дел Аузли безуспешно добивался английского посредничества в русско-иранских отношениях. Тайному советнику Вейдемейеру он даже дружески советовал «уступить Ирану все земли к югу от Терека и Кавказского хребта»⁵¹ и, несмотря на Тегеранский договор, предлагал иранскому послу отправиться с ним в Лондон, чтобы у английского правительства потребовать выполнения прежних обязательств. Таким путем Г. Аузли пытался уйти от ответственности и развязать себе руки, чтобы уехать в Англию, не дожидаясь возвращения царя.

До вступления в Париж войск седьмой коалиции (6—8 июля 1815 г.) Мирза-Аболь-Хасан-хан мог рассчитывать, что активность Наполеона поднимет иранский престиж в международных отношениях и благоприятно отразится на ожидаемых переговорах в Петербурге.

⁴⁷ См. غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، تهران، ۱۳۱۷، ص ۲۹۲.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 502, 1813—1816, л. 19.

⁴⁹ См. там же.

⁵⁰ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۴۱.

⁵¹ «Военный сборник», 1887, № 2, стр. 208—209; Н. Ф. Дубровин, История войны, т. VI, стр. 199.

«Когда Наполеон перешагнул через Альпы,—замечает по этому поводу М. Махмуд,— война в Европе могла окончиться поражением Англии и потому значение Ирана намного возросло, а цена его дружбы неожиданно поднялась. «100 дней» Англия не сводила с Ирана глаз, а Россия, в случае победы Наполеона, уступила бы на переговорах»⁵², которые откладывались под предлогом пребывания Александра I в Европе.

Вот почему, когда одновременно с высадкой во Франции Наполеона его старый агент Давид Мелик-Шахназарян 2 марта 1815 г. выехал в Иран из турецкой столицы, шах и Аббас-мирза с нетерпением ожидали его приезда. Они не посчитались с унижительными обязательствами шаха по статье первой только что подписанного Тегеранского договора—«не допускать в Иран лиц из европейских стран, враждебно настроенных по отношению к Англии»⁵³; и не обратили внимания на секретаря английской миссии Д. Кемпбелла, который по поручению Г. Аузли, напуганного бегством Наполеона с Эльбы, доставил из Петербурга письмо Аббас-мирзе. А когда Мелик-Шахназарян в начале июня 1815 г. прибыл в Тегеран, шах не скрывал своего раздражения, что получил письмо не от Наполеона, который в это время торжественно присягал французской конституции, палатам парламента и армии, а от Людовика XVIII, который еще 19 марта бежал из Парижа⁵⁴.

Во время «100 дней» Наполеон уже в последний раз пытался восстановить прерванные связи с шахом. 9 июня в Константинополь прибыл его ученый миссионер Амдей Жобер⁵⁵. Вместе с французским поверенным в делах Руф-

محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۴۱.

⁵³ Там же, стр. 144.

⁵⁴ После первой реставрации правительство восстановленной французской монархии пыталось установить с Ираном дипломатические отношения.

⁵⁵ Еще в 1806 г. на переговорах в Тегеране А. Жобер добился согласия Фатх-Али-шаха заключить союз с Наполеоном, не прекращать войну против России без согласия Франции и пропустить в Индию французские войска по иранской территории. (Об этом см. „Correspondance de Napoléon“, t. X, № 8329, 8535; P. A. Jaubert Voyages en Armenie et en Perse en 1805—1806, Paris, 1821, pp. 223, 351;

محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۳۹—

фоном он энергично взялся за дело: завязал переписку с шахом, собирался поехать в Иран, но ничего не достиг из-за Ватерлоо и второй реставрации.

Следившая за действиями французского эмиссара английская разведка в Турции информировала о нем свое посольство в Петербурге, а Г. Аузли обратил на это внимание царского правительства. Английские дипломаты создавали впечатление, что Жобер восстанавливает шаха против России, несмотря на то, что поздно вечером 19 марта 1815 г. в письменном столе кабинета короля, бежавшего из Парижа, Наполеон нашел секретный договор Англии, Франции и Австрии против России. Людовик XVIII бежал так внезапно, что впопыхах забыл у себя в столе этот документ, а Наполеон, в решении которого покинуть Эльбу немалую роль сыграли дошедшие до него слухи о разногласиях на Венском конгрессе, отправил в Вену курьера, который вручил этот документ императору Александру.

Несмотря на то, что деятельность Жобера в Константинополе почти не изучена, можно полагать, что до второй реставрации он добивался раскола коалиции путем выхода из нее России и потому в 1818 г. он приехал на Кавказ и встретился с А. П. Ермоловым⁵⁶. Возможно также, что Жобер имел и другую задачу. Нельзя не учитывать, например, что в Константинополь он приехал тогда, когда Порта, воодушевленная возвращением Наполеона во Францию, проводила в отношении России враждебную политику: эрзерумский сараскир с 20-тысячным отрядом двинулся в Ахалцихский пашалык; для усиления этого отряда трапезундский паша отправил к русской границе 12 тысяч аскеров; активизировалась деятельность турецкой агентуры на Северном Кавказе и в Дагестане.

Недовольный затянувшимся пребыванием Аболь-Хасан-хана в России, Аббас-мирза тоже пытался воспользоваться возвращением Наполеона. Он отправил в Турцию посла Мирза-Резу для переговоров о союзе и, в нарушение Гюлистанского договора, отказался репатриировать пленных⁵⁷. Не исключено поэтому, что приехав-

⁵⁶ См. Архив князя Воронцова, кн. 36, М., 1890, стр. 222 (Ермолов—Воронцову, 25 октября 1818 г.).

⁵⁷ А. Р. Иоаннисян, указ. работа, стр. 436—439.

ший в Константинополь Жобер вначале содействовал антирусской деятельности турок и персов, а после второй реставрации и назначения герцога Ришелье председателем совета министров содействовал франко-русскому сближению в районах Черного и Каспийского морей.

Капитуляция Наполеона существенно повлияла на русско-иранские и англо-иранские отношения.

Рескриптом от 9 августа 1815 г. император Александр отклонил предложение иранского посла о поездке во Францию. Не затрагивая вопроса о границах, царь лишь выражал надежду на добрососедские отношения в будущем⁵⁸. Этот документ был подписан меньше чем через месяц после сдачи Наполеона англичанам в Рошфоре. Факт этот произвел впечатление не только на Г. Аузли, который признал свою миссию законченной и в награждение иранскому послу ни с чем возвратился в Англию, но и на главу первой постоянной английской миссии Г. Виллока, который приехал в Иран тоже после второй реставрации и, по свидетельству иранских хронистов, «казался надменным, несговорчивым и безразличным к запросам Тегеранского двора»⁵⁹. В этих условиях на получение английской субсидии оставалось мало надежды, поэтому шах и его наследник добивались возвращения в Иран отозванных английских военных инструкторов. Они говорили Г. Виллоку, что иранская армия, вооруженная английским оружием и обученная по английским уставам, не может обойтись без английских офицеров⁶⁰. Другими словами, Виллоку хотели внушить, что не могут обойтись без политики реваншизма, новой войны против России и захвата Закавказья с помощью Англии. Поддерживая эту агрессивную концепцию Каджаров, проф. М. Махмуд возмущается «беззаботной» политикой Англии «вызывавшей, по его словам, внутренние и внешние беды Ирана» (?), и пытается объяснить эту политику тем, что после 1815 г. «Англия не нуждалась в поддержке Ирана, так как успела укрепиться в Афганистане и в Центральной Азии, где до этого сталкивалась с влиянием Ирана».

⁵⁸ См. Н. Ф. Дубровин, указ. работа, стр. 209—210.

⁵⁹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۶۲.

⁶⁰ См. там же.

Оставляя в тени колониальную политику Англии, М. Махмуд заявляет, что у него, дескать, «создается впечатление, что втянутый в водоворот международной политики Иран был схвачен за шиворот и, в обстановке его внутренних и внешних несчастий, брошен в гибельную пропасть». Махмуд не решается сказать, что большинство этих несчастий было уготовано Ирану захватнической политикой Каджаров в Закавказье, экспансией и соперничеством держав и отнюдь не «беззаботной» политикой Англии. М. Махмуд удивляется, что в одном только 1815 г. в Иране вспыхнули восстания туркмен и арабов, а афганские племена и отряды хорезмского эмира вторглись в Хорасан. Однако при этом он обходит молчанием длительную поездку исполнявшего обязанности английского посланника Д. Мориера в Хорасан и в Астрабад к тем же туркменам накануне их выступления; он не осуждает Англию за ее причастность к восстанию арабов и, запутавшись в противоречиях, обвиняет Англию за недостаточную военную и финансовую помощь, которая довела Иран до катастрофы⁶¹.

Влияние Ирана в Азии, широко рекламируемое проф. Саидом Нафиси, М. Махмудом и другими иранскими историками, не имело, конечно, решающего значения для Англии, которая в 1815 г. была удовлетворена ослаблением французского соперника, прекращением дальнейшего продвижения русского корпуса в Восточной Армении, а также Тегеранским договором, который обеспечил в Иране преобладание Англии в противовес влиянию России.

* * *

12 декабря 1815 г. император Александр вернулся в Петербург. Через неделю Мирза-Аболь-Хасан-хан просил его «уточнить» Гюлистанский договор путем возвращения Ирану Восточного Закавказья. «Шах уверен,— заявил посол,— что не получит отказа в просьбах, столь ничтожных в сравнении с величием души российского императора, слава которого затмила славу Александра Македонского и распространилась по всему свету»⁶².

⁶¹ См. там же, стр. 162, 165.

⁶² «Военный сборник», 1882, т. 2, стр. 213.

Через месяц Мирза-Аболь-Хасан-хан обратился в МИД России, где его хорошо знали еще с 1813 г., когда при заключении Гюлистанского договора он злоупотребил неопытностью русских переводчиков и в персидском тексте изменил смысл статьи VI о пленных, чем впоследствии воспользовалось правительство шаха⁶³. Графу Нессельроде он передал официальную ноту, в которой настаивал на полном пересмотре Гюлистанского договора. «Так как Гюлистанский текст составлен кратко и только в общих чертах,— говорилось в ноте,— то я надеюсь, что в Петербурге будет заключен другой договор более детальный и определенный, по которому великий император великодушно возвратит шаху по его просьбе ханства, уступленные России Гюлистанским трактатом. При этом Иран заплатит России ее военные издержки»⁶⁴. В крайнем случае, иранское правительство соглашалось «оставить России Грузию и Дагестан»⁶⁵.

Следовательно, речь в этой ноте шла не о разграничении, а о полном пересмотре Гюлистанского договора и возвращении к границам 1801 г. Показательно, что эта нота была передана в МИД России одновременно с нотой турецкого посла, предъявившего претензии султана на всю Западную Грузию вопреки Бухарестскому договору, а 23 марта английское посольство в Петербурге официально поддержало демарш иранского посла⁶⁶.

Совместный демарш иранского, турецкого и английского посольств был не случайным совпадением. После Венского конгресса, усилившего соперничество держав на Востоке, Англия стремилась укрепить свое влияние в Иране и Турции и всячески разжигала недовольство этих стран Россией.

В ответной ноте МИД России говорилось, что Гю-

---

⁶³ По этой статье пленные сторон должны были быть возвращены в течение 3 месяцев после заключения Гюлистанского договора, а беглецы и преступники могли вернуться только по их желанию. Однако в персидском тексте сказано: «как пленные, так и беглецы возвращаются по их желанию».

⁶⁴ Французский текст этой ноты приведен в кн. *А. П. Щербатова* «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич», т. II, СПб., 1890, Приложение к гл. 1, стр. 3.

⁶⁵ Архив Ленингр. отд. Ин-та истории АН СССР, ф. 1146, д. 291, лл. 322—333.

⁶⁶ АКАК. т. VI, ч. 2, стр. 115.

листанский договор даже не соответствует безопасности русских границ и что окончательный ответ будет дан после осмотра границ генералом А. П. Ермоловым, который заменит ген. Ртищева и отправится в Иран в качестве чрезвычайного и полномочного посла. Комментируя это решение Нессельроде и повторяя тенденциозную версию Г. Аузли, иранский проф. Али Акбар Бина осуждает Александра I за то, что «сперва он обещал уступить Ирану Закавказье», несмотря на то, что на деле царь не давал такого обещания, а затем, надолго задержавшись в Европе, задержал ратификацию Гюлистанского договора, чтобы дожидаться падения Наполеона. Потом он воспользовался этим, круто повернул политику и, сославшись на добровольное присоединение народов Закавказья к России, отказал Ирану даже в пяди земли»⁶⁷.

Не ограничившись ответом иранскому послу, 22 апреля Нессельроде написал Кэткарту, что трудно допустить вмешательство Англии в русско-иранские отношения «на основании тех государственных принципов, кои британский кабинет в подобных обстоятельствах руководствуется»⁶⁸. Российский посол в Лондоне Х. А. Ливен сделал аналогичное заявление английскому правительству⁶⁹, и Мирза-Аболь-Хасан-хану ничего не оставалось, как 22 мая выехать на родину. В это же время Фатх-Али-шах решил установить дипломатические отношения с Людовиком XVIII и отправил в Париж Мелик-Шахназаряна в качестве иранского посла.

11 июня 1816 г. Мелик-Шахназарян был торжественно принят французским королем в присутствии министра иностранных дел по причинам, которые нетрудно было предвидеть. В связи с сокращением английской военной помощи, шах искал поддержку у Франции, которая в свою очередь рассчитывала использовать торговые связи с югом России и с Турцией, чтобы возобновить транзитную торговлю с Ираном через порты Черного и Средиземного морей. Осуществляя этот план, француз-

⁶⁷ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،

ص ۱۸۲.

⁶⁸ АКАК, т. V, стр. 774—775.

⁶⁹ См. «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составил Ф. Ф. Мартенс, т. XI, СПб., 1895, стр. 265—266.

ское консульство в Трапезунде стремилось перехватить торговлю Смирны и Алеппо и, чтобы избежать столкновения с Англией, пыталась наладить торговлю через Редут-кале—поближе к прибрежной полосе Кавказа⁷⁰. Одновременно Франция все более решительно стремилась проникнуть в Иран, чтобы восстановить позиции, с которых была вытеснена Тильзитским миром и английской дипломатией.

4

Посольство главнокомандующего Кавказским корпусом А. П. Ермолова в Иран было важным этапом в русско-иранских отношениях после заключения Гюлистанского и Тегеранского договоров⁷¹.

По инструкции⁷² Ермолову предписывалось договориться об открытии в Тавризе постоянной дипломатической миссии; добиться освобождения военнопленных; достигнуть соглашения о нейтралитете Ирана на случай русско-турецкой войны; решить по своему усмотрению территориальные споры и вопрос о признании Аббас-мирзы наследником иранского престола.

Ермолову предлагалось «не допускать посредничества английских дипломатов на переговорах, ликвидировать в Иране влияние Англии⁷³ (?) и не использовать Иран для ослабления английского влияния в Индии»⁷⁴(?). Инструкция была явно составлена без знания иранских условий и создавала ложное впечатление, будто с английским влиянием в Иране наверняка будет покончено и что того же, при желании, можно добиться и в Индии (?).

203 сотрудникам ермоловской миссии было не по плечу «остановить перевес английского влияния в Персии, ослабить его непримитивным образом и, наконец,

⁷⁰ Об этом см., например, *Л. С. Семенов*, Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века, ЛГУ, 1963, стр. 51, 52.

⁷¹ А. П. Ермолов был назначен чрезвычайным и полномочным министром в Иране указом Александра I от 29 июля 1816 г.

⁷² Мы пользовались копией подлинника текста этой инструкции в ЦГАВМФ в Ленинграде, ф. 19, оп. 4, д. 441; Ср. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 122—127 и «Записки А. П. Ермолова», т. 2, стр. 191 и др. В составлении этой инструкции, утвержденной Александром I, участвовали министры иностранных дел, финансов и др.

⁷³ См. ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 441, л. 15.

⁷⁴ АКАК, т. VI, ч. 2, док. 267.

вовсе истребить оное»⁷⁵. Только впоследствии Ермолов был вынужден разъяснить графу Нессельроде, что сама постановка вопроса—«истребить влияние англичан», означала, что надо было сделать этих англичан ненужными для Ирана, т. е. заменить их во всех тех отношениях, в которых шах и Аббас-мирза считали их необходимыми. Но англичан, указывал Ермолов, удерживает не один Аббас-мирза для обучения и организации армии. Их не менее прочно связывают с персами деньги, которые составляют ничтожную часть прибылей Ост-Индской компании и щедро раздаются иранским министрам, а последние, злоупотребляя слабостью шаха, склоняют его в пользу Англии⁷⁶. Ермолов признавал, что ни торговлю этой компании, «ни рассеваемых ими денег мы заменить не в состоянии»⁷⁷.

На продажность и подкупность иранских министров указывает и М. Махмуд. Не важно, что делает он это с опаской и не от своего имени, а цитируя Р. Ватсона, который упрекал Фатх-Али-шаха в том, что он окружил себя низкими, алчными людьми, а Ермолов, дескать, пытался воспользоваться этим и решить поставленные перед ним задачи дорогими подарками царя⁷⁸, т. е. теми же средствами, которые применялись английскими дипломатами задолго до Ермолова.

Экономическая программа инструкции предусматривала учреждение российского генерального консульства в Реште и торговых контор в Энзели и Астрабаде. Посольству предлагалось собирать информацию о ценах и торговле в Иране; освободить российские товары от пошлин внутри страны; заключить контракты с владельцами складов и караван-сараяв, изучить состояние дорог и т. д.

В условиях экономического преобладания Англии в Иране и предъявляемых шахским двором претензий на

⁷⁵ ЦГА ВМФ, ф. 19, д. 441, оп. 4, л. 15.

⁷⁶ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 356, стр. 186; «Записки А. П. Ермолова», т. 2, стр. 56—57.

⁷⁷ Только в первой четверти XIX в. Англия израсходовала в Иране 75 млн. руб. Об этом см. З. Т. Григорян, Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в., стр. 100—101.

⁷⁸ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگلیس،

Закавказье экономические задачи русского посольства тоже были практически невыполнимы.

Небеспристрастный Ватсон отмечал, что единственное, чего добился в Петербурге Мирза-Аболь-Хасан-хан, это обещание царя отправить в Иран Ермолова для решения территориальных споров⁷⁹. И действительно, можно было ожидать, что Ермолов получит конкретные указания о границах, однако в инструкции этот вопрос был оставлен открытым. О том, как разбирались в этом вопросе в Петербурге, свидетельствует небезынтересное письмо Александра I Ермолову. «Нельзя ли в самом деле,— спрашивал император всероссийский,— уступить Персии какие-нибудь земли, в удержании коих нет для нас совершенной необходимости, но зато получить другие выгоды»⁸⁰. Парадоксально, что в то самое время, когда тегеранский двор без всякого основания ожидал, что ген. Ермолов вернет Ирану ханства в Закавказье, некогда захваченные иранскими войсками, Александр I тоже рассчитывал на уступку, но только со стороны Ирана. «Было бы не плохо,— говорилось в инструкции,— обменять Карабах и Северный Талыш на Эриванское и Нахичеванское ханства»⁸¹. Отметим еще, что Ермолову предписывалось «сохранить существующее положение в отношениях с Ираном»⁸² несмотря на то, что эти отношения были до предела обострены и клонились к разрыву.

Гюлистанский договор не мог, конечно, покончить с претензиями Ирана на отошедшие к России области в Закавказье и навряд ли был бы подписан Ираном без «Сепаратного акта», с помощью которого иранские дипломаты получили и по указке англичан настойчиво пытались использовать если не юридическое, то, во всяком случае, моральное право обращаться непосредственно к царю для пересмотра границ. В первую очередь это касалось границы в Талыше, которая вообще не была определена в договоре, составленном, по оценке Ермолова, «без знания земли». Заметим еще, что миссия Ермолова тоже создавала условия для предъявления Ираном тер-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ АКАК, т. VI, ч. 2, № 267.

⁸¹ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 441, л. 14 об.

⁸² «Записки А. П. Ермолова», т. 2, стр. 191.

риториальных претензий, в то время как любое, приемлемое для шаха, решение территориальных вопросов было связано с возвращением Ирану части Закавказья и ущемлением интересов царизма. Не было это и в интересах самих народов Закавказья, на что справедливо указывали прогрессивные мыслители Армении, Грузии и Азербайджана. А. П. Ермолов тоже отстаивал эту точку зрения в своих донесениях царю и министру иностранных дел.

С другой стороны, без территориальных уступок нельзя было рассчитывать на улучшение русско-иранских отношений⁸³ и, следовательно, на успех ермоловской миссии.

Заметим еще, что отдельные положения инструкции не предусматривались Гюлистанским договором, который ко времени поездки Ермолова в Иран еще не был опубликован⁸⁴ и не вступил в силу. Независимо от иранских претензий, содержание этого договора, через четыре года после заключения, не отражало новых условий, и Ермолову было предписано обновить договор дополнительным соглашением и при этом, не делать существенных уступок Ирану без санкции царя⁸⁵. Это вполне соответствовало взглядам Ермолова, который в ноябре 1816 г. осмотрел спорные участки границы и написал Александру I, что Ирану ничего отдавать нельзя. В связи с этим нельзя согласиться с Л. С. Семеновым, который считает, что Россия выдвинула в инструкции ряд дополнений к Гюлистанскому договору только потому, что Иран сам предложил пересмотреть этот договор⁸⁶.

С прибытием Ермолова в Тифлис коллежский советник С. Мазарович в октябре 1816 г. был отправлен в Иран для согласования вопросов церемониала, а капитан Назаров—в Константинополь к русскому послу Строганову для получения дополнительной информации об отношениях Турции с Ираном и Россией, так как Турция сосредоточивала в то время войска на границе с Рос-

محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۶۶،⁸³

⁸⁴ Гюлистанский договор был опубликован 16 июля 1818 г.

⁸⁵ Об этом см. Александр Ермолов, Алексей Петрович Ермолов (Биографический очерк), СПб., 1912, стр. 87.

⁸⁶ См. Л. С. Семенов, указ. работа, стр. 35.

сией и с помощью своих агентов вела антирусскую пропаганду на Кавказе. Тогда же в Петербурге стало известно, что английская дипломатия добивалась смягчения старых ирано-турецких разногласий с целью объединить эти страны против России⁸⁷. Учитывая эту заинтересованность Англии, а также напряжение в англо-иранских отношениях, возникшее в 1816 г. в связи с британской агрессией в районе Персидского залива, российское министерство иностранных дел предполагало и опасалось вмешательства Англии в переговоры Ермолова. Нессельроде писал Х. А. Ливену, что в отношениях России со странами Азии нельзя допускать «ни посредничества, ни вмешательства, ни даже добрых услуг иностранной державы», что этот принцип «превратился в России в государственную аксиому» и что Англия «в состоянии наилучшим образом понять причины, из-за которых Александр I не отступит от этой аксиомы»⁸⁸. Необычная твердость, которую проявил в этом случае Нессельроде, в определенной мере была вызвана отклонением Англией предложения России о посредничестве в англо-американском конфликте.

Ливен довел до сведения правительства Великобритании о миссии Ермолова в Иран и указал на недопустимость даже малейшего вмешательства Англии «в исключительные интересы России»⁸⁹. На это заявление английский министр иностранных дел Р. Кэстльри ответил многозначительным молчанием. «Я должен с удивлением отметить,—рассказывал Ливен об этой встрече,—о том полномеш молчании, которое соблюдал Кэстльри как в этом, так и в предыдущих случаях, когда дело касалось этого вопроса. Он ограничился от имени английского правительства выражением моему двору величайшей признательности за такое сообщение»⁹⁰. Ливен почему-то считал, что Англия искренне дорожит своими отношениями с Россией и не рискнет в связи с посольством Ермолова вызвать недовольство России, если английского короля не толкнет на этот шаг венский ка-

⁸⁷ См. АВПР, МИД. Канцелярия, 1813, д. 2285, л. 37—38.

⁸⁸ «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». т. XI, СПб., 1895, стр. 265—266.

⁸⁹ Там же, стр. 265.

⁹⁰ Там же.

бинет и князь Меттерних⁹¹. Вскоре, однако, выяснились неискренность Кэстльри и заблуждения Ливена.

30 апреля 1817 г. посольство Ермолова торжественно встретили на границе эриванский сардар Хусейн-Кули-хан и Аскер-хан, который был послом при Наполеоне, а теперь должен был сопровождать Ермолова в качестве мехмандара⁹². В Тавризе посольство было встречено гвардией Аббас-мирзы в составе 15 тыс. солдат и офицеров, среди которых было немало англичан. Линдзей, Гарт, Мак Интош, Э. Виллок и другие обучали иранские войска, отливали для них пушки, строили укрепления. Ермолов не мог не убедиться, что в Тавризе без англичан ничего не делается; что чуть ли не по всем вопросам Аббас-мирза консультировался с находившимся при нем английским поверенным Г. Виллоком и что об «истреблении английского влияния» не может быть и речи. Кстати, английские дипломаты сами пытались ослабить русское влияние. Вопреки заверениям британского министра иностранных дел, его дипломаты Г. Виллок и Д. Кэмпбелл уговаривали Ермолова дать согласие на их участие при переговорах с шахом и Аббас-мирзой. Не добившись этого, английский поверенный упрашивал посла пригласить хотя бы англичанина-переводчика.

«При дворе Аббас-мирзы живут иностранцы,—писал об англичанах Ермолов,— все их замыслы направлены против России, одобряются принцем, а также более опытным и коварным Мирза-Бозоргом»⁹³. Аббас-мирза даже объявил Ермолову, что на демаркации границы в Талыше иранским комиссаром будет английский офицер. «Я не понимаю,—возмущался Ермолов,— как могут офицеры дружественной нам державы служить в Персии, заниматься устройством их регулярных войск и де-

⁹¹ Там же.

⁹² См. محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۶۷.

Мехмандар (مهماندان) — это чиновник иранского правительства, назначаемый для сопровождения знатных иностранцев во время их пребывания в стране.

⁹³ АКАК, т. VI, ч. 2, № 340, стр. 176. Речь идет о каймакаме наследного принца, который ведал всеми делами Аббас-мирзы и пользовался неограниченной властью.

монстрировать мундир своей нации»⁹⁴. В пику Ермолову Аббас-мирза объявил еще, что закупил в Англии оружие и обмундирование для иранской армии⁹⁵.

Несмотря на то, что к Ермолову были приставлены мехмандар Аскер-хан и тайные иранские агенты, английские дипломаты тоже ходили по его пятам. Даже британский посол в Петербурге отправил в Иран секретаря посольства Р. Кер Портера⁹⁶, чтобы тот под видом путешественника следил за действиями русского посла. В Иране этот английский дипломат выдавал себя за живописца, интересующегося искусством древнего Востока⁹⁷, однако это не помешало ему встретиться с эриванским сардаром и беседовать с ним на военные темы⁹⁸, а в своей книге признать усиление русского влияния в Иране⁹⁹.

Переговоры Ермолова с Аббас-мирзой носили напряженный характер. С самого начала посол осудил «чулочную дипломатию» и отказался войти во дворец Аббас-мирзы без сапог, а наследный принц в отместку за обиду принял Ермолова у себя во дворе, стоя на каменном помосте.

На переговорах Аббас-мирза пытался доказать права Ирана на отошедшие к России области в Закавказье; не скрывал, что с сожалением видит их в пределах России и болезненно реагировал на все возражения¹⁰⁰. Было очевидно, что Аббас-мирза хочет задержать Ермолова в Тавризе, чтобы выяснить и сообщить шаху о полномочиях и намерении посла возвратить Ирану Карабах и Талыш, однако до встречи с шахом Ермолов уклонялся от прямых ответов.

---

⁹⁴ Нессельроде указал Ермолову, что этот англичанин должен явиться на границу в виде служащего шаха и иметь соответствующие полномочия. Таким образом, возражения касались только английского мундира. Против самого англичанина возражений не было. Об этом см. АКАК, т. VI, ч. 2, № 343, стр. 180.

⁹⁵ См. там же, № 347, стр. 182.

⁹⁶ См. R. Ker Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia*, vol. I, London, 1821, pp. 332, 353, 354.

⁹⁷ См. «Записки Н. Н. Муравьева», «Русский архив», 1886, кн. 5, стр. 15; ср. «Русская старина», т. CXLIV, 1910, стр. 143—147.

⁹⁸ См. R. Ker Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia*, p. 509.

⁹⁹ См. там же.

¹⁰⁰ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 340, стр. 178—179.

Фатх-Али-шах, следивший за этими переговорами из Тегерана, отправил в Тавриз своего министра Абдул Вахаба, который, подобно Аббас-мирзе, тоже просил у Ермолова территориальных уступок, обещал за это помочь в репатриации военнопленных и даже пытался налугать посла перспективой новой войны¹⁰¹.

Усилия Ермолова освободить пленных ни к чему не привели. Сформированный Аббас-мирзой из числа военнопленных так называемый «Русский батальон» за несколько часов до прибытия в Тавриз российского посла был спешно отправлен на турецкую границу якобы для подавления курдского восстания. В Тавризе Ермолов содержался как невольник. Вокруг и даже на крыше дома, где он остановился, круглосуточно дежурил караул, предназначенный не столько для его охраны, сколько для того, чтобы не допускать к Ермолову военнопленных. Группа бывших русских солдат при попытке пробраться к послу была арестована и жестоко наказана, а один из пленных бросился с крыши караван-сарая, где в то время находились солдаты посольства. Ермолов заявил Абдул Вахабу, что «посол Российского императора не забудет этих гнусных поступков иранских властей»¹⁰², а Мирза-Бозорг угрозил опубликовать показания солдат о преступлениях шахских тюремщиков¹⁰³.

Не смог Ермолов договориться и об открытии в Реште генерального консульства. Мирза-Бозорг заявил послу, что Аббас-мирза еще не принял на себя управление Гилян и потому он-де не может дать разрешения на открытие консульства без санкции шаха, к которому ему и следует обратиться¹⁰⁴.

Ничего не добившись в Тавризе, посольство Ермолова в июле 1817 г. отправилось в Султание, где находилась летняя резиденция шаха. Туда же, вслед за Ермоловым, выехали англичане Г. Виллок, Д. Кемпбелл и Р. Кер Портер.

Судя по официальному отчету Ермолова, на переговорах с шахом, которые начались 31 июля и продолжа-

---

¹⁰¹ См. там же, стр. 179.

¹⁰² См. там же, стр. 176.

¹⁰³ См. «Журнал посольства в Персию ген. Ермолова» М., 1861, кн. 2, разд. 5, стр. 176.

¹⁰⁴ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 340, стр. 176.

лись целый месяц, он прежде всего добивался освобождения военнопленных, учреждения русской миссии в Тавризе, а также и торговых представительств на севере страны¹⁰⁵. Никаких территориальных уступок Ирану он делать не собирался, несмотря на то, что ежедневно, после официальной части переговоров, иранские министры по несколько раз посещали Ермолова и поочередно просили его уступить часть Закавказья. Возможно, что поэтому Фатх-Али-шах ограничился вежливым приемом Ермолова, а для решения других вопросов предложил снова связаться с Аббас-мирзой в Тавризе, где находилось большинство русских военнопленных и у которых надо было установить желание быть репатрированными. В Султанье Ермолов не договорился и об открытии генерального консульства в Реште. Послу заявили, что «провинция Гилян, где предполагалось открыть это консульство, дескать уже находится в управлении Аббас-мирзы, и что поэтому вопрос этот должен решить наследный принц»¹⁰⁶, а когда Ермолов вернулся в Тавриз, его по-прежнему уверяли, что Гилян остается собственностью шаха и что, кроме него, никто этого вопроса не решит. Столкновение экономических интересов Англии и России проявилось здесь особенно наглядно. Россия стремилась вытеснить из северных районов Ирана торговлю Англии, которая подчинила Иран своему контролю и не собиралась уступать свои позиции. Итоги переговоров Ермолова в Тавризе и Султанье свидетельствовали о том, что деятельность англичан была небезуспешной со времени заключения Гюлистанского договора, когда Мирза Аболь-Хасан-хан говорил, что под видом русских дипломатов и купцов в Гилян могут проникнуть русские войска¹⁰⁷ (?). Эта версия, напоминая легенду о троянском коне, понадобилась ему тогда для защиты английских интересов в центре иранского шелководства и, не в меньшей мере, для сохранения тайны о бедственном положении русских военнопленных, ставших жертвами деспотизма гилянских властей.

---

¹⁰⁵ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 548, оп. 1, д. 5 (71).

¹⁰⁶ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی، ص ۱۷۴.

¹⁰⁷ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 573, стр. 128.

В русских архивах мы не выявили других материалов о переговорах Ермолова с шахом в Сулеймание и потому критически отнеслись к тем опубликованным английскими и иранскими историками данным, которые во многом расходятся с официальным отчетом Ермолова об итогах его миссии. Иранский военный историк Голам Хусейн Моктадер отмечает, например, что «на территориальные требования шаха и его министров Ермолов ответил, что отчуждение в пользу Ирана некоторых районов Грузии и Карабаха не представляется возможным, так как подавляющее большинство населения этих районов—христиане, однако Россия готова отдать Ирану южную часть Тылышского ханства и некоторые другие пограничные участки, при условии, если в случае войны между Россией и Турцией Иран выступит на стороне России и воздержится от заключения сепаратного союза с Турцией»¹⁰⁸. Проф. Бина развивает эту версию. По его словам, шах отклонил предложение Ермолова о совместном выступлении против Турции потому, что он уже извлек для себя поучительные уроки у французского и английского правительств. Шах, замечает далее Бина, не мог забыть, как был обманут Наполеоном в Тильзите, где ради сближения с Россией были попораны интересы Ирана. Не мог забыть он и измену Англии, которая принесла Иран в жертву европейскому союзу¹⁰⁹. По версии этих историков, Ермолов добивался не нейтралитета Ирана в ожидаемой русско-турецкой войне, о чем говорилось в инструкции, а участия Ирана на стороне России. Надо полагать, что Бина, Моктадер и повторяющий их М. Махмуд извлекли эту версию из крайне тенденциозного сочинения Р. Ватсона¹¹⁰, который осуждает Иран за «хорошо перенесенные, отличные удары царизма», а ко времени миссии Ермолова за то, что «шах увидел отражение блеска этих ударов» (?). Ватсон не доволен тем, что «Россия и Иран, едва закончив вражду и войну, вступили по приглашению императорского правительства на

¹⁰⁸ غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، ص ۲۹۳

¹⁰⁹ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، جلد اول، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۷، ص ۱۹۱.

¹¹⁰ См. R. C. Watson, A history of Persia from beginning of the XIX century to the Year 1858, London, 1866.

стезю интимной дружбы и союза. После этого,—уверяет Ватсон,—шах получил наказ царя атаковать султана, однако это предложение было оставлено без внимания потому, что в Иране не могли забыть, как в свое время их интересы были брошены под ноги и безжалостно растоптаны»¹¹¹.

Повторяя друг друга, иранские историки указывают, что Ермолов предложил шаху пригласить русских офицеров для обучения иранской армии¹¹², открыть генконсульство в Реште и даже настаивал, чтобы шах отправил свои войска в Хиву для охраны торговых караванов России или с этой же целью разрешил подразделениям Кавказского корпуса сосредоточиться в Астрабаде¹¹³, а шах, дескать, ответил Ермолову, что его предложения не предусмотрены Гюлистанским договором и потому не могут быть приняты¹¹⁴.

В целом, иранские историки пересказывают английскую версию и, сами того не замечая, обвиняют шаха в том, что он во всем отказывал послу и сорвал переговоры. Чтобы ослабить это невыгодное впечатление, проф. Бина ввел в оборот утешительную версию о том, что шах непреклонно добивался соглашения и даже обещал Ермолову «отправить в Хорезм иранские войска после прекращения волнений в Герате»¹¹⁵. Известно, что эти «волнения» привели к Гератскому кризису и англо-иранской войне, которая закончилась 4 марта 1857 г. заключением мира в Париже. Следовательно, если исходить из версии Бина, для реализации обещаний шаха России пришлось бы дожидаться 40 лет!

¹¹¹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۶۶—۱۶۷.

¹¹² غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۱۷۳ — См. ص ۱۷۴.

¹¹³ علي اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۱۹۱ — См.

¹¹⁴ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۶۷، غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۲۹۳.

¹¹⁵ علي اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۱۹۱.

Иранская историография, посвятившая миссии Ермолова немало страниц, хранит молчание о тавризских встречах Ермолова со старшим сыном шаха Мохаммед-Али-мирзой, вероятно с целью отвести от Аббас-мирзы обвинения в братоубийстве. Впрочем, конспиративные встречи с принцем отрицательно сказались и на служебной карьере Ермолова, который еще до поездки в Иран изучал возможности для усиления Мохаммед-Али-мирзы в противовес наследному принцу.

Ермолов учитывал, что Фатх-Али-шах, опасаясь востаний народов и племен, поставил своих сыновей во главе провинций¹¹⁶. Наследником престола и наместником Южного Азербайджана, важной в стратегическом и экономическом отношениях провинции, шах назначил Аббас-мирзу, мать которого принадлежала к племени Каджаров, а два его старших брата, в том числе и Мохаммед-Али-мирза, родились от невольниц¹¹⁷ и потому формально не могли претендовать на престол. Несмотря на это, на окраинах государства каждый из принцев, и в первую очередь Мохаммед-Али-мирза, управлявший Керманшахской провинцией, собирал вокруг себя приверженцев, вооружал их и готовился занять трон¹¹⁸.

Если Фатх-Али-шах благодаря страху, внушенному народам Ирана его суровым предшественником Ага-Мохаммед-шахом, мог надеяться, что его сыновья не начнут междоусобной войны при его жизни, то положение Аббас-мирзы было сложнее. Он не сомневался, что после смерти отца опасность будет угрожать ему повсюду: со стороны Мохаммед-Али-мирзы и других старших братьев, которые по традиции персидских династий претендовали на престол; со стороны младших братьев, часть которых почти независимо управляла отдаленными им областями и готовилась к захвату власти в разгаре борь-

---

¹¹⁶ Династия Каджаров правила в Иране с 1794 по 1925 г. Гнет и произвол Каджаров, а также засилье иностранного капитала превратили Иран в полуколониальную страну и вызвали мощные народные движения (Бабидские восстания 1848—1852 гг., революция 1905—1911 гг., национально-освободительное движение 1920—1921 гг.), которые нанесли сильнейшие удары по Каджарской монархии и подготовили ее свержение.

¹¹⁷ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 1.

¹¹⁸ См. там же, л. 2.

бы; со стороны народов Ирана, которые связывали поражение иранской армии в минувшей войне с именем Аббас-мирзы; наконец, со стороны шиитского духовенства, приписывавшего Каджарам и Аббас-мирзе «унижение» мусульман перед «неверными»—христианами России за потерю мусульманских ханств в Закавказье¹¹⁹.

Чтобы укрепить положение наследного принца и заручиться поддержкой соседней России на случай междоусобной войны каджарских принцев, шах добивался, чтобы Россия тоже признала Аббас-мирзу наследником иранского престола. Однако Ермолов своим главным противником считал именно Аббас-мирзу, которого ненавидел и не хотел признавать. «Аббас-мирза добра нам не желает»,— писал он Александру I. Окружив себя врагами России, он «воспользуется первой возможностью, чтобы объявить войну и он один будет ее причиной»¹²⁰.

В то время, когда Ермолов стремился противопоставить Аббас-мирзе другого принца, Мохаммед-Али-мирза спешил воспользоваться враждой Ермолова с Аббас-мирзой и с этой целью приехал в Тавриз, к приезду туда русского посольства. Мечтая победить младшего брата и овладеть заветным престолом, он шел на любую политическую сделку с иностранцами. Еще в 1939 г. В. И. Антюхина обратила внимание на то, что при Наполеоне, когда Аббас-мирза ориентировался на Францию, его брат Мохаммед-Али-мирза возглавил сторонников сближения с Англией, а когда англичане вытеснили из Ирана французов и начали поддерживать Аббас-мирзу, его старший брат стал противником Англии и добивался поддержки России¹²¹.

На конспиративной встрече в Тавризе¹²² Мохаммед-Али-мирза заявил Ермолову, что своему брату он наследства не уступит; жаловался на шаха, который, по его словам, не нашел способа прекратить вражду братьев и решил организовать покушение на его жизнь, чтобы престол достался Аббас-мирзе. Мохаммед-Али-мирза не

¹¹⁹ См. ЦГИА Груз. ССР, там же, л. 1.

¹²⁰ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2.

¹²¹ Об этом см. Уч. зап. ЛГУ, т. 36, 1939, стр. 272.

¹²² См. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2. Ср. А. П. Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, Его жизнь и деятельность, т. II, СПб., 1891, прил., стр. 9.

скрывал, что больше всего опасается помощи, которую Россия при случае может оказать Аббас-мирзе. Он обещал Ермолову прилагать усилия, чтобы сохранить мир только потому, что война с Россией может усилить его конкурента: увеличит численность его войск и он получит много денег, после чего с ним невозможно будет бороться¹²³.

Посол советовал Мохаммед-Али-мирзе не начинать при жизни шаха борьбы со своим братом; разъяснил содержание четвертой статьи Гюлистанского договора об отношении России к судьбам иранского престола; договорился о способах тайной переписки и обещал при соответствующих обстоятельствах информировать принца о действиях, которые он предпримет в его пользу¹²⁴.

Русской дипломатии и разведке Мохаммед-Али-мирза мог оказать важные услуги. Английский дипломат Мориер, лично знавший этого принца, писал, что в отличие от Аббас-мирзы он наделен трезвым умом, решительным характером и энергией, которые смогли бы обеспечить ему решительный перевес в борьбе за престол¹²⁵.

Соглашение с Мохаммед-Али-мирзой Ермолов считал крупным достижением. «Я сообщаю такую тайну,— доверительно сообщал он графу Нессельроде,— от сохранения которой зависит жизнь и безопасность многих людей»¹²⁶. Ермолов уверял, что располагает полным доверием Мохаммед-Али-мирзы, который ненавидит англичан и возглавляет сильную партию, состоящую из знатнейших и древних иранских фамилий¹²⁷. Тогда же Ермолов отправил в Петербург весьма запутанный и противоречивый план дальнейших действий. Он считал, например, что после смерти шаха, когда в Иране начнется борьба за престол, Россия под благовидным предлогом должна отказаться от вмешательства в иранские дела, чтобы не поддерживать Аббас-мирзу. При этом он допускал,

---

123 См. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2.

124 См. там же, л. 2 об.

125 См. *Morier*, *Second voyage en Perse*, 1818, vol. 1, p. 426.

126 ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, д. 2 об.

127 См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 356, стр. 18 (Ермолов—Нессельроде, 12 апреля 1818 г.).

что «волнения» в Иране могут перекинуться на Кавказ (?), и чтобы не допустить этого предлагал провести военную демонстрацию на границе и «занять Эриванскую область с тем, чтобы иметь ее в залог восстановления порядка и чтобы обеспечить мир»¹²⁸. Остальная часть ермоловского плана показывает, что проблемы мира и порядка его отнюдь не привлекали, а вместо невмешательства в междоусобную борьбу каджарских шахзаде, о чем он говорил вначале, Ермолов уже считал возможным ввести в захваченную иранскими войсками Восточную Армению соединения Кавказского корпуса с тем, чтобы часть войск наследного принца оттянуть к закавказской границе и этим помочь Мохаммед-Али-мирзе овладеть престолом. «После этого,—заключает Ермолов,—будет видно, следует ли возвращать Эриванскую область»¹²⁹.

Александр I не одобрил тайных связей Ермолова с принцем Мохаммед-Али-мирзой. Позиция царя насторожила и, по-видимому, на некоторое время, напугала царского генерала. «Я уже впредь не дерзну даже в мыслях возобновить сношения или предложить что-либо подобное, что не соответствует политической системе России; я свято буду исполнять все предписания,—заверял царя Ермолов,—не могу думать, что меня обвинили за то, что я пламенно хотел усердствовать государю и отечеству, находясь по неопытности в совершенно новом для меня деле».¹³⁰ Ясно, что о неопытности Ермолова не могло быть и речи. Он явно приbedнялся, чтобы сохранить за собой высокую должность. В связи с этим заметим еще, что отношение Ермолова к монархии не всегда было одинаковым. До конца 1825 г. он пользовался неограниченным доверием Александра I. Однако со вступлением на престол Николая I, который не доверял Ермолову и снял его с поста главнокомандующего Кавказским корпусом, отношение Ермолова к монархии не могло не измениться. Во всяком случае, в начале 30-х годов XIX в. в России распространялись воззвания «К доблестным сынам России» за предполагаемой подписью Ермолова,

---

¹²⁸ А. П. Щербатов, указ. работа, стр. 17—18.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же, прилож. к 1 гл., стр. 26—27.

призывающие свергнуть Николая I¹³¹. Кстати сказать, покаянное обращение Ермолова к Александру I показывает еще, что он признавал свою вину только для формы, а на деле не скрывал, что продолжает придерживаться своих прежних взглядов. Например, он доказывал царю, что его связи со старшим сыном шаха вполне соответствовали политической обстановке и интересам России. Ермолов писал, что у Аббас-мирзы был небольшой выбор: либо пособиями англичан реорганизовать свою армию и добиваться возвращения потерянных областей в Закавказье, либо целиком перейти на сторону России, и с ее помощью сохранить власть над народом вопреки его желаниям, так как династия Каджаров незаконно похитила престол¹³². Ермолов считал, что Аббас-мирза непременно изберет первый путь, а Нессельроде предлагал ему не составлять преждевременных проектов, действовать в примирительном духе, стараясь всевозможными услугами и уступками умеренно противодействовать английскому влиянию в Иране, а также постоянно указывать шаху и Аббас-мирзе на выгодные последствия дружеского сосуществования с Россией¹³³. «Предоставим времени,— указывал осторожный граф,—развивать обстоятельства, которых мы ни под каким видом не должны вызывать ни нашим вмешательством, ни каким бы то ни было действием. Импульс деятельности англичан уже фактически существует и нам предстоит только ограничиваться ее дружелюбием, без тайных намерений округлять наши владения. Организовавшись в хозяйственном и военном отношениях, Персия делается верной и полезной союзницей России»¹³⁴.

История не оправдала оптимизма Нессельроде и его прогноза о дружелюбии Англии и Ирана. Забегая вперед, отметим, что в октябре 1821 г. царский двор был оза-

---

¹³¹ Происхождение этих воззваний не изучено. Существует версия, что они распространялись польскими революционерами. Некоторые из этих листовок хранились в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ф. «Зимний дворец», д. 1640, «Доблестным сынам России»), а их копии—в научном архиве Института истории и философии АН Азербайджанской ССР.

¹³² См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 356, стр. 187.

¹³³ См. А. П. Щербатов, указ. работа, т. 2, стр. 18—19, а также прилож. к гл. VIII, стр. 19—24.

¹³⁴ Там же.

дачен неожиданным появлением в Петербурге некоего Кифала, который объявил, что является представителем Мохаммед-Али-мирзы¹³⁵. Кифал заявил, что прибыл для организации секретной связи между принцем и императорским двором, а также для получения гарантий о помощи России старшему сыну шаха в борьбе против Аббас-мирзы¹³⁶.

В министерстве иностранных дел Кифалу ответили, что IV статьей Гюлистанского договора Россия обязалась признать наследником престола того из принцев, который будет избран Фатх-Али-шахом. И поскольку им уже назначен Аббас-мирза, то Россия не может признать наследником Мохаммед-Али-мирзу, равно как и не обязана вступать в споры принцев за корону или заранее объявить себя сторонником одного из них¹³⁷. Кифалу указали, что Россия желает мира и никогда не позволит себе открыто или тайно дать повод к междоусобной борьбе, тогда как заключение договора с Мохаммед-Али-мирзой привело бы именно к этому. Кифалу было сказано еще, что Александр I «не думает увеличивать свою обширную империю за счет Ирана и не думает вредить или угрожать Англии нападением на ее Ост-Индскую компанию»¹³⁸.

По мнению Нессельроде, Кифала «отправили легковерные агенты Ост-Индской компании с целью разведать планы России в Иране». В связи с этим Ермолову было предложено объявить Кифалу свое мнение о назначении агента и проследить, откуда он прибыл. Нессельроде упрекал Ермолова за допущенные ошибки: «Вы имели новый случай,—писал он,—убедиться, сколь противны правилам государя все переговоры такого рода»¹³⁹.

История с Кифалом показывает, что этот агент был отправлен в Россию вовсе не принцем Мохаммед-Али-

¹³⁵ Надо полагать, что прибывший иранец назвал себя «кафил» (کافیل), что означает в переводе «заместитель» или «поручитель», в данном случае Мохаммед-Али-мирзы. Однако в Петербурге это слово ошибочно приняли за имя пришельца. (Б. Б.).

¹³⁶ См. А. П. Шербагов, указ. работа, т. 2, стр. 18—19.

¹³⁷ См. ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 89, л. 31 об.

¹³⁸ ЦГАДА, ф. 1046, оп. 1, д. 332.

¹³⁹ Во время ирано-турецкой войны, начавшейся в 1821 г., Россия не воевала с Турцией. В то время Мохаммед-Али-мирза навряд ли рассчитывал на поддержку Александра I и, по-видимому, не он отправил Кифала в Петербург.

мирзой. Это видно из того, что Кифал обратился не к Ермолову в Тифлисе, а отправился в далекий Петербург, где ничего не знали о разработанной в Тавризе секретной системе связи, потому что после осуждения Ермолова за его переговоры с принцем генерал не информировал Петербург о способах его переписки с Мохаммед-Али-мирзой.

Не исключено, что о тавризских встречах Ермолова со старшим сыном шаха стало известно Аббас-мирзе и англичанам, например, полковнику Р. Кер Портеру, который по поручению Кэткарта организовал наблюдение за Ермоловым¹⁴⁰.

Вместе с шахом Аббас-мирза выжидал удобного случая, чтобы организовать убийство опасного конкурента в борьбе за престол. Это было известно и Мохаммед-Али-мирзе, о чем он жаловался Ермолову. Англичане же хотели устранить препятствие для английской транзитной торговли, проходившей через Керманшах, управляемый Мохаммед-Али-мирзой. К тому же, этот принц командовал южной группой иранских войск в ирано-турецкой войне, прекращения которой добивались англичане. Нельзя, поэтому, считать случайным совпадением появление Кифала в Петербурге в разгар этой войны и, как отмечает М. Махмуд, неожиданную смерть принца в Керенде¹⁴¹, или, скорее всего, убийство Мохаммед-Али-мирзы после возвращения Кифала в Иран. Показательно также, что смерть принца наступила вскоре после того, как руководимые им войска разбили турок под Багдадом и принудили их к капитуляции¹⁴², что, несомненно, было опасным сигналом для Аббас-мирзы. Смерть брата укрепила позиции Аббас-мирзы, так как другой его старший брат—Мохаммед-Вали-мирза, человек в высшей степени ограниченный и неспособный, не представлял для него никакой опасности¹⁴³. Отметим еще, что английские офицеры сопровождали останки Мохаммед-Али-мирзы до

¹⁴⁰ См. «Записки Н. Н. Муравьева», «Русский архив», 1886, кн. 5, стр. 15.

¹⁴¹ См. محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس،

ص ۱۹۰.

¹⁴² См. там же.

¹⁴³ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 3.

шиитских святынь в Кербала. Столь необычное участие к праху их недавнего противника должно было отвести подозрения в преднамеренном убийстве принца.

Таким образом, в 1817 г. на переговорах А. П. Ермолова с шахом, Аббас-мирзой и их приближенными обсуждались две группы вопросов. Первая из них непосредственно относилась к Гюлистанскому договору и предусматривала освобождение военнопленных, признание иранского престолонаследника и демаркацию границы в Талыше.

Другая группа вопросов касалась предложений Ирана и России, не предусмотренных договором. Шах и Аббас-мирза добивались частичной реставрации довоенных границ и выставляли это требование как необходимое условие для переговоров по другим вопросам, а Ермолов добивался нейтралитета Ирана на случай войны между Россией и Турцией, открытия русского консульства в Реште и учреждения в Тавризе постоянной русской миссии.

По тенденциозной версии английских и иранских историков, не критически использованной М. А. Игамбердыевым¹⁴⁴, А. П. Ермолов будто предлагал еще заметить в Иране английских офицеров русскими; выступить Ирану вместе с Россией в войне против Турции и охранять русские торговые караваны иранскими или русскими войсками.

Отклонив территориальные претензии шаха, Ермолову трудно было рассчитывать на успех своей миссии. Однако в обстановке, когда правительство шаха открыто добивалось английской финансовой и военной помощи для реваншистской войны против России, любая уступка Ирану прежде всего была бы отступлением перед угрозами Ирана применить силу. В этом смысле предложения Ермолова открывали перед Ираном более благоприятные перспективы, чем надежды шаха на английскую помощь, политику угроз и вторую войну против России.

Претензии шаха были составлены с учетом интересов английских дипломатов, заинтересованных в срыве этих переговоров, так как улучшение русско-иранских отно-

---

¹⁴⁴ Об этом см. М. А. Игамбердыев, Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд, 1961, стр. 185—186.

шений должно было ослабить позиции Англии или ликвидировать значение Тегеранского договора.

Не случайно, поэтому, английский историк Сайкс¹⁴⁵ и повторявшие его иранские историки объявили о провале миссии Ермолова, в то время как царское правительство и историки России утверждали, что миссия Ермолова была победой царской дипломатии, так как Россия сохранила границы Гюлистанского договора, а большего ей не нужно было¹⁴⁶.

Скорее всего, на переговорах в Иране провалилась политика шаха и его наследника, которые без территориальных уступок Александра I не собирались улучшать своих отношений с Россией. При такой позиции шаха, в центре которой был ультиматум, требующий возвращения Ирану части Закавказья, любая другая дипломатическая миссия России не изменила бы положения. В связи с этим советским исследователям (А. В. Фадееву, С. В. Шостаковичу, Л. С. Семенову и др.) не следовало причислять к особым заслугам А. П. Ермолова и царской дипломатии ликвидацию второстепенных вопросов церемониала или значения так называемого «Сепаратного акта», предоставлявшего иранским послам только право обращаться к царю, который за годы Гюлистанского мира (1813—1825) принял только одного Мирза-Аболь-Хасан-хана. К тому же после миссии Ермолова шах не только отказался от пересмотра Гюлистанского договора, но и самым энергичным образом готовился денонсировать этот договор, что подтверждается длительной подготовкой Ирана к новой войне.

Предложения английских дипломатов об их посредничестве на переговорах с Ермоловым, организованное английской разведкой наблюдение за Ермоловым в Тавризе и Султанье, появление Кифала в Петербурге—все это были звенья в общей цепи и признаки серьезной озабоченности Англии не только активностью русской дипломатии, но и политикой шаха в обстановке англо-иранских противоречий, вызванных прекращением английской помощи и конфликтами в районе Персидского залива.

---

¹⁴⁵ См. *Sir Percy Sykes, A History of Persia*, third edition, vol. 2, L., 1951, p. 315.

¹⁴⁶ См. «Кавказский сборник», т. XXI, 1903, стр. 3.

Перспектива возвышения настроенного против Англии и Аббас-мирзы принца Мохаммед-Али-мирзы, после его встречи с Ермоловым, представлялась англичанам и наследнику престола весьма опасной. Эта опасность усилилась впоследствии, с началом ирано-турецкой войны. С помощью Кифала английская разведка угрожала разгласить тайну о связях Мирза-Аболь-Хасан-хана с Ермоловым, чтобы таким путем столкнуть неугодного им принца с политической арены. Однако Александр I на три года опередил англичан, осудив Ермолова за его связи со старшим сыном шаха.

Бескомпромиссный дипломатический курс А. П. Ермолова, рассчитанный на сохранение границ Гюлистанского договора, не соответствовал политике Каджаров. Поэтому после миссии Ермолова русско-иранская граница оставалась зоной огня и конфликтов. Шах и Аббас-мирза были заинтересованы в сохранении этого напряжения на границе, чтобы с получением английской помощи иметь повод для войны. В связи с этим М. Махмуд и А. Бина замечают, что правительство шаха, неудовлетворенное посольством Мирза-Аболь-Хасан-хана в Петербурге и Ермолова в Султанье, отправило своих дипломатов в Лондон, Париж и Константинополь¹⁴⁷.

5

Наградив Ермолова орденом «Льва и Солнца», шах не стал дожидаться возвращения русского посольства на Кавказ и уже в сентябре 1817 г. отправил в Константинополь губернатора города Саве Мохэб-Али-хана¹⁴⁸ с секретным поручением¹⁴⁹. 30 января 1818 г. он был принят

¹⁴⁷ См. محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۶۹، علی اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۱۹۲.

¹⁴⁸ В русскоязычных источниках его фамилия (محب علی خان) дается искаженно: Мугиб-Али-хан или Мюгиб-Али-хан.

¹⁴⁹ См. علی اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، تهران، ۱۳۳۷، ص ۱۹۲.

султаном и, судя по информации русского посла в Турции барона Строганова, заявил о провале переговоров Ермолова; жаловался, что русские без войны ничего не уступают, а только угрожают безопасности мусульманских стран. По поручению шаха Мохэб-Али-хан предложил заключить ирано-турецкий союзный договор¹⁵⁰.

По иранской версии, шах спешил сообщить султану о планах Петербургского двора, переданных ему Ермоловым, чтобы предупредить османское правительство: «об опасности внезапного русского нападения» и чтобы объединить турецкие и иранские войска для организации совместного отпора¹⁵¹.

Деятельность Мохэб-Али-хана в турецкой столице не обошлась без участия английского посла, который заявил Строганову, что не имел никакого отношения к русофобским предложениям шахского эmissара, хотя и дал почувствовать русскому послу, что султан только на время отклонил внушения шаха и будет створчивее в будущем¹⁵².

Вскоре после этого турецкие министры заявили Мохэб-Али-хану, что их отношения с Ираном и без того «основаны на священном единоверстве ислама и что ничто не может дать новой и большой силы их тесному и дружественному союзу»¹⁵³. Однако «искренность» этих заверений и силу «священного единоверства» опровергали бесчисленные конфликты на ирано-турецкой границе. Отклоняя предложенный шахом союз, Порта не могла не учитывать поражения в 1812 г. как французской, так и турецкой армий в войне с Россией и не прислушаться к раздававшимся раскатам восстания в Греции.

Провал миссии иранского губернатора расстроил планы английских дипломатов, которые добивались смягчения ирано-турецких разногласий и создания общего фронта борьбы против России¹⁵⁴. Не менее англичан был расстроен и сам Мохэб-Али-хан. Раздраженный неудачей, он учинил скандал иранскому поверенному в

¹⁵⁰ См. В. Потто, Кавказская война, т. 3, СПб., 1888, стр. 6.

¹⁵¹ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،

ص ۱۹۲.

¹⁵² См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 357, стр. 189—190.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См. АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 2285, л. 38.

Константинополе Мирза-Фараджу, обвинил его в растрате денег, в тайных связях с бароном Строгановым¹⁵⁵ и посадил под арест. А когда по просьбе реис-эфенди все же освободил его, чтобы вместе вернуться в Иран, Мирза-Фарадж, почувствовав опасность, в день отъезда переоделся в европейский костюм и бесследно исчез¹⁵⁶.

Неудачная попытка шаха сколотить ирано-турецкий военный союз усилила тенденцию Каджаров к дальнейшему сближению с Англией для получения помощи и захвата потерянных ханств в Закавказье. С этой целью в конце 1818 г. в Лондон была отправлена иранская дипломатическая миссия Мирза-Аболь-Хасан-хан Ширази. А перед этим шах пытался захватить афганские княжества, рассчитывая заодно пересмотреть и Тегеранский договор 1814 г., который наложил вето на отпускаемые шаху британские субсидии.

* * *

Англия небезразлично относилась к воротам к Каспийскому морю—Гератскому оазису, расположенному на перекрестке магистральных путей из Передней Азии и Хорасана к Индии, а также из Хивы и Бухары на юг. «Герат,— указывал Ф. Энгельс,— является местом, которое в руках сильной державы может стать командным пунктом как над... Туркестаном, так и над Персией и задарьинскими землями»¹⁵⁷.

Независимо от планов европейских держав, Фатх-Али-шах и Аббас-мирза продолжали считать, что Гератское и Кандагарские ханства являются восточными областями Иранского Хорасана, несмотря на то, что эти области отделились от Ирана, а глава союза афганских племен Дурани Ахмед-шах (из дуранийской династии Садозаев) еще в 1747 г. создал независимое афганское государство—Дуранн¹⁵⁸.

---

¹⁵⁵ Материалы об этих связях выявлены ст. науч. сотруд. ИНА АН СССР Н. А. Кузнецовой в АВПР.

¹⁵⁶ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 357, стр. 190.

¹⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. I, т. XI, ч. I (статья Ф. Энгельса «Англия и Россия в Афганистане»), стр. 134.

¹⁵⁸ См. П. П. Бушев, Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг., М., 1959, стр. 9.

С начала XIX в. в афганских княжествах шла непрерывная междоусобная война феодалов, которую Англия стремилась использовать для ослабления и аннексии этих княжеств. В результате длительной борьбы Садозаевская династия была свергнута другой дуранийской династией Баракзай¹⁵⁹, основателем которой был Дост-Мухаммед-хан¹⁶⁰. Несмотря на победу Баракзайской династии, в Гератском ханстве продолжили править представители свергнутой династии Садозаев—Камаран-мирза и Яр-Мухаммед. Опасаясь Дост-Мухаммед-хана, они стремились заручиться поддержкой иранского шаха и объявили себя его вассалами. Однако их зависимость от Ирана была номинальной, и Герат сохранял самостоятельность. С другой стороны, правительство Фахт-Али-шаха стремилось компенсировать территориальные потери в Закавказье за счет захвата афганских княжеств и с этой целью пыталось использовать свергнутую династию Садозаев. Одновременно иранские войска были заняты подавлением освободительного движения в западном Хорасане, вызванного деспотическим правлением шахского наместника.

Современная иранская историография пытается оправдать экспансию Ирана против афганских княжеств только колониальной политикой европейских держав. Один из выразителей этой концепции проф. Саид Нафиси заявляет, что афганцы всегда говорили на персидском языке и всегда тяготели к Ирану¹⁶¹. Нафиси обвиняет Англию за то, что она «не только контролировала Афганистан, но и усиливала афганские княжества в противовес Ирану», к которому, по его словам, «афганцы постоянно тяготели». Нафиси обвиняет Англию за все неудачи Ирана в Афганистане и особенно в гератском вопросе, а также за то, что «Англия бросила Иран в водоворот европейской политики, стремилась не допустить

¹⁵⁹ См. Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, стр. 355.

¹⁶⁰ В 1826 г. Дост-Мухаммед-хан захватил престол Кабула и принял титул эмира Афганистана.

¹⁶¹ См. سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر، جلد اول، از آغاز سلطنت قاجارها تا پایان جنگ نخستین باروسیه، تهران، ۱۳۳۵، ص ۹۸.

сближения Ирана с соперниками, разжигала вражду с его могущественными соседями, а в самом Иране подтачивала его духовные силы»¹⁶².

Развивая эту концепцию, он заявляет далее, что торговля Ирана, так же как и персидский язык и литература, имела широкое распространение и в Индии, которая в интерпретации Нафиси, была не иначе как «индийской колонией Ирана»¹⁶³ (?). И поскольку, пишет Нафиси, англичане превращали Индию в свою колонию, они искореняли из этой страны иранское влияние и делали все, чтобы ослабить Иран, урезать его территорию и лишить плодородных земель, а также провоцировали Иран на войну с соседними странами, а последних натравливали против Ирана¹⁶⁴.

Противоречия в запутанной концепции Нафиси выступают особенно наглядно, когда он пытается оправдать экспансию Англии ошибочной на его взгляд ориентацией шаха на наполеоновскую Францию, «расположенную в другой части света», в отличие от соседних с Ираном России и Британской Индии. Нафиси обвиняет шаха за то, что в свое время он предпочел французских колонизаторов английским, «обидел» и безнадежно испортил свои отношения с Англией, которая-де отомстила за это шаху тем, что «уничтожила Иран с помощью соседних государств»¹⁶⁵.

Судя по работе афганского историка Сеид Касем Риштия «Афганистан в XIX веке» исход ирано-афганского военного конфликта в 1818 г. решил ожесточенный бой 25 мая в Кухсане (близ Исламкаала), когда иранские войска, предводительствуемые наместником Хорасана принцем Хасан-Али-мирзой, не могли противостоять натиску афганцев и, потерпев поражение, отступили. Однако с ранением афганского военачальника Фатх-хана (как это нередко случалось в феодальных войнах) афганцы тоже пали духом и повернули в Герат. После этого Фатх-хан приказал устроить в Герате иллюминацию в честь победы, а иранский принц Хасан-Али-мирза, не видя преследователей—афганцев, счел себя победителем.

---

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, стр. 95.

и по прибытии в Мешхед тоже отпраздновал победу¹⁶⁶. Этого было достаточно, чтобы Фатх-Али-шах известил Ермолова о «триумфальных победах» над афганцами и могуществе иранской армии, особенно артиллерии, которая, по его словам, в прошлом «сокрушила Кавказские горы» (?), и иранской конницы, которая, дескать, оказалась «ниже и никогда непобедимой»¹⁶⁷.

Известно, что накануне XIX в. Англия «оберегала» Индию от нападения афганцев тем, что разжигала среди них межплеменную борьбу, а также поощряла и призывала иранского шаха к захватам афганских княжеств в целях их ослабления. Риштия указывает, что афганец Заман-шах (сын умершего в 1793 г. Тимур-шаха) собирался превратить Афганистан в обширное государство и с этой целью задумал с помощью Наполеона завоевать Индию и изгнать оттуда англичан. Однако последние, вместе с иранским шахом Фатх-Али, вооружили и поставили на пути Заман-шаха его родного брата Махмуда, к которому присоединились баракзай, а затем и все дураны. Борьба братьев закончилась в 1801 г. занятием Махмудом трона в Кабуле, а также ослеплением по его приказу Заман-шаха¹⁶⁸. Не удивительно после этого, что английский историк Кей признает, что персы, действовавшие из Хорасана и Сеистана, спасли тогда Ост-Индскую компанию от афганцев¹⁶⁹, а иранский проф. М. Махмуд осуждает за это колониальную политику Англии, а заодно весьма некстати и царскую Россию, не проронив при этом ни одного слова об агрессии Ирана против Афганистана. «Подобно тому, как царизм использовал грузинскую проблему для завоевания Кавказа,— пишет М. Махмуд,—точно так же Англия использовала афганскую проблему для разжигания ненависти между правителями Ирана и Афганистана, а также для ослабления Ирана в целях завоевания и установ-

---

166 См. Сеид Касем Риштия, Афганистан в XIX в., М., 1958, стр. 70—71. (سعید قاسم رشتیا، افغانستان در قرن نوزدهم، ۱۳۳۹)

167 АКАК, т. VI, ч. 2, № 371, стр. 203.

168 См. Сеид Касем Риштия, указ. работа, стр. 35—42.

169 Kaye J. W., History of the war in Afghanistan, vol. 1, London, 1878, p. 23.

ления английского влияния в странах, граничащих с Индией»¹⁷⁰. Не менее важно отметить, что Англия и впоследствии, например с помощью Тегеранского договора 1814 г., стремилась использовать иранскую армию для охраны индийских границ. Так, статья первая этого договора предусматривала применение Ираном принудительных санкций против Хорезма, Бухары и Самарканда в случае, если их территория будет использована европейской армией (имелась в виду Россия.—Б. Б.) для нападения на Индию¹⁷¹, а статьей девятой того же договора Англия обязалась не вмешиваться в войну, если она возникнет между Ираном и Афганистаном, до тех пор, пока обе стороны не пожелают посредничества Англии при заключении мира¹⁷².

Осуждая такую политику Англии, К. Маркс писал: «Для того чтобы сохранить свое господствующее влияние, Англии нужно было лишь разыгрывать роль благожелательного посредника между Персией и Афганистаном и выступать решительным противником русских. Показная дружба, с одной стороны, и серьезное сопротивление—с другой,—ничего больше и не требовалось»¹⁷³.

С помощью Тегеранского договора 1814 г. Англия развязала руки шаха для реваншистской борьбы с афганскими княжествами. Однако прошло четыре года, и англичане забыли прецедент. Дело в том, что в 1818 г. Лондонский двор уже считал, что после Гюлистанского мира, усилившего в Иране влияние России, завоевание Ираном афганских княжеств не только не обеспечит безопасности Индии, а напротив, будет для нее угрозой. «Вот почему английское правительство и генерал-губернатор Индии,—замечает проф. Бина,—теперь уже любой ценой стремились вырвать Афганистан из зоны влияния России и Ирана»¹⁷⁴. Анализируя отношение английской диплома-

¹⁷⁰ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگلیس، ص ۱۷۴.

¹⁷¹ См. там же, стр. 97.

¹⁷² См. там же.

¹⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс, О колониальной системе капитализма, М., 1959, стр. 83.

¹⁷⁴ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۵۶.

тин к ирано-афганской войне 1818 г., английский историк Ачесон писал, что англичане не должны были выполнять взятые на себя обязательства по договору 1814 г. Вместо этого они «должны были запугивать шаха», усиление которого больше не соответствовало интересам Великобритании¹⁷⁵.

Факты показывают, что, начиная афганскую войну, шах и его министры вполне разбирались в международных отношениях на Среднем Востоке, изменившихся после заключения Гюлистанского и Тегеранского договоров, и вовсе не считали, что Англия по-прежнему их поддержит или не будет им мешать. Пожалуй, главным возражением этой гипотезе служит миссия иранского посла в Англию в том же 1818 г., потому что, на первый взгляд, шах не стал бы обрекать на провал своего посла на переговорах в Лондоне неудобными для Англии военными операциями иранских войск вблизи индийской границы. Но дело в том, что, отправив Мирза-Аболь-Хасан-хана в Англию, Тегеранский двор начал муссировать ложные слухи о некоем проектируемом союзе между Ираном и Россией¹⁷⁶. Шах явно запугивал Англию, а войной с афганцами показывал англичанам направление этой угрозы.

Для выяснения этой иранской политики заметим, что ровно через 10 лет—в феврале 1828 г.—Англия предоставила Ирану 200 тыс. туманов в компенсацию за отмену IV и VI статей Тегеранского договора, по которым должна была выплачивать Ирану ежегодно по 200 тыс. туманов в случае нападения на Иран европейской державы¹⁷⁷.

Надо полагать, что и в 1818 г. шах добивался если не денонсации Тегеранского договора, то, во всяком случае, его коренного пересмотра, потому что две статьи (8 и 9), относившиеся к Афганистану, стали неприемлемыми для английской колониальной политики, а формулировка двух других статей (4 и 6), связанных с реваншистской политикой Каджаров в отношении Закавказья, оказалась неприемлемой для Ирана, так как приостановила

¹⁷⁵ A collection of Treaties engagements and Sandas Compiled by C. S. Aitchison, vol. IX, Calcutta, 1933, p. 11—13; М. А. Игамбердыев, указ. работа, стр. 192.

¹⁷⁶ См. М. А. Игамбердыев, указ. работа, стр. 190—292.

¹⁷⁷ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 202.

выдачу Ирану английских субсидий. Ясно, что с ликвидацией этих четырех статей, возникли бы условия для успеха иранской дипломатической миссии в Лондоне и прекращения ирано-афганской войны, которая, кстати сказать, и без того оказалась чуть ли не самой короткой из войн XIX века. Не исключено поэтому, что иранский посол должен был предложить в Англии это компромиссное, хотя и крайне неприглядное решение англо-иранских противоречий.

Распространяя слухи о намечавшемся союзе с Россией, шах мог рассчитывать, что, угрожая перспективой сближения с Александром I, он заинтересует Англию иранскими проблемами, к которым, по словам проф. Махмуда, в Лондоне утратили прежний интерес. Во всяком случае, неожиданно для Тегеранского двора дипломатия шаха привела к противоположным результатам. В политических кругах английской столицы на все лады заговорили о русской угрозе Индии. Тогда же вышли в свет мемуары британских дипломатов в Иране—Д. Морьера¹⁷⁸ и Д. Макдональда¹⁷⁹, которые указывали на неизбежность вторжения русских армий в Индию через Иран и Среднюю Азию. Ажиотаж вокруг индийской проблемы разжигался изо дня в день, до окончания Аахенского конгресса Священного союза. В ноябре 1818 г., когда работа этого конгресса подходила к концу, лорд Кэстльри передал представителям России копию секретного Тегеранского договора, заявив при этом, что Англия заключила его «по соображениям, приличествовавшим общему состоянию дел в тогдaшнее время»¹⁸⁰, несмотря на то, что «в тогдaшнее время» еще действовал англо-русский союз 1812 г. Нельзя не заметить также, что время для оглашения этого секретного договора было специально подобрано, так как ряд его статей касался «обороны» Индии. К тому же в 1818 г. был опубликован и вступил в силу Гюлистанский договор, а объем русско-иранской торговли превысил наивысший довоенный уровень. По мнению проф. Бина, английское правительство было не

¹⁷⁸ См. *J. Morier, A second journey through Persia, Armenia and Asia Minor, London, 1818.*

¹⁷⁹ *J. Macdonald, A journey through Asia Minor, Armenia and Kurdistan. London, 1818.*

¹⁸⁰ ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 157, л. 3.

менее озабочено планами России в отношении Турции и в связи с предложениями А. П. Ермолова (?). Бина сожалеет, что британская миссия в Тавризе не смогла противодействовать русскому влиянию в Иране и планам царизма в отношении Турции, а английское правительство не воспользовалось Тегеранским договором и своим влиянием при дворе султана, чтобы не допустить ирано-турецкой войны¹⁸¹. Впрочем, война эта началась в 1821 г., а турецкая проблема в целом была так же далека от индийской, как Турция от Индии по расстоянию. Оживляемая по временам версия о русской угрозе Индии была ржавым оружием в руках английских дипломатов. Очередным своим пробуждением в 1818 г. она была обязана ирано-афганской войне и дезинформации шаха о военном союзе с Россией, а не политике царизма в Иране и Гюлистанскому договору. Кстати, реакция на этот договор в Англии явно запоздала, так как за пять лет после подписания этого договора и никогда после русские войска не покушались на Индию, а Англия в 1818 г. использовала эту безнадежную обструкцию для оправдания Тегеранского договора, своего антирусского политического курса и прикрытия экспансии Англии в странах Азии. Нельзя, конечно, отрицать, что провалившийся поход Павла I и Наполеона против Индии на многие годы сохранил в английских правящих кругах состояние подозрительности и недоверия к планам царской России, независимо от вымышленной истории с «Завещанием Петра I» и от того, что на деле собирался предпринять царизм в Средней Азии. Понятно, что истинных намерений царизма в отношении Индии в Лондоне знать не могли и потребовалось больше столетия, чтобы Великая Октябрьская социалистическая революция рассеяла подозрительность английских колонизаторов. Несмотря на это, так называемая проблема «безопасности Индии» возникла в ходе самой истории международных отношений и было бы неправильно ее вычеркивать или не замечать. Другое дело, что экспансия держав в странах Азии имела разное происхождение и цели и прикрывалась разными лозунгами. Нап-

¹⁸¹ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،

пример, для британской колониальной политики лозунг о необходимости обороны Индии служил не только прикрытием английских захватов на Востоке, но и провозглашался для выполнения отдельных дипломатических задач Англии в разных странах или для противодействия встречной экспансии других колониальных держав.

Пропагандистская версия Англии о «необходимости превентивной обороны Индии против русской угрозы» использовалась и русской дипломатией для балансирования своих отношений с Англией в международной политике. Известно, например, что царский генерал Бларамберг считал, что завоевание Индии—это «химера», и предлагал «добиваться преобладания в Афганистане и держать над Индией меч Домокла для того, чтобы обеспечить выгодное для России решение Восточного вопроса»¹⁸².

Имеющие конкретно-исторический характер теоретические положения и принципиальные указания классиков марксизма-ленинизма о реакционной сущности колониализма, происхождении Восточного вопроса и англо-русских противоречий в Азии устанавливают, что колониальная экспансия на Востоке не была монополией одной из европейских держав.

Нельзя поэтому отрицать колониальную политику царизма на Востоке или создавать впечатление, будто экспансия в странах Азии была присуща только Англии или Франции. Также ошибочны распространенные в зарубежной буржуазной историографии версии о том, что экспансия принадлежала одной России, а колониальная политика и территориальные захваты Великобритании на Востоке, дескать, были вызваны «необходимостью» обороны Индии против русской угрозы.

Экспансия европейских держав в странах Азии не имела ничего общего с теми лозунгами, которые только прикрывали ее колониальную сущность.

С одной стороны, богатейшие ресурсы Британской Индии и англо-индийские войска были опорой для проведения широких завоевательных и дипломатических планов Англии в сопредельных с Индией странах и княжест-

---

¹⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18293, л. 89.

вах, а с другой, Россия осуществляла колонизацию Кавказа; налаживала регулярную торговлю с Хивой и Бухарой, а также подготавливала условия для транзитной торговли с Северной Индией, чтобы обеспечить там распространение влияния России, увеличить ввоз сырья для текстильной промышленности и направить в обмен русские товары.

Британская агентура, деятельно орудовавшая в Кабуле, Бухаре, Хиве, противодействовала русским экспедициям в Средней Азии, вела антирусскую кампанию и подготавливала почву для экспансии Англии в сторону Герата и Каошийского моря, навстречу другому потоку английской экспансии, наступавшему из обширных районов Средиземного и Черного морей.

* * *

Посол шаха Мирза-Аболь-Хасан-хан выехал в Лондон через Константинополь, Вену и Париж.

В Турции он предложил султану заключить военный союз против России. Однако турки на это предложение реагировали без всякого энтузиазма, так как конфликты на ирано-турецкой границе участились, а старым спорам из-за Багдада не видно было конца. В итоге Мирза-Аболь-Хасан-хана постигла участь его соотечественника Мохэб-Али-хана.

Новая неудача иранской дипломатии некоторое время сохранялась в секрете от находившегося в Стамбуле российского посла Строганова. Тегеранский двор не хотел раньше времени обострять свои отношения с Россией, тем более, что предстояло использовать угрозу дальнейшего сближения с Россией, чтобы побудить Англию к усилению финансовой помощи Ирану. Поэтому только 1 декабря 1818 г. Мирза-Аболь-Хасан-хан посетил Строганова и заверил его, что послан для того, чтобы вручить дружественные послания шаха султану, австрийскому императору, королю Франции и английскому принцу Георгу¹⁸³. Также с целью дезинформации иранец вручил Строганову письмо каймакама наследного принца

---

¹⁸³ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 414—415 (Строганов—Ермолову. 2. дек. 1818 г.).

Мирза-Бозорга, в котором превозносился крепнувший союз между Ираном и Россией.

После других конфиденциальных встреч с турецкими, английскими и французскими дипломатами, Мирза-Аболь-Хасан-хан выехал в Париж.

В числе немногих средств, которые Каджары собирались использовать для давления на английское правительство в целях получения обещанной помощи, наряду с угрозой сближения с Россией, была и другая, не менее заманчивая возможность. Обращение Людовика XVIII к шаху в 1815 г. и состоявшаяся 11 июня 1816 г. встреча иранского посла Мелик-Шахназаряна с Людовиком XVIII создавали реальные предпосылки для союза с Францией. Мирза Аболь-Хасан-хан рассчитывал, что сможет угрожать Англии франко-иранским сближением в случае неуступчивости Англии на переговорах в Лондоне. Однако, когда весной 1819 г. он прибыл в Париж, Бурбоны, не желая обострять своих отношений с Англией из-за контактов с Ираном¹⁸⁴, сослались на болезнь короля и отказали Хасан-хану в аудиенции¹⁸⁵.

В Англии иранского посла ожидала такая же участь. За год его пребывания в Лондоне на неофициальных, большей частью случайных встречах с министрами кабинета в гостиной Сольсбери, он безуспешно добивался английской субсидии, учреждения в Лондоне иранского посольства и откомандирования в Иран английских офицеров. Чаще всего Хасан-хан напоминал о прежних заверениях Аузли, по настоянию которого он заключил в Гюлистане «Сепаратный акт» и оставил неопределёнными границы с Россией, чтобы пересмотреть их с помощью Англии¹⁸⁶.

Охлаждение англо-иранских отношений проф. Махмуд ошибочно объясняет отстранением от дел тех бри-

¹⁸⁴ См. ЦГВИА, ф. 446, д. 11, л. 19 об.

¹⁸⁵ По версии проф. М. Махмуда, аудиенция не состоялась из-за неприемлемых условий, выдвинутых иранским послом, который-де потребовал, чтобы Людовик XVIII стоя принял у него грамоту шаха (محمود محمود، تاریخ روابط ایران و انگلیس، ص ۱۶۹).

¹⁸⁶ См. там же, стр. 129.

танских дипломатов, которые «клялись», что возвратят Ирану Закавказье»¹⁸⁷. Н. Махмуд не осуждает английское правительство, ответственное за деятельность своих дипломатов, в том числе и Аузли, и сводит весь вопрос к тому, что этот «Аузли обманул Хасан-хана тем, что на два месяца раньше его уехал в Петербург, чтобы освободить себя от всякой ответственности»¹⁸⁸. Вопрос этот не ограничивался, конечно, обманом английского поверенного. Ведь его встреча с Хасан-ханом все же состоялась в Петербурге, и несмотря на это, ничего не изменила, потому что Аузли создавал только видимость, что добивается возвращения Ирану Закавказских хапств, в то время как на деле такая задача перед ним не стояла и была ему не под силу. Аузли должен был добиться неопределенности русско-иранских границ, чтобы сохранить повод для разжигания войны в Закавказье в выгодной для Англии международной обстановке. Эту задачу он выполнил, был отозван в Лондон, а у себя на родине всячески избегал встречи с Мирза-Аболь-Хасан-ханом.

В английской и иранской буржуазной историографии действительные причины провала миссии иранского посла в Лондоне оставлены в тени, а второстепенные вопросы церемониала выставляются как главные причины.

Выяснение данного вопроса, переплетавшегося со многими другими проблемами международных отношений, показывает, что ирано-афганская война 1818 г., несомненно, была одной из основных причин этого провала. Совпавшая по времени с русскими экспедициями в Средней Азии, война эта вызвала панику в совете директоров Ост-Индской компании, где опасались, что торговля Северной Индии с помощью афганских и армянских компрадором направится в Россию через афганские княжества, Среднюю Азию и Иран. Чтобы не допустить этого, Ост-Индская компания спешила направить торговлю Северной Индии в сторону Индийского океана и Персидского залива, а после прекращения ирано-афганской войны в 1819 г. отправила своих эмиссаров В. Муркрофта и Д. Требека в Пенджаб и Афганистан и заключила

---

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же.

торговый договор с правителем Пенджаба Ранджит-Сингом¹⁸⁹.

Провал миссии иранского посла в Лондоне был вызван и англо-иранским конфликтом в районе Персидского залива. Воспользовавшись победой египетской армии Мухаммеда Али над государством Ваххабитов в Аравии в 1819 г., флот Ост-Индской компании с помощью Маската в том же году разгромил арабские города на побережье Персидского залива, а в январе 1820 г. заключил договор с Оманом. Шейх Бахрейнских островов был вынужден присоединиться к этому договору, так как Англия под предлогом борьбы с пиратами и работорговлей оккупировала воды залива. Это привело к англо-иранскому конфликту, потому что Бахрейнский архипелаг принадлежал Ирану, а благодаря добыче жемчуга на этих островах в шахскую казну ежегодно поступало свыше одного миллиона рублей¹⁹⁰. Агрессия Англии в Персидском заливе продолжалась и в 1821 г., когда флот Ост-Индской компании и ее сателитов захватил иранский остров Кешм.

Англо-иранские отношения были тесно связаны с англо-русскими и русско-иранскими.

Царская Россия, входившая в «Священный союз», а также Англия, которая формально не входила в эту контрреволюционную организацию, однако на практике координировала свое поведение с общей линией «Священного союза», по мере возможностей воздерживались от резких взаимных выпадов на Востоке, и в частности в Иране, в обстановке революционного пробуждения в Европе. Перспектива использования армии царской России в подавлении революций в Европе, а также греческая и турецкая проблемы для Англии были важнее, чем преждевременная (в планах Англии) поддержка территориальных претензий шаха.

Учитывая особенности англо-русских отношений, русский посол в Лондоне Х. А. Ливен, вскоре после приезда в Англию Мирза-Аболь-Хасан-хана (июнь

¹⁸⁹ Об этом см. *Bélangier, Voyage aux Indes-Orientales*, t. 2, p. 437; *H. H. Wilson, Travels by W. Mourcroft and C. Trebeck*, London, 1844.

¹⁹⁰ *И. Бларамберг, Статистическое обозрение Персии*, СПб., 1857, стр. 27.

1819 г.), встретился с Р. Кестльри и выразил ему надежду, что Англия с пониманием отнесется к развитию «дружественных» отношений между Ираном и Россией¹⁹¹. Другими словами, Ливен предупредил, чтобы на переговорах с иранским послом английское правительство не предпринимало шагов, которые могли идти в разрез с общим направлением англо-русских отношений. Не исключено поэтому, что напомиание Х. А. Ливена в определенной мере способствовало провалу иранской миссии.

Вторая встреча Х. Ливена с Кестльри произошла в начале марта 1820 г., накануне отъезда Хасан-хана из Лондона, и была более откровенной. Как видно, на этот раз российский посол счел полезным указать на беспочвенность английских подозрений, связанных с шумной реакцией лондонской прессы на версию британского министерства иностранных дел о русской угрозе Индии. В связи с этим Х. А. Ливен обратил внимание Р. Кестльри на содержание Тегеранского договора 1814 г., который без ведома и согласия России предоставил Англии «право» пересмотреть границы Гюлистанского договора, чтобы толкнуть Иран на войну с Россией¹⁹². Таким образом, Ливен и на этот раз пытался не допустить выполнения Англией тех статей Тегеранского договора, которые могли обострить и без того натянутые русско-иранские и англо-русские отношения.

Не менее важно отметить, что в период пребывания Мирза-Аболь-Хасан-хана в Лондоне тегеранский двор оказывал ему дипломатическую «поддержку» улучшением своих отношений с Россией. В Иране были уверены, что это напугает Англию, а иранскому послу обеспечит успех.

Русская дипломатия спешила воспользоваться англо-иранскими противоречиями для усиления своего экономического и политического влияния в Иране. На этой почве в 1819 г. произошло заметное оживление русско-

---

¹⁹¹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 6891, лл. 284—286. Ливен—Нессельроде, 18 (30) июня 1819 г.

¹⁹² См. там же, д. 6892, лл. 98—107, Ливен—Нессельроде, 6 (18) марта 1820 г. По этому вопросу Х. А. Ливен повторно обратился к английскому правительству во время второй русско-иранской войны.

иранских связей, а не потому, что царизм наткнулся на Ближнем Востоке на сопротивление Англии и Турции и дескать был вынужден предпринять экономическое и дипломатическое наступление на Среднем востоке. Эта гипотеза Л. С. Семенова¹⁹³ перекликается с версией иранского доктора Афшара, который еще в 1921 г. пытался доказать, что царская Россия всегда устремлялась в Иран на поиски тех трофеев, которые ускользали от нее в Европе¹⁹⁴.

Концепция лавирования в иранской внешней политике была рассчитана на получение английской помощи и поддержку в борьбе против России. Однако это лавирование принимало для Англии угрожающий характер. Даже в самом Лондоне иранский посол в пику англичанам демонстративно вручил Х. А. Ливену дружеское послание иранского премьер-министра Мирза-Шефи. Более того, одновременно с переговорами в Лондоне Иран вел переговоры и в Петербурге. Несмотря на противоположный характер переговоров в двух столицах, Александр I актом от 8 мая 1819 г. признал Аббас-мирзу наследником иранского престола. Этот акт был торжественно передан принцу российским поверенным С. И. Мазаровичем, который вместе с А. С. Грибоедовым и остальными сотрудниками в том же 1819 г. учредили в Тавризе русскую дипломатическую миссию¹⁹⁵. Английская миссия, отмечавшая в этом же городе свое трехлетнее пребывание, лишилась дипломатической монополии в Южном Азербайджане.

В широком историческом плане русско-иранские отношения складывались, конечно, независимо от политики Англии. Однако в 1819 г. санкция шаха на открытие русской миссии была не только компенсацией за признание Аббас-мирзы наследником престола, но и средством давления на Англию для получения ее помощи. Не удивительно поэтому, что с самого начала деятельность русской миссии проходила в сложных усло-

¹⁹³ См. Л. С. Семенов, указ. работа, стр. 56.

¹⁹⁴ М. Afshar, *La politique Européenne en Perse*, Berlin, 1921 p. 24.

¹⁹⁵ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, лл. 23—24. Русская миссия имела двойное подчинение: Азиатскому департаменту Государственной коллегии иностранных дел в Петербурге и главноначальствующему в Грузии.

виях, когда Иран готовился захватить Закавказье и с этой целью стремился заручиться поддержкой Англии, Франции и Турции, а Ермолов осуществлял карательные экспедиции на Кавказе и положил конец надеждам шаха на пересмотр Гюлистанского договора путем переговоров.

Преодолев сопротивление Аббас-мирзы, получившего перед этим гарантии Александра I о помощи на случай борьбы претедентов на иранский престол, А. С. Грибоедов в том же году освободил часть русских военнопленных, завербованных на иранскую службу в так называемый «Русский батальон»¹⁹⁶ и в связи с этим разоблачил провокации британского офицера Виллока, принуждавшего военнопленных к измене родине.

Русской дипломатии приходилось считаться с двойственной политикой Аббас-мирзы, который отправил в Тифлис своего статс-секретаря Мирза-Масуда, передавшего уверения наследного принца в искренней дружбе, а сам в это время через своих агентов провоцировал восстания в отошедших к России Ширванском и Карабахском ханствах. Когда в начале 1819 г. феодальные владетели Дагестана (за исключением шамхала Тарковского) объединились для борьбы против карательных отрядов царизма, шах и Аббас-мирза отправили им 20 тыс. рублей. Тогда же эриванский сардар Хусейн-Кули-хан с помощью эмигрантов из Закавказья, которых поселил на правом берегу р. Занги (Раздан), создавал конфликты на границе¹⁹⁷.

Несмотря на многочисленные декларации о взаимной преданности и дружбе, которые с неподражаемым притворством провозглашались в официальной переписке шаха и Аббас-мирзы с Ермоловым, после манифеста Александра I (от 16 января 1818 г.), в котором Гюлистанский договор был объявлен окончательным и этим, по словам проф. Бина, «опрокинул в воду надежды шаха»¹⁹⁸, Каджары стремились сохранить повод к новой войне с помощью этих пограничных конфликтов.

¹⁹⁶ Об этом см., например, А. П. Берге, Самсон Яковлевич Макинцев и русские беглецы в Персии, «Русская старина», 1876, т. XV, стр. 770—804.

¹⁹⁷ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 365, стр. 195.

¹⁹⁸ علی اکبر بینا، تاریخ روابط سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۹۳.

«Не думайте, граф, что я желаю поссорить Вас с Персией,— писал Ермолов министру иностранных дел Нессельроде,—признаю необходимость избегать разногласий с Ираном, хотя и не вижу гарантий, что Иран не объявит России войну»¹⁹⁹.

Пересылая в Тавриз текст Тегеранского договора, Ермолов предписал Мазаровичу «не делать тайны из того, что этот секретный договор известен России²⁰⁰ и внушать, что Англия не пойдет из-за Ирана на войну с Россией, так как находится с ней в союзных отношениях»²⁰¹.

Преклонение Ирана перед Англией не исключало и не ослабляло сопротивления Каджаров наиболее грубым проявлениям британской экспансии. Это было своеобразным проявлением англо-иранской «дружбы», зафиксированной в договорах 1801, 1809, 1812 и 1814 гг. и нашедшей наиболее полное воплощение в английской агрессии в районе Персидского залива. Во всяком случае, более или менее безнаказанно Англия попирала интересы Ирана до начала 20-х годов, когда Ирано-турецкая война заставила Англию бить настоящую тревогу, так как война эта усилила в Иране влияние и позиции России, вытеснила британскую торговлю и вернула в эту страну ее старого французского соперника.

6

Ирано-турецкая война началась осенью 1821 г., через несколько месяцев после того, как вспыхнуло восстание греческого народа против султанского ига. Греческие повстанцы освободили Калафату, Миссолунги, Ливадию. В Афинах турецкий гарнизон был загнан в Акрополь, а в Дарданеллах греческие моряки разбили флот султана.

Убедившись в затруднительном положении турок, которые перебросили на Балканы большую часть своих войск и оголили ирано-турецкую границу, Аббас-мирза решил воспользоваться случаем и путем захватов в Османской империи компенсировать территориальные потери Ирана в Закавказье. Аббас-мирза считал, что Россия непременно выступит в защиту греков и будет военным союзником Ирана в войне против Турции. Он даже

¹⁹⁹ «Записки А. П. Ермолова», стр. 86.

²⁰⁰ См. там же.

²⁰¹ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 221—223.

написал Ермолову, будто к войне против Турции его обязывает чувство негодования на жестокость турецкого правительства в отношении греческих христиан. После этого Аббас-мирза с большой помпой отправился в Эчмиадзинский монастырь и там просил армянского католика освятить его мечь на христианском алтаре²⁰². Наследного принца нисколько не смущало, что в одно и то же время он финансировал кавказских мулл в Чечне и в горном Дагестане, поднимая их на «священную войну» против «неверных» христиан и добивался выступления России против мусульманской Турции. Больше всего Аббас-мирза опасался подавления восстания в Греции, после чего вся турецкая армия могла оказаться лицом к лицу с иранской, в то время как вступление России в войну могло устранить эту опасность.

12 мая 1821 г. Александр I, под давлением держав, подписал декларацию трех монархов, подтверждающую неизбежность Священного союза. Ради укрепления единства международных реакционных сил, царизм отказался поддержать греков, рассчитывавших на помощь России. После этого в Иране должны были убедиться, что Россия отказалась от немедленного выступления против Турции. Впрочем, Александр I был верен декларациям Лайбахского конгресса только до тех пор, пока зверства турецких чиновников касались одних греков. Когда же репрессии султана стали задевать интересы русских купцов и черноморской торговли, «когда турки в поисках военной контрабанды стали останавливать в проливах русские торговые суда (экипаж которых почти поголовно состоял из греков), настроение Александра I резко изменилось»²⁰³. В интересах внешней торговли и политики «международного жандарма», неразрывно связанной с усилиями сохранить устои самодержавия и крепостничества, Александр I объявил, что намерен защищать греков как христиан, хотя и осуждает их как «мятежников». Рассматривая греческий вопрос только как религиозный, царизм отводил от себя обвинения в помощи восставшим.

28 июня 1821 г. Александр I через своего посла в Константинополе Строганова направил султану ульти-

²⁰² См. В. Потто, указ. работа, стр. 9.

²⁰³ М. Н. Покровский, Внешняя политика, 1918, стр. 19.

матум, содержание которого не оставляло сомнений, что царь собирается начать войну. Александр I предлагал султану Махмуду II в течение 8 дней восстановить церкви, разрушенные мусульманами; обеспечить защиту христианской религии и удалить из Дунайских княжеств турецкие войска. Вручая эту ноту реис-эфенди, Строганов предупредил, что будет ждать ответа в течение восьми дней²⁰⁴.

Не получив от правительства султана удовлетворительного ответа, Строганов 10 августа 1821 г. объявил о разрыве дипломатических отношений.

Ирано-турецкая война должна была неизбежно привести к ослаблению армий этих потенциальных противников России. Кроме того, вопреки ожиданиям Англии, Абасс-мирза должен был использовать доставленное ему англичанами вооружение в войне с турками, которые ориентировались на Англию, в то время как это оружие предназначалось для войны против России. Наконец, ирано-турецкая война должна была сорвать намечавшийся союз Турции и Ирана, над созданием которого Англия трудилась чуть ли не со дня заключения Бухарестского мира, а также значительно сократить объем англо-иранской торговли, так как в годы войны должны были закрыться главные торговые артерии Англии, проходившие через Османскую империю.

Отвлекающая от Греции ирано-турецкая война совершенно не устраивала Лондонский двор еще и потому, что английская буржуазия была напугана перспективой распространения революционного пожара в районе Средиземного моря и на захваченные Англией Ионические острова, где установленный ими в отношении греков режим мало отличался от турецкого.

Отметим еще, что правительство Англии знало о симпатиях балканских народов к русскому народу и опасалось, что в случае вступления России в войну и капитуляции Османской империи народы Балкан перейдут под протекторат России, в руках которой окажутся балканские порты Средиземного моря, низовья Дуная и черноморские проливы, а это неминуемо подорвет торговую

---

²⁰⁴ См. А. Дебидур, Дипломатическая история Европы (перевод с франц.), т. 1, М., 1947, стр. 194.

монополию Англии на средиземноморских рынках. Такая перспектива не могла не беспокоить Англию, которая сама планировала захват азиатских рынков и кратчайших путей из Индии в Европу через Персидский залив и Переднюю Азию и с этой целью вела наступление со стороны Средиземного моря, Мальты, Ионических островов и малоазиатских портов Турции. Анализируя эти вопросы, К. Маркс указывал, что для европейских государств Восточный кризис составлял «неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией»²⁰⁵. Английская дипломатия пыталась решить эту проблему так, чтобы сохранить Османскую империю и систему угнетения подвластных султану народов для того, чтобы в будущем превратить Турцию в свою колонию²⁰⁶.

Наилучшим решением Восточного вопроса Маркс и Энгельс считали не фиктивное сохранение статус-кво, о котором лицемерно твердили европейские дипломаты, а действительное и полное освобождение балканских народов из-под турецкого гнета. Такое решение Восточного вопроса, по мнению Маркса и Энгельса, могло быть достигнуто лишь посредством революции в Европе.

Разделяя взгляды прогрессивной общественности тогдашней России, А. С. Грибоедов горячо симпатизировал освободительной борьбе греков и в связи с этим не мог не учитывать, что война России с Турцией должна отвлечь от Балкан армию султана и в конечном счете облегчить борьбу греков. Эти убеждения и мотивы привели Грибоедова и Мазаровича к встрече с Аббас-мирзой, который с большой радостью объявил, что выставит против турок 50-тысячную армию. Обо всем этом Мазарович написал в Петербург 17 августа 1821 г.

Инициатива Грибоедова целиком была одобрена Ермоловым, который после этого писал графу Нессельроде, что ирано-турецкая война «весьма для нас выгодная, ибо в случае разрыва с турками, хотя не имеем мы нужды в пособии персиан, но вражда их между собой небесполезна»²⁰⁷.

Иначе реагировал на действия Грибоедова и Мазаровича царский министр иностранных дел. Посланник

²⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, М., 1957, стр. 4.

²⁰⁶ См. А. В. Фадеев, Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в., М., 1958, стр. 45—46.

²⁰⁷ АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 253.

«получил головомойку от Нессельроде»²⁰⁸, однако дело этим не ограничилось. В фондах Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде хранится малоизвестный документ, в котором указывается, что по поручению Нессельроде Грибоедов и Мазарович посетили Аббас-мирзу и официально объявили ему, что Россия воздержится от совместного выступления против Турции²⁰⁹. Тогда же, не без санкции Нессельроде, Грибоедов был отозван из Ирана в Тифлис для работы «секретарем по иностранной части» в канцелярии Ермолова, со значительным уменьшением жалования. Вспоминая об этом через семь лет, когда в разгар русско-турецкой войны русская миссия снова возбудила вопрос о вступлении Ирана в войну против Османской империи, Грибоедов заметил Ермолову, что как и в 1821 г. «вы, хвалите, а черти меня заклюют»²¹⁰. Эти «черти» во многом не доверяли автору «Горе от ума». Несмотря на то, что греко-турецкая война приковала к себе внимание европейских дипломатов, а ирано-турецкая война могла изменить обстановку на Балканах, Российское министерство иностранных дел не считало нужным информировать свою дипломатическую миссию в Иране о внешней политике правительства царя. В этих условиях Грибоедову трудно было представить, что Александр I порвал отношения с Портой не для того, чтобы начать против Турции войну, а только для того, чтобы напугать западные державы перспективой разгрома их турецкого союзника, а также удовлетворить интересы российских помещиков и купцов и успокоить общественное мнение России, возмущенное зверствами турецкой реакции. Более всего царизм опасался распада контрреволюционного «Священного союза» и не хотел начинать войну для защиты «бунтовщиков» и «врагов народа» в момент, когда Россия еще не оправилась от голода, выступления крестьян на Дону, в Приазовье и антиколониального движения кавказских горцев²¹¹.

208 Там же, т. VII, № 528, стр. 531.

209 См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 90, л. 11.

210 А. С. Грибоедов, Соч., стр. 637.

211 Только в 1825 г. царизм начал склоняться к мысли о необходимости поддержки греков в целях укрепления русского влияния на Балканах. Об этом см. «Всемирная история», т. VI, М., 1959, стр. 143.

Показательно, что в правительстве Александра I тоже не было единого мнения по иранскому вопросу. Один из руководителей внешней политики—И. Каподистрия вместе с начальником Главного штаба ген. И. И. Дибичем настаивали на заключении военного союза с Ираном, а Александр I и его министр иностранных дел К. В. Нессельроде были против этого союза и немедленной войны с Турцией, чтобы не помогать Греции, «ставшей на гибельную стезю революции»²¹².

Это означало, что вопрос о вступлении России в войну с Турцией определялся политикой царизма на Балканах и в Европе, а перспектива совместного выступления России с Ираном была подчиненным и не решающим фактором.

17 декабря 1821 г., в разгар ирано-турецкой войны, К. В. Нессельроде снова предписал А. П. Ермолову «избегать всего того, что могло дать повод Великобритании считать, что Россия хочет вооружить Персию против турок и дать Порте Оттоманской выгодную в ее затруднительном положении возможность примириться с Ираном»²¹³. По смыслу этого странного предписания Россия должна была оберегать политическую обидчивость Англии, а Турция даже в тяжелом положении могла примириться с Ираном на выгодных условиях. Нессельроде не мог не знать, что армия Аббас-мирзы, поглощенная захватами в Западной Армении и Месопотамии, не искала примирения с турками.

Независимо от политики царизма на Востоке, Турция и Иран вели между собой, а также в Закавказье и сопредельных странах Азии завоевательную политику. Нельзя поэтому согласиться с заявлением турецкого историка Ахмеда Расема о том, что будто бы «Иран выступил против Турции только потому, что был союзником России»²¹⁴, а также с иранским историком Джамилем Гу-

²¹² Об этом см. *М. И. Богданович*, История царствования Александра I, т. VI, СПб., 1871, стр. 37—38; *Л. С. Семенов*, указ. работа, стр. 72—73.

²¹³ *А. З. Иоаннисян*, Кавказ во внешней политике России в начале XIX в., Уч. записки МПИ им. В. И. Ленина, г. XXXVII, 1964.

²¹⁴ احمد راسم، عثمانلى تاريخى، جلد IV، قسطنطينيه، 214

۱۳۲۸—۱۳۳۰، ص ۱۷۷۸—۱۷۷۹.

занлу, обвиняющим Россию «в использовании ирано-турецких противоречий, чтобы разжечь между ними войну»²¹⁵. Аналогичную точку зрения отстаивал и Г. Виллок. Используя английские архивы тегеранский проф. Бина в своей «Политической и дипломатической истории Ирана» приводит донесение этого английского дипломата, адресованное Д. Каннингу 13 февраля 1823 г., в котором Мазарович обвиняется в «разжигании религиозной ненависти шиитов-персов к суннитам-туркам»²¹⁶. Г. Виллок указывал, будто война была следствием этой деятельности Мазаровича, и уверял, что Тегеранский договор 1814 г., как и ирано-турецкая война «были последствиями Гюлистанского мира»²¹⁷. Концепция Г. Виллока прежде всего говорила о его тщетных попытках оправдаться перед Каннингом за провал работы английской миссии, которая не смогла предотвратить невыгодную для Англии ирано-турецкую войну и до предела обострила англо-иранские противоречия. Г. Виллок голословен. Он не говорит, каким это образом Мазаровичу, с его представлениями об исламе, удалось разжечь религиозный антагонизм. К тому же, Г. Виллок и Д. Каннинг не могли не знать, что как вражда между шиитами-персами и суннитами-турками, так и войны между ними уходят в глубину веков и ничего общего не имеют с Гюлистанским договором. Кстати, история закабаления Ирана Англией, в том числе и с помощью договора 1814 г., не связана с Гюлистанским договором 1813 г. хотя бы потому, что, как уже отмечалось, Тегеранский договор официально назывался «Договором 1814 г., заключенным с шахом Персии по определению условий окончательного договора 1812 года», и, следовательно, в 1814 г. Англия только определяла условия кабального для Ирана договора 1812 г., заключенного за год до Гюлистанского мира. И вообще, если исходить из ошибоч-

---

جميل قوزانلو، تاريخ نظامی ايران، تهران، ۱۳۱۵،²¹⁵
ص ۸۲۰.

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،²¹⁶
ص ۱۷۱—۱۷۲—، ۱۷۷.

²¹⁷ Там же, стр. 176.

ной концепции Г. Виллока, с таким же основанием можно было утверждать, что Гюлистанский договор был следствием англо-иранских договоров 1801, 1809 и 1812 годов и т. д. Заметим еще, что проф. Бина не только цитирует, но и соглашается с Г. Виллоком. В отличие от них проф. М. Махмуд считает, что ирано-турецкая война 1821—1823 гг. произошла из-за незаконной миграции в Турцию подданных шаха²¹⁸, что было поводом, но не причиной войны. История этого запутанного и недостаточно исследованного вопроса рассматривается М. Махмудом и другими иранскими историками в отрыве от происходивших в то время событий на Балканах и в странах Азии. Нельзя, конечно, отрицать, что Аббас-мирза воспользовался наиболее удобным поводом—старыми спорами на турецко-иранской границе, обе стороны которой населяли объединения курдских племен зилан, милан, шекак и харки. Граница обоих государств была определена не точно; стороны претендовали на отдельные спорные участки, а курдские кочевники, в интересах своих скотоводческих хозяйств, не считались с государственной границей, пересекавшей их этнические границы. Вражда персов и турок не утихала и из-за старых споров о Багдадском пашалыке, на который претендовал Иран, и еще потому, что «иранские купцы и паломники, ездившие на поклонение шиитским святыням в Мекку и Кербалу, притеснялись на турецкой территории»²¹⁹. Более подробно пишет об этом иранский историк Абдулла Рази в «Полной истории Ирана»: «Правитель Баязета Селим-паша, не считаясь с протестами иранских властей, организовал переход из Ирана на турецкую территорию двух племен—хейдаранлу и висибки. В Багдаде и Эрзеруме,—отмечает этот автор,— велась злобная антишиитская пропаганда. Турция притесняла у себя подданных шаха и предъявила претензии на Салмаст (в северо-западном Иране.—Б. Б.), а когда начальник эрзерумского гарни-

---

218 См. محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۱۹۰.

219 احمد راسم، عثمانلى تاريخى، جلد IV، ص ۱۸۷۸.

зона расстрелял иранского посланника Садек-бека²²⁰, последний принц решился на войну²²¹.

Уже говорилось, что Аббас-мирза стремился компенсировать территориальные потери в Закавказье захватами в Османской империи. При этом ему было небезразлично видеть результаты военных преобразований, которые осуществлялись в Иране под руководством английских, а также французских и итальянских военных специалистов, однако такая заинтересованность, обратившая на себя внимание проф. А. З. Иоаннисяна²²², тоже была лишь поводом, но отнюдь не причиной войны.

Вначале Англия не предпринимала сколько-нибудь активных попыток к вмешательству в ирано-турецкую войну, несмотря на то, что поддерживала турецкого султана и опасалась русско-иранского сближения. Английское правительство не могло тогда не учитывать своих натянутых отношений с шахом, вызванных конфликтом в Персидском заливе из-за острова Кешм, захваченного Англией в 1821 г., а также сокращением английской помощи Ирану после заключения Тегеранского договора. Однако, когда в 1822 г. успехи иранской армии стали очевидными, английская торговля начала свертываться. Запретительные таможенные пошлины в Бушире и Басре привели к падению британской торговли в Персидском заливе, а закрытие торговых путей Трапезунд—Тавриз и Багдад—Керманшах приостановило движение английских товаров в Иран через Малую Азию. Вместе с сокращением английской торговли в Иране неуклонно падало политическое влияние Англии, и она решительно пересмотрела свою внешнюю политику. Произошло это после того, как Кэстльри в состоянии аффекта перерезал себе сонную артерию, и новым британским статс-секретарем по иностранным делам стал Джордж Каннинг. Бу-

²²⁰ С именем Садек-Бека была связана в 1820 г. нота А. С. Грибоедова английскому поверенному в делах. Вместе с британским офицером Э. Виллоком переводчик и дипломатический агент наследного принца Садек-Бек вербовал русских солдат на службу в иранскую армию (АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 289—290).

²²¹ عبد الله رازی، تاریخ ایران، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۵.
ص ۴۷۰—۴۷۱.

²²² См. А. З. Иоаннисян, указ. работа, стр. 159—175.

дучи монархистом и консерватором, когда речь шла об Англии, Каннинг искусно играл на принципах свободы и выставлял Англию в качестве «защитницы» греческой революции и национально-освободительной борьбы народов Европы. Другая часть этого курса английской дипломатии предусматривала немедленное прекращение ирано-турецкой войны и создание ирано-турецкого блока для войны против России. Осуществляя этот план, Англия, через своего поверенного в делах Г. Виллока и первого секретаря миссии Д. Макниля²²³, потребовала у шаха прекращения ирано-турецкой войны, но цели не достигла²²⁴. Тогда в Иран были отправлены дипломатические миссии майора Гарриота²²⁵, а также Джакса и Д. Фрезера, которые для достижения поставленной перед ними задачи стремились ликвидировать англо-иранский конфликт из-за оккупированного Англией иранского острова Кешм²²⁶. Их усилия также не имели успеха, и Англия применила санкции: Г. Виллок приказал английским офицерам Линдзею, Макинтошу, Армстронгу и Вильямсону не участвовать в ирано-турецкой войне²²⁷.

Аббас-мирза с негодованием осудил это решение Г. Виллока и предложил английским офицерам покинуть пределы Ирана²²⁸. Шах тоже возмутился политикой Англии, а французские офицеры незамедлительно воспользовались этим и с одобрения Тегеранского двора заменили отозванных англичан: Аллар, бывший адъютант маршала Брюна, стал командовать иранской конницей, сформированной его соотечественником Гаспаром Дривиллем; капитан гвардии Т. Этье стал инструктором нахичеванского и марандского батальонов. Вместе с ними в ирано-турецкой войне приняли участие французские офицеры Вентура, Кур и Джибелли²²⁹.

---

²²³ Врач английской миссии Д. Макниль (Макнейл) в 1818 г. сменил на посту первого секретаря миссии умершего Д. Кэмпбелла.

²²⁴ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 434 (Ермолов—Нессельроде, 22 февраля 1822 г.).

²²⁵ См. там же, стр. 253.

²²⁶ См. *J. Fraser, Travels and Adventures*, London, 1826 pp. 312—325.

²²⁷ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 253.

²²⁸ См. *Ch. Bélanger, Voyage aux Indes-Orientales*, t. 2. p. 399.

²²⁹ См. ЦГАДА, ф. 11, д. 1173, л. 293—293 об.; *Л. С. Семенов*, указ. работа, стр. 53—54.

В условиях, когда Англия не воевала с Францией, деятельность французских офицеров в Иране не могла быть прекращена статьей пятой англо-иранского договора 1814 г., не позволявшей шаху нанимать европейских офицеров в странах, воюющих с Англией. К тому же, после Ватерлоо эти французы не вернулись на родину и, находясь в Иране, не поддерживали официальных контактов со своим правительством. Однако после Аахенского конгресса Священного союза, когда Франция вернулась в «семью великих держав» и все более настойчиво стремилась направить в Иран свою торговлю, чтобы восстановить там позиции, оставленные ген. Гарданом, этот прерванный контакт с Парижем наверняка был восстановлен. Несмотря на то, что англо-иранские противоречия достигли большого накала, в 1822 г. шах обратился с требованием выдать Ирану 200 тыс. туманов в соответствии со статьей VI Тегеранского договора. «В случае, если какая-либо европейская держава будет вести войну с Персией (а с Англией у нее будут мирные отношения),—говорилось в этой статье,— е. в. король Англии сделает все возможное, чтобы наладить дружественные отношения между Персией и данным европейским государством. Если это не удастся, Англия... обязуется послать войско из Индии или взамен этого выплачивать ежегодную сумму в размере 200 тыс. туманов для поддержки персидской армии на протяжении всего хода войны, пока Персия не заключит мир»²³⁰. Убедившись, что Россия не собирается воевать с Турцией, Англия отказала шаху в субсидии, тем более, что формально в статье VI речь шла о войне Ирана с европейской державой (имелась в виду Россия.—Б. Б.), а не с азиатской, какой была Османская империя. Это обращение шаха за деньгами показывает, что, начиная войну, он рассчитывал ежегодно получать у Англии 200 тыс. туманов (800 тыс. руб.), а когда эти ожидания не оправдались, шах направил Г. Виллоку ноту протеста, в которой в резких выражениях обвинил его в предательстве²³¹.

---

²³⁰ М. А. Игамбердыев, указ. работа, Приложения, стр. 284.

²³¹ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 264 (Мазарович—Ермолову, 3 мая 1822 г.). Ср. *J. Fraser, Travels and Adventures*, pp. 303—304.

Не ответив на ноту шаха, глава английской миссии вместе с секретарем Макнилем покинули Иран.

В иранской историографии ухищрения Г. Виллока подвергаются резкой критике. «Вся его деятельность в Иране,— замечает проф. М. Махмуд,— заключалась в создании разногласий и конфликтов с правительством шаха»²³². Иранский исследователь упрекает английских историков в необъективности за то, что они нигде и никогда не писали, что Г. Виллок был отозван в Лондон²³³ после того, как Фатх-Али-шах потребовал этого у английского правительства через находившегося в Лондоне статс-секретаря наследного принца Мирза-Салеха²³⁴.

Миссия этого иранского дипломата свидетельствовала о гибкости и изворотливости Аббас-мирзы, который заказал большую партию английского оружия, а за деньгами обратился к России. Аббас-мирза просил Ермолова предоставить Ирану краткосрочный, беспроцентный заем (около 100 тыс. туманов) с переводом на Лондонский банк для оплаты стоимости заказанного оружия. Операция с Лондонским банком понадобилась ему еще и для того, чтобы в Англии поверили, что нет у него ни денег, ни оружия, а нужную сумму одалживает ему не Англия, а Россия. По этому поводу Аббас-мирза доверительно говорил Мазаровичу, что «Ермолов не допустит, чтобы за деньгами он обратился к Ост-Индской компании»²³⁵. Таким путем он угрожал России сближением с Англией, чтобы обеспечить получение русского займа, а в Лондоне угрожал английскому правительству сближением с Россией, чтобы получить английскую субсидию.

В Петербурге не обратили внимания на то, что английское оружие приобретается Ираном для использования против России больше, чем против Турции, и,

محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس،
ص ۱۹۰.

²³² М. Махмуд не знал, что Г. Виллок отправился не в Лондон, а в Калькутту.

²³³ См. محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس،
ص ۱۸۵.

²³⁵ АКАК, т. VI, ч. 2, № 479, стр. 259—260.

несмотря на возражения Ермолова, согласились произвести оплату стоимости этого оружия и выдать соответствующий «кредитив» русскому послу в Англии Х. А. Ливену²³⁶. По условиям этого займа Иран возвращал в Тифлисе занимаемую сумму, как только Россия вносила ее в Лондоне, в обеспечение чего в Тифлис было доставлено около одной пятой суммы. Заметим, что условия этого займа были выдвинуты самим Аббас-мирзой и говорили о том, что он сам мог расплатиться за оружие, а в общем не хотел усугублять конфликт с Лондоном.

В апреле 1822 г. Мирза-Салех выехал в Англию (через Тифлис и Петербург). В Лондоне он передал Каннингу ноту Фатх-Али-шаха, в которой Г. Виллок был объявлен персоной нон грата. Разгневанный Каннинг ответил на это тем, что сорвал операцию с русским займом, затем передал русскому послу Х. А. Ливену ноту, осуждающую деятельность русской миссии в Тавризе в связи с ирано-турецкой войной и русским займом²³⁷. По смыслу этой ноты, Англия использовала прецедент с займом для обвинения России во вмешательстве в англо-иранские отношения, в то время как сама нота Каннинга говорила о вмешательстве Англии в русско-иранские отношения. Англия не могла запретить России финансировать или вооружать Иран, с которым поддерживала нормальные дипломатические отношения, так же как и не имела права обвинять Россию в том, что она вооружает Иран против самой же России или против Англии, которая сама вооружала и обучала иранскую армию.

Каннинг опасался, что приобретенное Ираном английское оружие будет использовано Аббас-мирзой против турок, а это могло обострить англо-турецкие отношения и стать помехой для создания антирусской коалиции. По этим причинам английское оружие еще долго пролежало в арсеналах и было доставлено в Иран лишь три года спустя, с расчетом, что наверняка будет применено против России.

Только в Лондоне Мирза-Салех установил, что посланника Г. Виллока вовсе не отзывали в британскую

²³⁶ Впоследствии Ермолов был вынужден согласиться с предоставлением этого займа и настаивал, чтобы он сам отдал деньги наследному принцу.

²³⁷ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 257—272.

столицу и не дезавуировали его. Вопреки предположениям проф. М. Махмуда, этот английский дипломат находился в Индии, а накануне второй русско-иранской войны, вместе со своим братом Э. Виллоком, доставил в Иран английское оружие.

Между тем нота Каннинга, переданная царскому правительству через Х. А. Ливена, имела для Англии выгодные последствия. При всех обстоятельствах эту ноту следовало отклонить либо опровергнуть, так как она осуждала деятельность Грибоедова и Мазаровича и, таким путем, пыталась подчинить английскому контролю будущую деятельность русской миссии в Тавризе. Однако малодушного Нессельроде эта нота явно напугала. Он поспешил оправдаться перед Каннингом тем, что свалил на иранского шаха ответственность за действия русской дипломатической миссии; доказывал, что Иран первым обратился за займом²³⁸, а затем решился на шаг, после которого трудно было разобраться, чьи интересы защищал этот безродный министр. Исследователи не обратили внимания, что в то самое время, когда английский поверенный в делах был бесцеремонно изгнан из Ирана, а шах угрожал порвать дипломатические отношения с Англией, русская миссия могла максимально использовать эту исключительно благоприятную для нее обстановку в Иране путем дипломатического наступления на ослабленные английские позиции. Вместо этого поверенному в делах Мазаровичу было приказано выехать к Ермолову в Тифлис. Туда же был отозван и А. С. Грибоедов, приступивший с 19 февраля 1822 г. к исполнению новой должности секретаря по дипломатической части при канцелярии главнокомандующего.

Таким образом, выгодное положение русских дипломатов было приравнено к положению провалившихся англичан, которые, будучи изгнанными из Ирана, отправились в Индию, чтобы после ирано-турецкой войны доставить Ирану деньги и оружие для войны против России. Получилось так, что русские дипломаты были специально отозваны из Ирана, чтобы не взбудораживать Каннинга—этого лютого ненавистника России и подготовить для Англии наиболее благоприятные возможно-

---

²³⁸ См. там же.

сти для борьбы с Россией. Фактическое закрытие русской миссии²³⁹ ничем не оправдывалось. Грибоедова и Мазаровича незачем было отзывать в Тифлис, так как для разработки мероприятий по реализации торговых статей Гюлистанского договора и организации транзитной торговли можно было привлечь и других специалистов.

Несмотря на неослабное стремление Каджаров к пересмотру Гюлистанского договора, шах и Аббас-мирза в 1821—1823 гг. объективно способствовали сближению с Россией. Основа этого «сближения» большей частью была шаткой и временной, потому что в основном держалась на стремлении Ирана использовать Англию для реставрации довоенных границ в Закавказье. Парадоксально, что Иран оказывал давление на Англию с помсщью России, против которой были направлены реваншистские планы шаха. Грибоедов и Ермолов хорошо разбирались в особенностях этой иранской политики и всячески стремились превратить условное сближение с Ираном в безусловное, хотя это было нелегко сделать, так как, к нескрываемому недовольству Каджаров, на Кавказе ликвидировались ханства, существовавшие со времен иранского господства, а это означало, что русские не собираются уступать их Ирану. Нельзя, конечно, утверждать, что Иран шел на сближение с Россией только для получения английской помощи. Когда в годы ирано-турецкой войны вывоз иранских товаров в Османскую империю был прекращен, а конфликт с Англией приостановил иранский экспорт в Аравию и Индию, Иран стремился увеличить сбыт своих товаров в Россию. Это существенное обстоятельство, на которое первым обратил внимание французский эмиссар Беланже²⁴⁰, имело для России небезвыгодные последствия. Тем более, что к тому времени Россия освоила транскавказский путь и доставляла в Иран свои товары по кратчайшим путям, чего нельзя было сказать об английских товарах, которые, из-за закрытия основных торговых путей через Малую Азию и Месопотамию, доставлялись в Иран по да-

---

²³⁹ См. там же, стр. 259.

²⁴⁰ См. *Ch. Bélanger, Voyage aux Indes-Orientales*, t. 2, pp. 425, 433; *V. Fontanier, Voyages en Orient*, t. 2, Paris, 1829, p. 76.

леким окружным маршрутам и нередко перепродавались иностранным коммерсантам, которые взвинчивали на них цены. В результате на иранском рынке произошли изменения в соотношении цен в пользу русских товаров. Этот перелом в торговле стал еще более ощутимым после того, как в апреле 1822 г. русский министр финансов Д. Гурьев в соответствии с Гюлистанским договором предписал таможням взимать 5-процентную пошлину с объявленной ценности иранских товаров²⁴¹. Вместе со снижением таможенных пошлин произошел рост товарооборота, увеличилась масса вывозимых в Иран русских товаров, расширился их сбыт и возросла доля русского торгового капитала.

В период ирано-турецкой войны 1821—1823 гг. среднегодовой торговый оборот между Россией и Ираном по сравнению с 1814—1818 гг. увеличился более чем вдвое, а в 1823 г. превысил 4 млн. руб. За этот же период ввоз товаров из Ирана в Россию возрос на одну треть (до 1 800 тыс. руб.), а вывоз в два с половиной раза (до 1,2 млн. руб.) сравнительно со среднегодовым вывозом за предшествующие шесть лет²⁴². Не удивительно после этого, что по свидетельству И. Шопена «большая часть Азербайджана (имеется в виду Южный Азербайджан.— Б. Б.) довольствовалась товарами из Тифлиса»²⁴³. П. Зубов тоже отмечал, что русские товары были дешевле английских и имели большой спрос²⁴⁴, чем пользовались и обогащались армянские и русские купцы²⁴⁵.

Другим важным фактором, активизировавшим торговлю России с Ираном, но уже с помощью иностранного торгового капитала, был 5-процентный льготный тариф для ввоза в Иран и транзита западноевропейских товаров. Этот льготный тариф, введенный указом Александра I от 8 октября 1821 г. и вступивший в силу

---

²⁴¹ См. ЦГИА, ф. 19, оп. 3, д. 98, лл. 18—19.

²⁴² «Виды внешней торговли» за 1820—1823 гг. Подробно об этом см. Л. С. Семенов, указ. работа, стр. 75—79.

²⁴³ См. И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи, СПб., 1852, стр. 872—873.

²⁴⁴ П. Зубов, Картина Кавказского края, ч. I, СПб., 1834, стр. 202—203.

²⁴⁵ См. И. Бларамберг, Статистическое обозрение Персии, СПб., 1857, стр. 88.

с 1 июля 1822 г., позволил России и Франции организовать торговое наступление на ослабленные английские позиции. Показательно, что Франция заблаговременно подготовила свое экономическое проникновение в Иран открытием портофранко в Одессе в 1819 г., а через год — французского консульства в Тифлисе. Франция стремилась овладеть торговыми коммуникациями, которые шли от Смирны и Аллепо к Каспийскому морю через Астрахань и Баку, а также через Тифлис к черноморским портам. В ее планах Тифлису отводилось место центра транзитных путей из Европы и Азии, ведущих в Иран с севера, через Тавриз и южнокаспийские порты на Тегеран и далее к Персидскому заливу через Исфаган и Шираз. Любопытно, что в 1821 г. в работе над предварительным проектом транзитной торговли вместе с Ермоловым, Грибоедовым и Мазаровичем приняли участие французы: королевский консул в Тифлисе Гамба, капитан гвардии Т. Этье, купцы из Парижа, а также представитель Ирана статс-секретарь наследного принца и его переводчик французского языка Мирза-Масуд. Работа проводилась в «тайне» от турок и англичан, против которых была направлена эта транзитная торговля. В определенной мере это могло означать, что Иран вступил в тайное соглашение с Россией и Францией для вытеснения из Ирана английской и турецкой торговли, несмотря на то, что участие Мирзы-Масуда в разработке предварительного проекта было вызвано тем, что транзитная торговля должна была вестись с Ираном, с ведома и согласия правительства шаха. Впрочем, о действительных намерениях Ирана можно было судить по истории с Российским генеральным консульством в Гиляне. В конце 1821 г. было объявлено об учреждении этого консульства. На должность генерального консула тогда же был назначен 60-летний чиновник Азиатского департамента Я. К. Ваценко, который сначала в Баку, а с 1824 г. в Тегеране дожидался шахского фирмана об открытии российского представительства в Реште. Известно, что Гилян был родиной иранского шелка, вывозимого главным образом в Англию. Следовательно, приняв в Тегеране Ваценко, шах оказывал давление на Англию, однако при этом основные английские интересы в Гиляне не ущемлялись и потому Генеральное консульство не было открыто. Как

видно, длительное торговое преобладание России в Иране не входило в планы Каджаров. Поэтому в середине 1823 г., пока продолжалась турецкая война, шах своим фирманом правителю Шираза подтвердил торговые привилегии Англии и этим исчерпал конфликт в Персидском заливе²⁴⁶. Этот случай был не единичным и далеко не изолированным фактом. Отметим еще, что в 1822 г. «в пику» англичанам Аббас-мирза отправил в Тифлис двух иранцев для обучения типографскому делу и одного юношу—в Петербург для бесплатного обучения в Академии художеств²⁴⁷. Этим, собственно, и ограничились тогда официальные культурные связи Ирана с Россией, которые без особого ущерба для Англии должны были символизировать сближение Ирана с Россией, а в это время основные спорные проблемы, такие, как демаркация государственной границы, оставались нерешенными. Достаточно сказать, что после двух неудачных попыток в 1818 и 1821 гг. только в январе 1823 г., или через 10 лет после заключения Гюлистанского договора, русские и иранские комиссары встретились для уточнения спорных участков границы, проговорили целый год и, не достигнув цели, разошлись.

Таким образом, за исключением развития русско-иранской торговли, объем которой в годы ирано-турецкой войны неизбежно увеличился (в связи с сокращением экспорта в Иран английских и турецких товаров, вступлением в силу торговых статей Гюлистанского договора и организацией транзитной торговли), правительство шаха создавало только видимость сближения с Россией по второстепенным вопросам, чтобы таким путем добиться английской помощи и лучше подготовиться к реваншистской войне против России. История с обращением Ирана к Англии за субсидией по Тегеранскому договору, приобретение Ираном английского оружия, комедия с русским займом, культурными связями и особенно с Российским генеральным консульством, так же как и напряженная обстановка на спорных участках границы—не оставляют сомнений в правильности этих выводов.

---

²⁴⁶ См. *C. U. Alitchson, A Collection of Treaties, vol XIII, p. 64.*

²⁴⁷ Об этом см., например, АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 231—239.

Независимо от политики иранского правительства, Англия с возрастающим беспокойством следила за ростом русской торговли и прибывавшими в Иран французскими купцами.

В то время, когда представители парижского торгового дома «Коклен» и французской фирмы «Торн и К^о» Зигфрид, Моген, Перье и др. привозили в Тавриз французские товары, вместе с которыми непрерывно повышался поток и других западноевропейских товаров²⁴⁸, английские товары, находившиеся у иранских купцов в Турции, были конфискованы султанскими чиновниками, несмотря на англо-турецкую дружбу, а в Керманшахе, Бушире, Басре и Багдаде торговля Англии тормозилась персами, арабами и курдами. По этим причинам проблема прекращения ирано-турецкой войны оказалась в центре британской внешней политики. После провалившихся переговоров с Г. Виллоком, Д. Макнилем, Гарриотом, Джаксом и Д. Фрезером, чуть ли не единственная возможность для продолжения переговоров по этому вопросу была связана с Мирза-Салехом, которого для этой цели специально задержали в Лондоне. Прежде всего его «уговорили» отказаться от русского займа, затем согласились безвозмездно передать Ирану английское оружие, но только после того, как закончится ирано-турецкая война, а шах—сблизится с султаном, чтобы вместе выступить против России. Присутствие в Лондоне турецкого посла облегчило эту задачу английского правительства и 15 июля 1823 г. в столице Англии было заключено секретное «политическое соглашение с Мирза-Салехом, касавшееся Закавказья», т. е. соглашение о прекращении турецкой войны и о совместном выступлении Ирана и Турции в Закавказье, после чего иранский дипломат выехал из Лондона²⁴⁹.

Через 13 дней после подписания этого соглашения ирано-турецкая война закончилась, как и следовало

---

²⁴⁸ См. АВПР, ф. Консульство в Тавризе, д. 2, лл. 5, 8 об., 28, 31. По свидетельству французского генерального консула в Тифлисе Гамба, «приток этих товаров достиг наивысшего уровня в первой половине 1823 г». (*J. Camba, Voyage dans la Russie Méridionale*, t. 2, Paris, p. 210).

²⁴⁹ См. АВПР, ф. Канцелярия, д. 6920, лл. 500—503 об. (Ливен—Нессельроде, 2 (14) июля 1823 г.). Ср. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 293.

ожидать, безболезненной капитуляцией турок. По Эрзерумскому договору, заключенному 28 июля 1823 г., шах и Аббас-мирза вернули султану всех военнопленных²⁵⁰ и все завоеванные города—Эрджиш, Малазгирт, Ахлат, Битлис, Баязет, Сулеймание, Киркук и Мосул²⁵¹. А. К. Амбургер располагал в Тавризе данными о том, что Эрзерумский договор имел секретную статью, предусматривавшую помощь Турции Ирану против России²⁵².

Достоверность информации А. К. Амбургера об этой секретной статье подтвердилась накануне второй русско-иранской войны, когда иранский посол Мелик Шахназарян в октябре 1825 г. был отправлен шахом в Константинополь, чтобы напомнить султану о его обязательствах «объединиться с Ираном против России»²⁵³.

Другие статьи Эрзерумского договора предусматривали 4-процентную пошлину на иранские товары, ввозимые в Турцию, и возвращение конфискованного и секвестрованного во время войны имущества иранских подданных.

Дореволуционная военная историография (В. Потто, Щербатов, Дубровин и др.) территориальные уступки шаха объясняла только угрозой переброски турецких войск из Греции на войну с Ираном²⁵⁴. Эта угроза была весьма относительной и во всяком случае не была причиной заключения Эрзерумского мира. Известно, что в конце 1822 и в начале 1823 гг. греческие повстанцы выбили 20-тысячную армию султана из Морей, Навплиона и Коринфа, а греческие моряки изгнали турецкий флот из Архипелага²⁵⁵. После этого Порта планировала наступательные операции на Балканах и потому не могла и думать о переброске всех своих войск к Багдадскому паша-

²⁵⁰ См. محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۹۰.

²⁵¹ См. عبد الله رازی، تاريخ مفصل ايران، تهران، ۱۳۳۵، ص ۴۷۰.

²⁵² См. Л. С. Семенов, указ. работа, стр. 85.

²⁵³ „The Asiatic Journal“, vol. 22, 1826, p. 734.

²⁵⁴ Об этом см., например, В. Потто, указ. работа, т. 3, стр. 11.

²⁵⁵ См. «Всемирная история», т. VI, М., 1959, стр. 140—144; А. В. Фадеев, указ. работа, стр. 36—91.

лыку или к озеру Ван, где находились иранские аванпосты.

Мнения иранских историков об Эрзерумском мире обобщены Джамилем Гузанлу. В его интерпретации этот мир «был соглашением о взаимопомощи», так как «продолжение войны могло привести к невыгодным последствиям как для Ирана, так и для Турции»²⁵⁶. Не касаясь существа этих последствий, Гузанлу указывает и на невыгодные последствия Эрзерумского мира, когда жалеет, что договор этот «не вступил в силу в годы второй русско-иранской войны»²⁵⁷. Тем самым он косвенно подтверждает наличие секретной статьи, направленной против России и подготовленной Мирза-Салехом в Лондоне.

По своему характеру ирано-турецкая война, тесно связанная с турецкой интервенцией на Балканах, была захватнической и несправедливой. Достаточно отметить, что военные действия иранской армии проходили в основном в Западной Армении и Месопотамии, закабаленных Османской империей, а в это время основные силы турок вели истребительную войну против греческого народа.

Независимо от этих агрессивных акций шаха и султана, ирано-турецкая война 1821—1823 гг. отвлекла часть турецких войск от Балкан и, несомненно, была выгодна восставшему греческому народу.

Перспектива получения английских денег и вооружения, так же как и надежда на осуществление английского плана по созданию антирусского военного блока в составе Ирана и Турции, определяли политику шаха и привели к заключению Эрзерумского договора.

Шах решил на этот мир и в интересах сохранения власти династии Каджаров, так как на окраинах его лоскутной империи поднимались восстания поработенных народов и племен: в Йезде вспыхнуло восстание исмаилитов; в Кермане узурпатор Мирза-Халил-улла объявил себя шахом, а в Хорасане, куда по заданию Ост-Индской компании проникли английские эмиссары В.

جمیل قوزانلو، تاریخ نظامی ایران، جلد دوم، تهران، ۱۳۱۵

ص ۸۴۲.

²⁵⁷ Там же, стр. 933.

Шейва и Д. Фрезер²⁵⁸, не прекращались выступления 20 тысяч туркмен²⁵⁹. Англичане, несомненно, поддерживали эти выступления, чтобы ускорить прекращение ирано-турецкой войны.

7

После Эрзерумского мира Англия и Турция возобновили прерванную войной торговлю с Ираном через Трапезунд—Эрзерум—Тавриз²⁶⁰, а также Мосул—Керманшах и Персидский залив—Бушир—Шираз—Исфаган. Уже в 1824—1825 гг. четвертая часть всех товаров, вывозимых из Британской Индии, доставлялась в Иран через Персидский залив²⁶¹.

Рост английского экспорта ослабил заинтересованность Ирана в торговле с Россией и Францией. В 1824 г. иранские купцы подняли цены на шелк-сырец, который в основном стал вывозиться в Англию²⁶², где в связи с проводимыми таможенными реформами и развитием шелковой промышленности повысился интерес к Ирану, как к рынку сырья. Одновременно завязалась активная торговля Ирана с Турцией. Султан распространил на иранских купцов права своих подданных и взимал с них 4-процентную пошлину. Это на один процент было ниже пошлины, установленной Гюлистанским договором и льготным тарифом франко-русской транзитной торговли с Ираном через Тифлис. Кроме того, иранским купцам были возвращены товары, конфискованные в годы войны. После этого тавризские купцы заинтересо-

---

²⁵⁸ Об этом см. *J. Fraser, A Narrative of a journey into Khorasan, London, 1825.*

²⁵⁹ См. میر حسین یکرنگیان، گوشه ای از تاریخ نظامی ایران، تهران، فروردین، ۱۳۳۶، ص ۴۴—۴۹.

²⁶⁰ По данным ЦГИА Груз. ССР, Англия активно использовала эту торговую магистраль с 1809 г. (ф. 2, д. 937, л. 26). Указание Ю. Гагемайстера о том, что английские товары впервые были завезены по этому пути в 1823 г., является ошибочным (*Ю. Гагемайстер, О европейской торговле в Турции и Персии, СПб., 1828, стр. 94.*)

²⁶¹ См. *C. R. Porter, The Progress of the Nation, London, 1847, p. 750.*

²⁶² См. *Ch. Bélanger, Voyage aux Indes-Orientales, t. 2, p. 438.*

лись константинопольским рынком и прекратили платежи по векселям, выданным российским купцам²⁶³.

Несмотря на то, что английские и, в меньшей мере, турецкие товары мешали реализации закупленных в кредит товаров из России, в целом ее торговля стабилизировалась благодаря устойчивому и выгодному соотношению низких цен на русские товары сравнительно с английскими.

Чувствительный удар был нанесен и по французской торговле. А. П. Ермолов писал министру финансов Канкрину, что после 1823 г. французская торговля в Иране «сделалась ничтожной»²⁶⁴. Значительно сократился транзит французских товаров через Редут-Кале и Тифлис; к минимуму было сведено французское судоходство, связанное с Одессой. Неприглядная участь постигла и французских офицеров. По требованию Англии, Вентура, Аллар и Кур были вынуждены отправиться в Индию и поступить там на службу в войска Ранджит Синга, который был правителем Пенджаба, еще не завоеванного Англией, а капитан Этье и Джибелли уехали в Россию.

В 1824 г. французское правительство отозвало своего королевского консула Гамба из Тифлиса. Предпринятые после этого попытки французской миссии в Константинополе возобновить контакт с Тавризом, так же как и решение Аббас-мирзы направить на учебу в Париж группу иранской молодежи, успеха не имели: Каджары не ответили на письма французского дипломата Жуанена, а юношей отправили в Лондон²⁶⁵.

Всячески ущемляя интересы России и Франции, Фатх-Али-шах шел на сближение с Англией и Турцией. Он рассчитывал усилить их вражду с Россией, вытеснить из Ирана влияние и торговлю с Россией, а затем, заручившись поддержкой Англии, денонсировать Гюлистанский договор и возобновить войну. Решившись на «самопожертвование» в Эрзеруме, шах с радужными надеждами обратился к Англии за помощью. Чтобы получать помощь регулярно, шах предлагал взамен Тегеранского договора, который успел возненавидеть, заключить но-

---

²⁶³ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 315.

²⁶⁴ Там же, стр. 298.

²⁶⁵ См. *W. Montelith, Kars and Erseroum*, p. 109.

вый договор, чтобы Англия помогала Ирану как в мирное, так и в военное время²⁶⁶ и независимо от обстоятельств, при которых начнется война с Россией. Лондонский двор несколько не разделял честолюбивых взглядов иранского шаха, так как Тегеранский договор вполне соответствовал интересам колониальной политики Великобритании, которая, как уже отмечалось, с помощью этого договора могла толкнуть Иран на войну в выгодной для Англии международной обстановке. Вместе с тем, для Англии было нежелательно снова обострять свои отношения с Ираном после недавнего конфликта, и уже летом 1824 г. в Тегеране торжественно встречали английского эмиссара Георга Томаса Арла с тремя помощниками и партией оружия с боеприпасами²⁶⁷. Впрочем, Каджары довольно скоро убедились, что этого оружия совершенно недостаточно для войны против России. Надо полагать, что это оружие было передано безвозмездно, по соглашению с Мирза-Салехом в Лондоне. Только теперь в Иране могли пожалеть, что отказались от русского займа и, в качестве компенсации получили мизерную подачку. По этому поводу Аббас-мирза жаловался английскому дипломату Монтису, заявляя что снова собирается отправить в Лондон своего представителя для закупки вооружения и обмундирования²⁶⁸.

Несмотря на важную уступку шаха в турецком вопросе, Англия отказала шаху в деньгах и на этот раз²⁶⁹. В Лондоне и Калькутте не хотели обострять и без того натянутые отношения с Россией в обстановке революционного подъема в Европе и франко-русского сближения на Востоке. К тому же русско-турецкую войну, из-за колебаний и нерешительности Александра I в турецком и греческом вопросах, Англия не считала неизбежной, а отвлекающую от Турции войну Ирана против России — несвоевременной. Тем самым Англия не приняла во внимание Эрзерумский договор, подписанный Ираном в на-

²⁶⁶ См. محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۸۷.

²⁶⁷ Арл пробыл в Тегеране несколько месяцев, затем посетил Тавриз, где встречался с Аббас-мирзой. Об этом см. М. А. Игамбердыев, указ. работа, стр. 201.

²⁶⁸ См. там же.

²⁶⁹ См. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 264.

дежде на английскую помощь. Несмотря на неизбежные осложнения в англо-иранских отношениях, Каннинг не спешил форсировать события. Для начала он преобразовал в посольство английскую миссию в Тавризе. Это должно было успокоить шаха и заодно скрыть от общественности причины провала Г. Виллока.

В 1823 г. Каннинг предложил английскому правительству передать все иранские дела вице-королю Индии лорду Амхерсту²⁷⁰. Этот проект должен был освободить Каннинга от ответственности за будущие действия Ост-Индской компании в отношении Ирана и прикрыть вмешательство Англии во внутренние иранские дела. «План Каннинга,— указывает проф. М. Махмуд,— вызвал возмущение Фатх-Али-шаха, который судил об индийских властях по агрессивным акциям Малькольма и Джонса, пытавшихся силой захватить иранскую территорию до 1809 г., и по пиратским операциям Ост-Индской компании в Персидском заливе в 1819 г.»²⁷¹. Эта компания в 1823 г. снова собиралась отправить в Иран Д. Малькольма, на этот раз уже в ранге министра-резидента²⁷², однако назначение не состоялось. По версии самого Малькольма, он отказался от высокой должности, потому что не хотел представлять только Ост-Индскую компанию, и доказывал лорду Амхерсту, что английский посол должен иметь еще и полномочия короны²⁷³. Возможно, что Малькольм находился под впечатлением своего конфликта с королевским дипломатом Джонсом в 1808 г., когда, по меткому замечанию К. Маркса, «embarras de richesse (из животного страха перед Наполеоном) в Тегеран были направлены из Лондона сэр Харфорд Джонс, а из Калькутты—сэр Джон Малькольм»²⁷⁴. Несмотря на то, что дипломатические и военные аспекты английской политики в Иране были тесно взаимосвязаны, руководство этими делами до 1825 г. бы-

²⁷⁰ См. АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6963, л. 10 об.

²⁷¹ См. محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۱۸۷.

²⁷² См. *J. Kaye, The Life and correspondence of J. Malcolm*, vol. 2, pp. 428—432.

²⁷³ См. там же.

²⁷⁴ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 113.

ло условно дифференцировано: военные проблемы Ирана—этого «внешнего пояса обороны Индии»—решались в основном в Бомбее и Калькутте, а политические—в Лондоне. Каннинг свидетельствует, что в 1823 г. английское правительство не желало передать все относившиеся к Ирану дела Ост-Индской компании, чтобы не увеличить и без того обширную сферу деятельности Ост-Индской компании. Позднее, в беседе с русским послом в Лондоне Х. А. Ливенем, Каннинг рассказал ему о своих прежних целях: «Как только в первый раз я вошел в британское министерство, я предложил правительству все касающиеся Персии дела передать Ост-Индской компании, но это предложение не было тогда принято. Когда же я снова вернулся в правительство, то после трехлетних усилий добился согласия кабинета, но в тот самый момент началась русско-персидская война»²⁷⁵. Это заявление Каннинга важно не только потому, что вносит фактическую поправку в работы историков, ошибочно указывающих, что в 1823 г. Ост-Индской компании были переданы иранские дела²⁷⁶. Британское правительство санкционировало передачу этих дел Ост-Индской компании или, другими словами, предоставило этой компании свободу действий накануне русско-иранской войны для организации иранской агрессии в Закавказье. Именно тогда были доставлены в Иран вооружение и деньги Ост-Индской компании, которая толкала Иран на войну с Россией еще и средствами экономического принуждения. Возросший экспорт товаров этой компании (после заключения Эрзерумского договора) вытеснял иранские товары не только на внешних рынках—в Турции, Индии и афганских княжествах, но и в самом Иране. Это еще больше разжигало реваншистские стремления Ирана к захвату выгодных рынков в Закавказье, которые все более втягивались в обширный всероссийский рынок. Таким образом, несмотря на конъюнктурные изменения внешней политики Ирана в 1821—1823 гг., связанные с ирано-турецкой войной и приведшие к временному ожив-

²⁷⁵ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6963, л. 10 об.

²⁷⁶ См. например, Л. С. Семенов, указ. работа, стр. 83—84; а также محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس،

ленно торговли Ирана с Россией и Францией и обострению отношений с Англией, подготовка к войне в Закавказье оставалась главной концепцией иранской дипломатии.

8

Династия Каджаров с возрастающей настойчивостью добивалась возвращения Ирану Северного Талыша и части Карабаха. Эти претензии Аббас-мирза пытался обосновать статьей второй Гюлистанского договора, несмотря на то, что речь там шла о необходимости уточнения границ. В обмен на Северный Талыш и ряд населенных пунктов в районе Памбака, Иран предлагал России занять Мегри и одноименную область. Однако Северный Талыш был присоединен к России еще до первой русско-иранской войны и потому А. П. Ермолов считал, что вопрос этот не имеет отношения к Гюлистанскому договору. Споры шли и из-за Мегри. Русские доказывали, что половина этой области принадлежит России по смыслу Гюлистанского договора, а иранцы отрицали это. Дело в том, что в русском тексте договора граница области была ориентирована по двум рекам—Капанак-чай и Капан-чай, а в персидском—первая из них вовсе не упоминалась. Кроме того, в момент прекращения войны русский отряд занимал только половину области Мегри, однако в том же 1813 г. ушел оттуда, после чего оставленный район был занят иранским отрядом. Заметим еще, что Гюлистанский договор был заключен по принципу статус-кво. Это означало, что Россия и Иран согласились удерживать за собой те территории, где находились их войска в момент окончания войны. Поэтому командование Отдельного Кавказского корпуса отстаивало свои права на половину области Мегри. В конце концов Ермолов убедился, что иранские подразделения не собираются уходить из русской части этой области, и предпринял ответную меру—приказал своим войскам занять северо-западный берег озера Севан, затем предложил Аббас-мирзе узаконить взаимные захваты официальным соглашением, а в компенсацию—вернуть Ирану спорные районы в Карабахе и населенные пункты в

Памбакской области²⁷⁷. Каджары отклонили русские предложения. В интерпретации Аббас-мирзы эти предложения обходили главный вопрос—возвращение Ирану богатого пастбищами Северного Талыша.

22 июня 1823 г. уполномоченные сторон встретились снова для разграничения спорных участков границы²⁷⁸. На этих переговорах русские эксперты, руководствуясь инструкцией Ермолова, не собирались уступать²⁷⁹, а иранцы находились под впечатлением своей недавней победы над турками и хотели выиграть время для подготовки к новой войне. По этому вопросу в фондах ЦГВИА хранятся малоизвестные документы, составленные генералом Хатовым и полковником Энегольмом. Хатов, в частности, указывал, что на переговорах иранские комиссары пользовались географической картой, составленной в 1816 г. английским офицером, находившимся на персидской службе²⁸⁰.

Комментируя ту часть статьи II Гюлистанского договора, где определяется направление пограничной линии от Едибулукского брода «вверх по Араксу до впадения в нее речки Капанак-чай, далее правой стороной речки Капанак-чай до хребта Мегринских гор»²⁸¹, Хатов указывал, что на переговорах «иранские комиссары говорили будто река Капанак-чай вовсе не существует, а Аббас-мирза требует, чтобы пограничной чертой была назначена речка Чаундур, называемая иначе Капанак-чай»²⁸². Далее говорилось, что «Российские комиссары доказывали, что Капанак-чай, двумя большими ручьями вытекающая с Алагезских гор, проходит через сел. Мегри и впадает в Аракс. Таким образом,— заключает Хатов,— между речками Чаундур и Капанак-чай находится спорное пространство, которое Ермолов, по причине нездорового там климата, предложил уступить персам взамен высот Герми в Талышском ханстве и долины

---

²⁷⁷ См. АКАК, т. VI, ч. II, № 418, стр. 228 и № 561, стр. 305.

²⁷⁸ Подробно о переговорах см. «Кавказский сборник», т. 24, стр. 8—9.

²⁷⁹ Инструкцию Ермолова см. в АКАК, т. VI, ч. II, № 521, стр. 281.

²⁸⁰ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4272, л. 1.

²⁸¹ Там же, л. 1 об.

²⁸² Там же.

Гиль, лежащей при юго-восточном конце озера Гокчи»²⁸³. Хатов указывал еще, что «персидские комиссары» хотят удержать за собой все течение реки Арпачай. Но тогда, вопреки трактату, Даралагез будет не на границе, а внутри персидских владений»²⁸⁴.

Пространство между двумя речками имело существенное значение не только потому, что служило разменной территорией сторон. Полковник Е. Энегольм отмечает, что «занятое персами пространство между рекой Капан-чай и речкой Капанак-чай приносило им ежегодный доход в 60 000 рублей серебром»²⁸⁵.

Изучение персидских источников, в которых приведен персидский текст Гюлистанского договора, подтвердило, что иранские комиссары пытались обмануть русских экспертов. В работах М. Махмуда, А. Тадж-Бахша и А. Бина²⁸⁶ интересующая нас часть статьи II Гюлистанского договора дана в следующем виде: «Начиная от Адинабазара, по прямой через Муганскую степь до бродов у Едибулука на Араксе, затем вверх по берегу Аракса²⁸⁷ до впадения в нее реки Капанак-чай по ту сторону горы Мегри»²⁸⁸.

Таким образом река Капанак-чай указывается в персидском тексте Гюлистанского договора, а название реки Чаундур отсутствует. Это означает, что на переговорах 1823 г. иранские эксперты сознательно стремились сорвать переговоры и, чтобы обмануть своих русских

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же, п. 2.

²⁸⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, Коллекция № 446, д. 12, л. 21.

²⁸⁶ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۲۶—۱۲۷، احمد تاج بخش، روابط ايران و وسيله درنيمه اول قرن نوزدهم، ص ۲۲، علی اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۱۷۸.

²⁸⁷ В русском тексте указывается правый берег Аракса, чего нет в персидском тексте.

²⁸⁸ «از ابتدای اراضی ادینه بازار به خط مستقیم از راه صحرای مغان تا به معبریدی بلوک، رود ارس و از بالای کنار رود ارس تا اتصال و الحاق رودخانه کپنک چای به پشت کوه مقری...»

коллег, пользовались географической картой, составленной с искажениями английскими топографами, и отстаивали свои концепции с помощью фальшивого персидского текста Гюлистанского договора.

Возглавлявшие иранскую делегацию Мирза-Мухаммед-Али-Мустафа и Субхан-Кули-хан отвергли все указанные в Гюлистанском договоре ориентиры и демаркационные пункты, отрицали показания местных жителей о границе в Шурагальской и в других областях. 3 ноября 1823 г. Аббас-мирза через своего инженера Мирза-Джафара объявил, что русских не допустит к Кананак-чаю потому, что в Мегри этой реки не существует. После этого стало ясно, что, кроме общего согласия обсуждать спорные вопросы, соглашения достигнуто не будет. Переговоры провалились. В Англии не могли не нарадоваться этому случаю. Лондонская газета «The Morning Chronicle» писала не без злорадства, что на переговорах иранская сторона дискуссию вела с горечью раненой гордости, а русская—с сознанием своей силы. Различные линии границ последовательно предлагались одной стороной и отвергались другой: комиссары встречались и расходились, ни на шаг не продвинувшись в разрешении спора»²⁸⁹.

В ноябре 1823 г. вблизи от места переговоров на правом берегу Аракса находился лагерь Аббас-мирзы. А. П. Ермолов предписал правителю трех областей ген. Мадатову встретиться и переговорить с Аббас-мирзой.

На состоявшейся встрече Мадатов много говорил о дружбе соседних государств, а наследный принц ограничился туманным заверением «использовать все средства, чтобы приобрести расположение Александра I и угодить Ермолову»²⁹⁰. Поздно вечером, когда встреча приближалась к концу, Мадатов устроил грандиозный фейерверк, настолько сказочно-красивый, что очевидцы уже много лет спустя вспоминали об этом необыкновенном зрелище: «...когда был фейерверк Дели-султана». Мадатова персы считали храбрым до безумия.

---

²⁸⁹ «The Morning Chronicle» 3 февраля 1827 г., цит. по кн. М. А. Игамбердыева, *Иран в международных отношениях*, стр. 201.

²⁹⁰ «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова», СПб., 1837, стр. 8.

В 1824 г. шах уже не просил, а ультимативно требовал у Англии денег и оружия для войны против России; предлагал немедленно приступить к переговорам по этому вопросу; не допускал в Иран и не выдавал агремана новому английскому послу Д. Макдональду и угрожал порвать дипломатические отношения. На эти новые проявления шахского гнева в Лондоне и Бомбее реагировали сдержанно.

Меньше всего беспокоясь об Иране, Англия стремилась обеспечить свое господство на обширных азиатских рынках за счет подрыва экономического и политического влияния России. Кроме того, в Англии учитывали колебания Александра I в турецком и греческом вопросах, приведшие в том же 1824 г. к восстановлению дипломатических отношений между султаном и царем. В этих условиях Англия заняла выжидательную позицию—не спешила финансировать Иран, рассчитывая толкнуть шаха на войну с Россией только тогда, когда обострятся русско-турецкие отношения.

Английская буржуазия опасалась, что русско-турецкая война приведет к распаду Османской империи, расшатываемой ударами национально-освободительной борьбы греков и других поработенных народов. Чтобы не допустить этого распада и сохранить в Турции экономические и политические позиции Англии, Лондонский двор угрожал России перспективой одновременного ведения войны на двух и более фронтах против блока азиатских государств, поддерживаемых Англией. Однако в действительности в то время царизм не имел планов полного разрушения и раздела Османской империи. Это было доказано Адрианопольским миром, утвердившим за Россией после войны лишь то, чего она добилась Аккерманским соглашением и Греческим протоколом²⁹¹. До всего этого шаху не было никакого дела и он упорно продолжал вымогать у Англии деньги, в то время как для Англии Иран был объектом колониальной экспансии и разменной монетой в международных отношениях.

---

²⁹¹ См. О. Б. Шпаро, Освобождение Греции и Россия, М., 1965, стр. 165.

Применяемые иранской дипломатией формы и методы давления на Англию почти не изменились. В 1824 г. шах пытался заставить Англию пойти на уступки все той же угрозой мнимого сближения с Россией. Фатх-Али-шах произвел перемены в своем правительстве, которое возглавили известные иранские пацифисты и сторонники сближения с Россией. Главный евнух и казначей шаха армянин Манучехр-хан Ениколопов, взятый иранскими сарбазами в плен в первой русско-иранской войне, был допущен к исполнению обязанностей премьер-министра Ирана. Лояльный по отношению к России, министр шаха Абдул Вахаб руководил внешней политикой страны, а тавризский губернатор Фатх-Али-хан, которого подозревали в тайных связях с русским командованием, дважды был отправлен в Тифлис на переговоры с Ермоловым. Фатх-Али-хана сопровождал Давид Цатурович Мелик-Шахназарян, который при жизни Наполеона был французским разведчиком и дипломатом, а в 1816 г. перешел на иранскую службу. Эти перемещения в иранском правительстве преследовали цель оказать давление на Англию в получении ее помощи. Такую же цель преследовали и предпринятые в 1824 г. экономические санкции шаха. Еще в ходе ирано-турецкой войны, когда шах был заинтересован в расширении торговли с Россией, А. П. Ермолов неоднократно предлагал ему учредить в г. Реште русское генеральное консульство. В то время шах не давал на это согласия, и русский генеральный консул Я. К. Ваценко два года дожидался иранской визы. Только в 1824 г. неожиданно был получен шахский фирман, приглашающий Я. К. Ваценко и его сотрудников в Тегеран.

Изгнав из Ирана английского поверенного в делах, шах принял русского генерального консула. Вскоре, однако, выяснилось насколько не искренне это было задумано. Получив у Ваценко подарки царя (хрустальные плиты для обкладки дворцового бассейна), шах до конца 1825 г. продержал русского консула в Тегеране, а санкции на открытие торгового представительства в Гиляне не давал. Удивительно, что тогда же А. П. Ермолов настрого предписал Я. К. Ваценко оставаться в Тегеране и этим по существу лил воду на политику шаха, рассчитанную на получение английской помощи и войну

против России²⁹². Фатх-Али-шаху это было как нельзя кстати. Об этом же свидетельствует и другая характерная деталь. Судя по многочисленным жалобам Ваценко, для сотрудников его бездействующего консульства в Тегеране было предоставлено полуразрушенное, сырое помещение, а местным жителям было запрещено предоставлять больному и измученному 60-летнему русскому консулу другое помещение в аренду²⁹³. Показательно также, что Я. К. Ваценко и поверенный в делах С. И. Мазарович обращались к иранскому премьер-министру по вопросу открытия консульства и расширения торговли с Россией. Однако руки Манучехр-хана были связаны и он ограничился обещанием допускать российских купцов в глубь Ирана и не притеснять русских военнопленных в Гиляне.

Все это время англо-иранские отношения оставались натянутыми и неопределенными. Ложные маневры шаха «по сближению» с Россией не давали эффекта. Несмотря на это, в обстановке нового торгового наступления Англии на Востоке, вызванного развитием капитализма, в Лондоне не могли не считаться с претензиями шаха, как потенциального военного союзника. Чтобы не оттолкнуть его от себя, а России не предоставить новых возможностей для усиления в Иране, в середине 1824 г. Англия согласилась начать в Бомбее переговоры о субсидии²⁹⁴. Эти переговоры послужили основанием для заключения новой сделки. Как уже отмечалось, вместо отозванного из Ирана поверенного в делах Виллока, еще в марте 1824 г. был назначен новый посол—полковник Д. Макдональд. После этого английскую миссию в Иране преобразовали в посольство, несмотря на то, что нового министра-резидента шах не допускал в Иран до получения английской помощи. Английские историки—современники и участни-

---

²⁹² Дореволюционный историк Берже тоже ошибочно считал, что шах пригласил Ваценко в Тегеран только для получения подарков царя. (АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 298—299, 314).

²⁹³ Оставленный без помощи и внимания Ермолова, Ваценко нашел приют у англичан, которые не прочь были показать, что русские нуждаются в их покровительстве. Об этом см. АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 314—315.

²⁹⁴ Эти переговоры начались в Бомбее, затем были перенесены в Калькутту.

ки этих переговоров—не указывают на формальный характер переговоров Совета директоров Ост-Индской компании с Д. Макдональдом²⁹⁵, поскольку их окончательный исход предreshался коренными изменениями в международной обстановке. Что же касается шаха, то для него эти встречи англичан с англичанами были равносильны ожиданию у моря погоды, несмотря на то, что его дальнейшие усилия все же были направлены к ускорению получения помощи.

Новые надежды шаха на успешное завершение этих переговоров были связаны с ожиданием французских миссий, отправленных в Иран в начале 1825 г.

Глава французского правительства Ж. Виллель, по мнению французского историка А. Дебидура, «не желал ссориться с Англией и боялся вдобавок, как бы вследствие разрыва с Турцией Франция не потеряла своего значительного влияния на Мухаммеда Али—египетского пашу²⁹⁶. Дело в том, что Франция рассчитывала, что этот паша скоро станет независимым от власти турецкого султана, а влияние Франции в этой стране позволит ей восстановить торговые и политические привилегии в Средиземном море. Многие французские офицеры отправлялись в Египет формировать и обучать армию Мухаммеда Али; Франция поставляла оружие и боеприпасы для его армии; в Марселе и других портах Франции строились и снаряжались корабли для Египта. В то же время Франция внушала турецкому султану, что является единственным другом Порты, якобы не заинтересованным в освобождении Греции²⁹⁷.

В Иране, так же как и в Турции, интересы Франции сталкивались с английскими. Однако в новых условиях, возникших после Петербургской сессии Священного союза, Франция собиралась проводить в Иране более гибкую политику. Подготавливая условия экономического проникновения в страны Азии, она избегала открытой борьбы с Англией, как это было прежде, и даже создавала ви-

---

²⁹⁵ Об этом см., например, *H. Wilson, The History of British India (1805—1835), vol. 3. London, 1858, p. 151; J. Alexander, Travels from India, pp. 72—79.*

²⁹⁶ См. *А. Дебидур*, указ. работа, стр. 245—246.

²⁹⁷ См. *О. Б. Шпаро*, указ. работа, стр. 168—169.

димость сближения со своим наиболее ненавистным английским конкурентом.

В начале 1825 г. в Иран были отправлены две французские миссии для изучения иранского рынка и ведущих к нему торговых путей из Европы.

Новый губернатор французских владений в Индии Дебассен де Ришмонт (племянник премьер-министра Ж. Виллеля) отправился в Иран с севера, через Грузию и Восточную Армению, а В. Фонтанье—с юга, через Персидский залив²⁹⁸.

В начале апреля 1825 г. Ришмонт и сопровождавший его Беланже прибыли в Тифлис. Здесь они встретились с ген. Ермоловым, а также с иранскими дипломатами—Фатх-Али-ханом и Давидом Мелик-Шахназаряном, которые в Грузии прикрывали англо-иранские переговоры в Индии и в то же время косвенно оказывали давление на Англию, угрожая «сближением» с Россией с помощью заключенного ими Тифлисского договора.

Судя по донесению Ришмонта французскому министру иностранных дел от 11 апреля 1825 г., он вместе с Беланже изучал в Тифлисе возможности для возобновления и расширения франко-иранской торговли, прерванной Эрзерумским миром, хотя и сомневался в реальности осуществления этого плана²⁹⁹. Надо полагать, что в это же время иранская делегация могла рассматривать свои встречи с французами как новое, дополнительное средство давления на Ост-Индскую компанию. Встречи оказались небесполезными и для французов, которые 8 мая 1825 г. вместе с Фатх-Али-ханом и Мелик-Шахназаряном прибыли в Тавриз. Мелик-Шахназарян присутствовал и на первой аудиенции, которую Аббас-мирза дал в своем дворце в честь французской миссии. Ришмонт передал наследному принцу послание французского министра иностранных дел, а через несколько дней на секретной аудиенции было решено открыть в Тавризе французское консульство³⁰⁰, откомандировать в Иран двух француз-

---

²⁹⁸ См. ЦГИА, ф. 560, оп. 4, д. 330, л. 6; Л. С. Семенов, указ. работа, стр. 96—99.

²⁹⁹ См. *Ch. Bélanger, Voyage aux Indes-Orientales*, t. 2, pp. 417—423.

³⁰⁰ См. там же, стр. 313—348.

ских офицеров для их участия в демаркации границы с Россией³⁰¹ и рассмотреть вопрос о транзите французских товаров не через Россию, а Трапезунд и Тавриз³⁰².

Чтобы придать этим соглашениям вес, а на деле добиться английских субсидий, видные чиновники Тавриза вместе с бывшим персидским послом при Наполеоне Аскерханом нанесли Ришмонту визит вежливости. В честь прибывших французов Аббас-мирза устроил военный парад и заставил оставшихся у него в армии английских офицеров пройти строевым шагом мимо французской делегации.

В свою очередь, Дебассен де Ришмонт пытался максимально использовать эту обстановку в интересах колониальной политики Франции. И поскольку он прибыл в Иран после апрельской сессии Священного союза, то чуть ли не со дня своего приезда говорил, что будет соблюдать нейтралитет и избегать вмешательства в иранские дела, а в это время, не без ведома Аббас-мирзы, выражал показное беспокойство англо-иранскими спорами из-за субсидии. Ришмонт даже предлагал Аббас-мирзе прибегнуть по этому вопросу к иностранному арбитражу³⁰³, имея в виду посредничество Франции, несмотря на то, что финансовые претензии Ирана к Англии по Тегеранскому договору не имели юридической силы. Заметим еще, что весьма сходную с этой политику проводил в Турции французский посол в Константинополе Гильемино. С 1824 г. он тоже пытался занять нейтральную позицию, выполнять роль посредника, примирителя Турции и России, вытеснив из этой роли английского посла в Турции Стратфорда Каннинга, который после заключения Греческого протокола перестал пользоваться доверием султана³⁰⁴.

Пока Аббас-мирза изучал предложения Ришмонта об арбитраже, Беланже узурпировал полномочия «нейтрального» посредника и уговаривал Аббас-мирзу не бойкотировать врача английской миссии Кормика, пока его коллеги находились в Калькутте, а Кормик после этого с удвоенным усердием добивался агремента для Д. Мак-

³⁰¹ См. там же.

³⁰² См. там же, стр. 424—443.

³⁰³ См. там же, стр. 404—405.

³⁰⁴ Об этом см., например, *О. Б. Шпаро*, указ. работа, стр. 168—

дональда³⁰⁵. Все это создавало впечатление инсценировки, задуманной в компенсацию за согласие Ирана учредить в Тавризе французское консульство и обеспечить в Иране торговлю Франции. Добиваясь этой основной цели, Франция, как и во времена Наполеона, поддерживала завоевательные планы шаха в отношении Закавказья потому, что английская «помощь» Ирану предназначалась для поддержки планируемой Ираном агрессии в Закавказье.

18 июня Ришмонт и Беланже прибыли в Тегеран. Здесь они были торжественно приняты шахом, объявили ему о вступлении на французский престол Карла X, в чем состояло их официальное поручение, затем отправились в Бушир и через Персидский залив отплыли в Индию³⁰⁶. Перед этим, другой французский эmissар Фонтанье, под видом путешественника, выполнявшего частное задание Парижского географического общества, прибыл через Басру в Бушир и отсюда отправился на север, на встречу с Ришмонтом³⁰⁷. Фонтанье тоже изучал возможности иранского рынка, в Тавризе встречался с иранскими, русскими и английскими дипломатами и офицерами, затем отправился в Грузию, где провел зиму, и через Редут-Кале, Трапезунд, Смирну и Константинополь вернулся на родину. По свидетельству Беланже, Фонтанье доставил Парижскому географическому обществу записку находившегося в армии Аббас-мирзы англичанина Монтейза об Иране, составленную в 1823—1824 гг.³⁰⁸, а после заключения Туркманчайского договора передал французскому министру иностранных дел составленный им «Проект организации торговли с Ираном через Трапезунд»³⁰⁹.

---

³⁰⁵ «Кавказский сборник», т. XXI, стр. 89 (Мазарович—Ермолову, 21 мая 1825 г.).

³⁰⁶ Только в 1829 г. Беланже, обогнув Африку, вернулся в Париж и на заседании Французской академии наук доложил о результатах экспедиции.

³⁰⁷ См. *V. Fontanier, Voyage en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement français, de l'année 1821 à l'année 1829, t. 1, p. XIII, Paris, 1829; Л. С. Семенов*, указ. работа, стр. 98.

³⁰⁸ *Ch. Bélanger, Voyage aux Indes-Orientales, t. 2, p. 24.*

³⁰⁹ *V. Fontanier, Voyage en Orient (1830—1833), Paris, 1834, p. 127.*

Французская буржуазия, окрепшая после поражения революции, требовала завоевания азиатских рынков в Иране и Турции. Однако ультрамонархические правительства бурбонского дома, занятые уничтожением остатков революции внутри своей страны, возвращением и вознаграждением эмигрантов и насаждением самой жесткой реакции, не имели ни сил, ни политического веса для восстановления утраченных позиций Франции на Востоке³¹⁰. Следовательно, вопреки концепции Л. С. Семенова³¹¹ в 1825 году англо-французского соперничества по существу не было. С помощью Ришмонта, Беланже, Фонтанье и других эмиссаров Франция в то время только изучала и подготавливала условия для возобновления торговых и политических отношений с Ираном, однако из-за начавшейся через год второй русско-иранской войны отложила выполнение этого плана.

Шах, в свою очередь, не мог рассчитывать на активную поддержку Франции, а пребывание в Иране французских миссий использовал для давления на Англию и завершения переговоров в Калькутте.

10

Изгнанные в Иран правители Карабахского, Ширванского, Талышского ханств и их многочисленные отпрыски были приняты в Иране с большими почестями³¹². Многим из них в пограничной зоне раздавались тиульные владения: смежные с Талышем районы были отданы убийце русского главнокомандующего ген. Цицианова; земли, прилегающие к границе Карабаха, переданы изгнанному карабахскому хану и беглому царевичу Александру. «Вот опоры,—писал А. П. Ермолов,—на которых покоится дружба наша с Персией»³¹³.

На шахскую службу, в основном, перешли те самые ханы или их сыновья, которые в начале XIX века отде-

³¹⁰ См. О. Б. Шпаро, указ. работа, стр. 168.

³¹¹ Вторую главу цит. кн., содержащей ценный фактический материал, Л. С. Семенов, на наш взгляд, ошибочно назвал «Англо-французским соперничеством в Иране и русско-иранским сближением» (стр. 56—103).

³¹² См. Щербатов, указ. работа, стр. 27—28.

³¹³ «Записки А. П. Ермолова», ч. II (1816—1827), М., 1868, стр. 106.

лились от Ирана, признали над собой власть России и даже участвовали в войне против войск Аббас-мирзы—их нового покровителя и будущего предводителя в войне против России.

На чужбине эти ханы устанавливали тайные связи со своими родственниками и сторонниками в Закавказье. Их деятельность была небезуспешной, особенно среди той части мусульманского населения пограничных районов, которая, едва избавившись от двойного гнета своих иранских феодалов, поддалась проповедям шиитского духовенства и уже с помощью Ирана стремилась избавиться от злоупотреблений российских приставов³¹⁴, несмотря на то, что притеснения их бывших мусульманских правителей были еще более жестокими.

Факты показывают, что в ходе ликвидации ханств царизм не придерживался последовательной политики. Хань, изгнанные в Иран в начале 20-х годов XIX века, в годы второй русско-иранской войны нанесли России огромный ущерб. Вместе с иранскими войсками они возвращались на места и поднимали восстания против русских гарнизонов.

В 1824 г. шах и Аббас-мирза в своих отношениях с Россией снова выдвинули на первый план территориальный вопрос, который, по словам проф. М. Махмуда, «обычно выставляется агрессивной страной, ищущей повода для войны»³¹⁵.

К прежним претензиям на Северный Талыш Аббас-мирза присоединил новые требования. Извращая смысл отдельных статей Гюлистанского договора, теперь он добивался присоединения к Ирану и Шурагельской области. Как видно, победа над турками и переговоры в Индии отняли у него всякое желание договориться.

В результате, возобновившиеся в 1824 г. переговоры пограничных комиссаров, происходившие на спорных участках границы, провалились снова³¹⁶.

³¹⁴ Функции администрации после ликвидации ханств выполняли не подготовленные для этой цели генералы и офицеры по месту дислокации их частей, а также подвизавшиеся дельцы, мечтавшие разбогатеть на южной окраине России.

³¹⁵ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس،

ص ۱۹۵.

³¹⁶ Там же.

В фондах Центрального Государственного архива Военно-морского флота в Ленинграде хранится «дело» под названием «О требованиях персидских комиссаров в 1824 г.»³¹⁷, в котором приведены необоснованные претензии, а также показана несговорчивость представителей Аббас-мирзы. Эти архивные материалы опровергают измышления иранских историков, будто русские комиссары «не были знакомы с местностью, которую хорошо знали представители Ирана, и что эти знания иранцев не имели значения благодаря давлению русских»³¹⁸.

После срыва этих переговоров Аббас-мирза отправил к Ермолову в Тифлис тавризского беглярбека Фатх-Али-хана, который повторил прошлогодние претензии иранских пограничных комиссаров, а русское командование, как и прежде, не собиралось отводить свои войска из Северного Талыша и Шурагеля и снова отклонило эти претензии. А. П. Ермолов писал по этому поводу, что Аббас-мирза хотел приобрести Талыш для того, чтобы показать, будто Россия ищет его дружбы ценой возвращения территорий³¹⁹. С этой целью наследный принц неоднократно предлагал Ермолову деньги в компенсацию за Талыш и при условии, что они будут выданы по секретному соглашению, а акт о передаче Талыша в собственность Аббас-мирзе будет опубликован.

Ермолов считал, что уступка Талыша окажет невыгодное для России влияние на мусульманские провинции³²⁰.

Россия не собиралась уступать Ирану и Шурагельскую равнину. Расположенный у подножья Арагаца (Алагеза) Шурагель был не только плодородной долиной Восточной Армении. Врезанный клином между Эриванским ханством и Карским пашалыком, он имел важное стратегическое значение — с юга прикрывал Грузию, а в случае войны мог быть использован Россией как удобный плацдарм для ведения одновременных военных действий против Ирана и Турции.

317 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 444, лл. 72—75.

318, محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۹۵.

319 См. «Записки А. П. Ермолова», стр. 180.

320 В 1817 г. Ермолов предлагал Александру I признать независимость Талыша, что не было одобрено царем.

Объясняя свою позицию на переговорах с иранским послом, Ермолов писал царю, что многие недоразумения происходили из-за Гюлистанского договора, который был «составлен весьма неясно»³²¹. В этом были повинны и английские дипломаты, которые убедили шаха и Мирза-Аболь-Хасан-хана указать в договоре границы только в общих чертах, чтобы сохранить повод для их пересмотра или для новой войны. Ермолов уверял царя, что только его предложения об обмене спорными участками соответствуют престижу Российской империи, могут ликвидировать недостатки Гюлистанского договора и создать условия для сносного сосуществования.

Ни до чего не договорившись в Тифлисе, Фатх-Али-хан в том же 1824 году вернулся в Тавриз, где доложил Аббас-мирзе о результатах своей миссии.

В начале 1825 года Мазарович сообщил из Ирана о намерении Аббас-мирзы повторно отправить в Тифлис дипломатическую миссию, а самому встретиться с Ермоловым на границе³²². Это показное «миролюбие» было следствием затянувшихся переговоров в Калькутте. Нельзя поэтому согласиться с версией проф. Бина о том, что Иран, дескать, всегда и искренне добивался соглашения с Россией по пограничным вопросам, а Ермолов выступал против. Ссылаясь на секретное донесение Г. Виллока—Каннингу от 5 февраля 1825 г., Бина указывает, что прибывший в 1824 г. в Иран «Мазарович добивался урегулирования пограничных споров, но как только об этом узнал Ермолов, он обвинил Мазаровича в превышении полномочий и даже указал ему, что любое подписанное им соглашение о границах не будет одобрено правительством (?). После этого.—утверждает Бина,— Аббас-мирза срочно отправил в Тифлис того же Фатх-Али-хана»³²³. В этом тенденциозном донесении Виллока и в заявлении проф. Бина имеется противоречие. Если Аббас-мирза был заинтересован в урегулировании пограничных споров, а Ермолов выступал против такого соглашения, то наследному принцу следовало отправить

³²¹ «Записки А. П. Ермолова», стр. 180.

³²² См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۸۷.

³²³ Там же, стр. 186.

своего посла не к Ермолову, который, по словам Виллока и Бина, был против урегулирования вопроса о границах, а в Петербург, по праву, предусмотренному Сепаратным актом Гюлистанского договора.

Другим подтверждением несостоятельности версии Виллока и Бина является факт подписания договора в Тифлисе и денонсирование этого договора Аббас-мирзой в Тавризе. Вопрос этот связан с приездом в Тифлис в начале 1825 г. Фатх-Али-хана, которого на этот раз сопровождал Мелик-Шахназарян. Надо полагать, что в Иране было известно о предстоявшем приезде в Тифлис французской миссии и потому вместе с иранским послом был отправлен в Грузию Мелик-Шахназарян, который, по поручению Аббас-мирзы, должен был наблюдать и за поведением Тавризского беглярбека.

Переговоры с Фатх-Али-ханом А. П. Ермолов поручил вести своему начальнику штаба А. А. Вельяминову. Это больше соответствовало субординации рангов. К тому же Ермолов считал неудобным, чтобы вносились изменения в проект договора после того, как он его подпишет. 28 марта 1825 г. был заключен так называемый Тифлисский договор «об установлении пограничной согласованной линии между Россией и Персией»³²⁴. За основу этого соглашения были взяты предложения А. П. Ермолова, закрепившие за Россией часть северного побережья Севана, а за Ираном—район Кафана.

Проф. Бина называет этот договор «политической игрой»³²⁵ и объясняет это тем, что районы Севана и Кафана будто всегда принадлежали Ирану, а русские «взамен одной иранской территории согласились уступить другую иранскую территорию»³²⁶(?). Эта ложная версия пытается узаконить насильственные захваты иранских завоевателей и обнаруживает поразительное незнание истории и географии тегеранским профессором.

А. П. Ермолов писал царю, что он решился на значительную уступку, чтобы удержать за собой некоторые не весьма важные, но по своему положению необходи-

³²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 90 (Записки о войне), л. 6, а также «Кавказский сборник», т. XXII, стр. 53—56.

³²⁵ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۸۷.

³²⁶ Там же.

мые пункты³²⁷. Таким образом, речь шла о намерении удержать за Россией северное побережье Севана, т. е. части территории Армении за счет уступки Ирану другой части Армении.

Такое решение о Кафане, армянское население которого связало свои судьбы с Россией, было несомненной ошибкой Ермолова.

По случаю завершения переговоров Ермолов заявил Фатх-Али-хану, что русские предъявили умеренные требования сравнительно с уступками, которые были сделаны Ирану для сохранения дружбы; что он не настаивает, чтобы посол приложил к договору печать, так как хочет освободить его от ответственности, если Аббас-мирза не ратифицирует этот договор. Ермолов согласился также встретиться с наследным принцем на границе и по его просьбе жаловаться шаху на ереванского сардара³²⁸ «с тем, чтобы все средства использовать в пользу окончания дела о границах»³²⁹.

Когда в начале мая 1825 г. Фатх-Али-хан вместе с французами вернулся в Тавриз, Аббас-мирза принял его «весьма неблагосклонно»³³⁰: угрожал наказать и отказался ратифицировать договор. Об этом своим решением он написал шаху³³¹, а на поздравительное письмо Ермолова отвечать не захотел. Письмо в Тифлис он поручил написать своему каймакаму и только после вмешательства Мазаровича, указавшего на бестактность подобного поступка, ответил Ермолову сам.

Извращая смысл отдельных статей Гюлистанского договора, Аббас-мирза настаивал в письме, чтобы новая граница проходила по реке Гамза-Чиман, озеру Севан, а затем через Кафан, Муганскую степь и Талыш, которые должны были остаться в пределах Ирана. Сославшись на фирман шаха, Аббас-мирза написал еще, что это решение окончательное и что с такими же предложениями

³²⁷ См. «Записки А. П. Ермолова», стр. 178.

³²⁸ Аббас-мирза уполномочил Фатх-Али-хана подписать договор с русскими при условии, если Ермолов будет жаловаться шаху на враждебные действия эриванского сардара Хусейн-Кули-хана и предложит шаху все пограничные области подчинить одному Аббас-мирзе (Записки А. П. Ермолова, стр. 164).

³²⁹ Там же.

³³⁰ АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 318—320.

³³¹ См. ЦГАВМФ. ф. 19 (Персидский отдел), д. 4, лл. 102—106.

будет отправлен в Петербург его доверенный чиновник³³². Тон письма, угрозы Аббас-мирзы обойти Ермолова и иметь дело непосредственно с Петербургом резко отличались от всего того, что говорил в Тифлисе Фатх-Алихан.

Как видно, Ермолов был плохо информирован Мазаровичем и потому, путаясь в догадках, уверял графа Нессельроде, что «прежде Аббас-мирза всегда прибегал к уверткам, чтобы скрыть свои намерения, а теперь стал решительным благодаря хитрому и фанатичному богослову Мирза-Мехти»³³³.

Этот субъективный взгляд был следствием подброшенной Ермолову фальшивки о так называемом «Тайном совете в Тавризе», о чем будет сказано ниже. Впрочем, случай этот не был исключением. Вместо объективной оценки фактов, имевшихся в распоряжении Ермолова, он считал, например, что смерть каймакама Мирза-Бозорга в 1822 г. или невнимание царя к Мазаровичу в Петербурге в 1824 г. могли послужить сигналом к ухудшению русско-иранских отношений³³⁴ (?).

Донесения А. П. Ермолова показывают, что он не знал и о начавшихся в марте 1824 г. в Бомбее переговорах правления Ост-Индской компании с Д. Макдональдом по иранскому вопросу. Ермолов докладывал царю, что Аббас-мирза окружил себя иностранцами. Речь могла идти об англичанах Г. Виллоке и Макниле, отозванных в Индию³³⁵, так как инструктор иранской армии И. Гарт покинул Иран по требованию иранских властей³³⁶, а врач английской миссии Кормик находился в опале по фирману наследного принца. Следовательно, Ермолов дезинформировал царя, потому что в то время иностранцы Аббас-мирзу не окружали. Однако впоследствии, когда Англия действительно оказывала на Аббас-мирзу сильнейшее давление, А. П. Ермолов 12 июля 1825 г. доносил царю, что «не столь явны советы иностранцев, окружающих Аббас-мирзу» (!).

---

³³² См. «Записки А. П. Ермолова», стр. 165—169.

³³³ Там же.

³³⁴ См. ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 89, лл. 36, 39, а также д. 90, л. 6.

³³⁵ См. *J. Alexander. Travels, from India*, p. 78—79.

³³⁶ См. *C. Keppel, Personal Narrative of a Journey from India*, vol. 2, pp. 161—286.

Ермолов не знал и того, что в планах Аббас-мирзы тифлисские переговоры были очередной авантюрой, рассчитанной на получение английской субсидии, хотя и прикрывались версией об ограничении власти эриванского сардара.

Как и прежде, Аббас-мирза не добивался соглашения с Россией. Дав указание Фатх-Али-хану заключить договор в Тифлисе, он не собирался ратифицировать это соглашение в Тавризе, чтобы обмануть Ермолова, которого ненавидел, а Ост-Индской компании—пригрозить «улучшением» отношений с Россией. Это означало также, что план расторжения обреченного Тифлисского договора был заблаговременно подготовлен. Что же касается Ермолова, то для него такое быстрое до подозрительности заключение договора было странной неожиданностью, так как перед этим он уполномочил М. Мазаровича возобновить переговоры о границах и пойти на незначительные уступки на спорных участках, чтобы добиться десятилетнего прелиминарного соглашения³³⁷.

И когда договор с Фатх-Али-ханом все же был подписан, Ермолов не мог не обратить внимания на необычную сговорчивость и уступчивость иранского посла и, чтобы избежать возможной каверзы, своему начальнику штаба приказал подписать договор, а Мазаровича отправить в Иран, чтобы ускорить ратификацию Тифлисского договора Аббас-мирзой или шахом и тем самым выяснить их намерения или поставить их перед совершившимся фактом. Уже отмечалось, что при таких обстоятельствах в мае 1825 г. Мазарович вместе с Фатх-Али-ханом, Мелик-Шахназаряном, а также французами Ришмонтом и Беланже прибыли в Тавриз.

На публичной аудиенции Аббас-мирза в присутствии влиятельных сановников повторил свои новые предложения о границах; предупредил Мазаровича не рассчитывать на встречу или уступчивость шаха, а затем в самых грубых и оскорбительных выражениях отозвался о Ермолове³³⁸. Аббас-мирза провоцировал Мазаровича на конфликт, чтобы не допустить его к шаху, который, вероятно, был не в курсе происков наследного принца.

³³⁷ См. ЦГАВМФ, ф. 19, д. 4, лл. 85—86.

³³⁸ См. «Записки А. П. Ермолова», стр. 168, 195, 196.

О других причинах этого конфликта Мазаревичу сообщил его секретный иранский агент, имя которого в архивных фондах Ермолова не упоминается. Этот агент донес, что во дворце Аббас-мирзы состоялся тайный совет³³⁹, на котором тон задавал богослов Мирза-Мехти. Призывая к священной войне против России, «он поклялся на коране, что с пятнадцатью тысячами мулл пойдет впереди войск, чтобы показать им путь к славе». Изгнанный в Иран бывший казикумыкский хан Сурхай обязался «поднять против русских Дагестан и разорить Грузию лезгинами», а военачальник эриванского сардара объявил, что войска Хусейн-Кули-хана за два месяца овладеют Тифлисом³⁴⁰. Чтобы оправдать свое отрицательное отношение к Тифлисскому договору, Аббас-мирзе надо было довести до сведения Ермолова решения тайного совета в Тавризе и сделать это так, чтобы эти решения не вызывали сомнений. Путь, избранный Аббас-мирзой, был тщательно законспирирован, и можно не сомневаться, что он сам подослал к Мазаревичу своего агента, который выставлял себя за агента русской миссии. Не исключено поэтому, что на деле этого тайного совета не было, а была только инсценировка или легенда наследного принца о тайном совете, переданная Мазаревичу через агента-двойника.

Не добившись ратификации договора в Тавризе, Мазаревич не посчитался с угрозами Аббас-мирзы и в конце мая выехал к шаху в Султанье³⁴¹. Это не входило в планы наследного принца и он тоже отправился в путь.

Шах вежливо обходился с русским поверенным, принял у него послание Ермолова, но о делах говорить не захотел. Не добившись ратификации договора, Мазаревич уже собирался к отъезду, когда его неожиданно задержали до новой аудиенции. В обстановке обострившихся русско-турецких отношений, вызванных греческой проблемой, шах и Аббас-мирза решили усилить подготовку к войне против России и пойти на решительное сближение с Англией. В связи с этим была произведе-

³³⁹ См. там же, стр. 165—166, 178, 183.

³⁴⁰ См. там же.

³⁴¹ См. *علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران*،

на очередная замена ведущих министров в иранском правительстве. Главного шахского евнуха Манучехр-хана вернули в гарем, а его должность премьер-министра предоставили генерал-адъютанту и зятю шаха Аллахярхану Асаф-эд-Довле. Тогда же Мирза-Аболь-Хасан-хан, подписавший в 1813 г. Гюлистанский договор, получил портфель министра иностранных дел³⁴². После его лондонского провала, это было и реабилитацией и наивысшим достижением его дипломатической карьеры. Оба они были англофилами и ежегодно получали персональную субсидию в английской миссии³⁴³. С приходом этих деятелей к власти правительство шаха демонстрировало свой проанглийский курс. Сравнительно объективный Абдул-Вахаб уже не устраивал шаха не только потому, что был пацифистом. Новый министр иностранных дел безоговорочно выполнял предписания наследного принца, чего не делал принципиальный и более осведомленный Абдул-Вахаб. Эти назначения, так же как и победа над турками в 1823 г. и смерть старшего сына шаха, претендовавшего на престол, еще больше укрепили положение Аббас-мирзы и как наследника престола³⁴⁴. Теперь он еще более настойчиво стал требовать, чтобы Россия вернула Ирану Северный Талыш, отвела свои войска из зоны Севана и отказалась от претензий на спорный участок в Мегри, занятый иранскими войсками³⁴⁵. При этом Аббас-мирза демонстративно обходил А. П. Ермолова и с территориальными претензиями непосредственно обращался в Петербург. Реакция Нессельроде была более чем странной. Без ведома и вопреки Ермолову он написал иранскому министру иностранных дел, что Россия благосклонно отнесется к предложениям Ирана о границах. Таким образом, в политике Ермолова и Нессельроде определились расхождения, о которых Ермолов узнал... от Аббас-мирзы.

Возмущенный этой перепиской, Ермолов написал

³⁴² ЦГВИА, ф. 446. д. 3, л. 16.

³⁴³ В начале 20-х годов Ост-Индская компания выражала недовольство пассивной деятельностью их агента Мирза-Аболь-Хасан-хана и угрожала ему прекратить выдачу субсидии. Об этом см. *C. Kerpel, Personal Narrative of journey from India to England by Persia*, vol. 2, London, 1834, pp. 126-127.

³⁴⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 89, л. 32.

³⁴⁵ См. *В. Потто*, указ. работа, т. 3, стр. 17.

графу Нессельроде, что «мысль об обращении в Петербург принадлежит знатному иранскому конюху Мухаммед-Али-хану, который доставил в Петербург лошадей в подарок императору, а вернувшись в Персию, убедил наследного принца, что достаточно отправить жалобу на Ермолова, чтобы требования его были удовлетворены»³⁴⁶. Письмо это еще более обострило отношения между Нессельроде и Ермоловым.

Тем временем иранские войска подтягивались к русской границе. В различных пограничных пунктах сосредоточивались иранские отряды, которых там не было прежде, участились грабежи, а в Северном Азербайджане и среди жарских лезгин активизировалась деятельность иранской агентуры и шиитского духовенства. Генерал Мадатов доносил, что «в Ардебиле и Зенджане распространяются слухи, будто лезгинские старшины обратились к иранскому шаху за помощью для борьбы с русскими, а в залог готовности исполнить это намерение прислали локоны волос своих жеп и рукава их платьев»³⁴⁷. Иранский военный историк Моктадер отмечает, что «на площадях и базарах перестали покупать русские товары»³⁴⁸, а «в мечетях городов велась злобная анти-русская пропаганда»³⁴⁹. В этой обстановке на второй аудиенции у шаха Мазаровичу было объявлено, что с ответным письмом и окончательными предложениями к Ермолову отправится доверенное лицо—прибывший в Султанье вместе с Аббас-мирзой его статс-секретарь Мирза-Мохаммед-Садек-Марвази.

Было решено, что Марвази поедет в Тифлис вместе с Мазаровичем. Иранские источники подтверждают, что они вместе выехали в Тегеран, а в конце июня 1825 г. из столицы отправились в Тавриз³⁵⁰. Проф. Бина отмечает, что в случае провала переговоров с Ермоловым иранскому послу было предписано выехать в Петербург для

³⁴⁶ Там же, стр. 184.

³⁴⁷ АКАК, т. VI, ч. II, № 586, стр. 324.

³⁴⁸ Об этом см. *Ch. Bélanger, Voyage aux Indes-Orientales*, t. 2, p. 422.

³⁴⁹ غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، ص ۲۹۵.

³⁵⁰ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،

ص ۱۸۸.

переговоров с Нессельроде³⁵¹. С помощью миссии Марвази шах стремился выиграть время, чтобы отвлечь Ермолова, а в это время закончить подготовку к войне и максимально активизировать Англию. Поэтому в то время, когда дипломаты находились в пути, шах отправил в Калькутту на переговоры с лордом Амхерстом английского офицера Эд. Виллока³⁵², который был родным братом отозванного английского поверенного, а в прошлом вербовал наемников среди дезертиров русской армии и в связи с этой деятельностью был разоблачен в меморандуме А. С. Грибоедова. Таким образом, Эд. Виллок, по проницанию судьбы, выполнял странную для англичанина миссию шахского посла. В Иране специально остановили на нем свой выбор, так как не рассчитывали на успех любого дипломата-иранца.

К приезду Эд. Виллока в Калькутту там уже находилось большинство сотрудников английского посольства в Иране, во главе с послом Д. Макдональдом, которому шах не выдавал агремана до получения денег у Ост-Индской компании, а не из-за интриг российского поверенного, на что указывал атташе английского посольства³⁵³. Однако Ост-Индская компания не торопилась с предоставлением субсидий. Как и прежде, Англия собиралась предоставить эту помощь накануне русско-турецкой войны. К тому же британская колониальная политика в Азии опустошила казну Ост-Индской компании, которая, по определению Джавахарлала Неру, «должна была нести расходы по ее собственному завоеванию, по экспансии Британской империи в Бирме и по ее обороне против самих индийцев. Кроме того, Индии приходилось оплачивать все возможные другие расходы, понесенные Англией, а именно: содержание английских дипломатических и консульских представительств в Китае и Персии»³⁵⁴.

К. Маркс указывал, что начавшаяся в январе 1824 г. грабительская война в Бирме обошлась британскому правительству в 13 млн. ф. ст.³⁵⁵ И пока эта война про-

³⁵¹ См. там же.

³⁵² См. *J. Alexander, Travels from India*, p. 79—81.

³⁵³ См. там же, стр. 72, 78—82.

³⁵⁴ *Джавахарлал Неру*, Открытие Индии, М., 1955, стр. 325.

³⁵⁵ См. *К. Маркс*, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 127.

должалась, Англия не могла рассчитывать на финансирование Ирана. Кроме того, Ост-Индская компания отпускала большие суммы на подавление восстания индийских вахабитов, провозгласивших священную войну против английских колонизаторов, а также на подавление выступлений индийских крестьян и мятежей в индийской армии, которая «содержалась за счет Индии и при мощи которой Англия держала Индию в рабстве»³⁵⁶.

Только в августе 1825 г. совет директоров Ост-Индской компании с санкции Д. Каннинга передал Ирану 200 вьюков английского оружия. Решение об этом было принято Англией одновременно с решением России прекратить переговоры с другими державами по Восточному вопросу. Новая политика Александра I привела к новым осложнениям в отношениях с Англией. Каннинг, например, объявил Александру I, что если Россия начнет против Турции войну, Англия оккупирует Грецию. Именно в это время Ост-Индская компания предоставила Ирану оружие и косвенно угрожала России. Этим и другим угроз было достаточно, чтобы Александр I снова усилил свои колебания, которые рассеялись незадолго до его смерти. Между тем, доставленного в Иран оружия было далеко не достаточно для ведения войны. Шах считал, что этого оружия недостаточно и для допуска в Иран английского посла. К тому же, вместо этого английского оружия, за которое надо было платить, шах предпочитал получить золото, в котором одинаково остро нуждались его армия, двор и гарем.

* * *

Мазарович и Марвази надолго задержались в Тавризе, куда прибыли в начале июля 1825 г.³⁵⁷. У них были разные цели: Мазарович спешил, а Марвази оттягивал время. Точнее, оттягивал время Аббас-мирза. Находясь под впечатлением доставленного в Иран английского оружия, он почти утратил интерес к миссии своего статс-секретаря и на три месяца отложил его поездку в

³⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Будущие результаты британского владычества в Индии, Соч., изд. II, т. 9, 1957, стр. 224.

³⁵⁷ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،

Тифлис, а сам все это время продолжал собирать войска в Эриванском и Нахичеванском ханствах, а также в Тавризе, Хое и Ардебиле³⁵⁸.

Не дождавшись задержанного в Тавризе Марвази, обманутый Мазарович только в середине сентября был вынужден отправиться в Грузию один. Извращая этот факт, проф. Бина пытается доказать, что обманул дескать не Марвази, а Мазарович, чтобы опередить его и сорвать переговоры в Тифлисе³⁵⁹.

Ермолов регулярно информировал Петербург о провокациях сардара на границе и подготовке Ирана к войне, которую считал неизбежной и близкой, и в связи с этим просил содержать войска Кавказского корпуса полностью укомплектованными и дополнительно выделить для резерва одну пехотную дивизию³⁶⁰. Однако в Петербурге не разделяли этих взглядов Ермолова. «Я не могу поверить, — писал Нессельроде, — чтобы персияне были так неблагоразумны, чтобы решились на войну, когда мы со всеми в мире»³⁶¹. «Нужно принять неперемным правилом охрану существующего с Персией мира»³⁶², — указывалось в переданном Ермолову рескрипте Александра I от 31 августа 1825 г. Анализируя эту политику российского императора, проф. М. Махмуд подчеркивал, что «после заключения Гюлистанского договора, Александр I не собирался воевать с Ираном и до конца своей жизни не обращал внимания на интриги и происки»³⁶³.

Аббас-мирза неоднократно пытался отбросить русские подразделения из той части побережья Севана, которую Ермолов удерживал по такому же «праву», по какому Аббас-мирза удерживал несомненно большую по

³⁵⁸ См. «Записки А. П. Ермолова». Приложения, стр. 195, 203.

³⁵⁹ См. علی اکبر بی‌نا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۸۸.

³⁶⁰ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429.

³⁶¹ В. Потто, указ. работа, т. III, стр. 18.

³⁶² «Записки А. П. Ермолова», Приложения, стр. 190—192; а также АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 321.

³⁶³ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۹۱.

площади территорию в Мегри, между реками Капан-чай и Капанак-чай.

В начале сентября 1825 г. на берегу Севана иранский отряд атаковал подразделения полковника Северсамидзе³⁶⁴. Одновременно эриванский сардар отбросил русские караулы с Гили и заселил племенами территорию, контролируемую русскими войсками. За этими провокациями наблюдал Аббас-мирза, который в это время объезжал границу, и оставил без ответа протест начальника штаба корпуса ген. Вельяминова³⁶⁵.

В иранской историографии эти конфликты на границе в сентябре 1825 г. освещены крайне тенденциозно. Бина, например, утверждает, будто «Ермолов, в соответствии с условиями Тифлисского договора, для занятия районов, прилегающих к оз. Севан, отправил один полк численностью в 1.800 человек с четырьмя орудиями»³⁶⁶. Бина извращает факты. Он не мог не знать, что русские войска заняли часть северного побережья Севана не в соответствии с условиями нератифицированного Ираном Тифлисского договора, а за несколько лет до этого, в связи с оккупацией иранскими войсками русской части области Мегри. Кроме того, упоминаемые иранским историком 1.800 солдат с четырьмя орудиями были отправлены для занятия прилегающих к озеру участков не Ермоловым, а иранским командованием!

Во второй половине 1825 г. англичане вели неослабное наблюдение за развитием этих конфликтов на границе, а результаты своих наблюдений передавали в Калькутту.

В донесении вернувшегося в Иран Г. Виллока (отправленном Каннингу 28 ноября 1825 г.) говорилось, что

³⁶⁴ Военный историк В. Потто в третьем томе «Кавказской войны» (стр. 19) ошибочно указывает, что это нападение произошло в начале ноября 1825 г. Потто, по-видимому, исходил из того, что донесение об этом Ермолов отправил Нессельроде 13 ноября. Однако в этом донесении описывались события с 28.VIII по 13.XI. По поводу этого нарушения границы ген. Вильяминов уже 25.IX. 1825 г. направил протест Аббас-мирзе.

³⁶⁵ См. АКАК, т. VI, ч. II, № 581, стр. 322 (Вильяминов—Аббас-мирзе, 25 сентября 1825 г.).

³⁶⁶ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،

по словам брата эриванского сардара Хасан-хана-Сарп-Аслана «русские заняли Гокчу (Севан) для того, чтобы угрожать безопасности Эривани³⁶⁷, несмотря на то, что в действительности речь могла идти только о безопасности иранского гарнизона, который угрожал населению Эривани.

В октябре 1825 г. Мазарович приехал в г. Екатериноград, где в то время находился А. П. Ермолов и доложил ему о результатах своей миссии. Дальнейшее использование Мазаровича на должности поверенного в делах не представлялось целесообразным. Поэтому он был оставлен в Тифлисе, а его обязанности в Тавризе выполнял Амбургер.

Секретарь наследного принца Марвази приехал в Тифлис только 23 ноября 1825 г. Перед этим Ермолов предупредил Нессельроде, что после приезда иранского посла он не позволит ему ехать в Петербург. Ермолов не скрывал, что собирается исправить положение, возникшее после того, как Нессельроде написал Аббас-мирзе, что «иранские предложения о границах будут благосклонно приняты»³⁶⁸.

В Тифлисе иранский посол не застал Ермолова, который еще 24 июля выехал на линию и находился там в течение одиннадцати месяцев (!). Из Екатеринограда он написал Мирза-Садеку, что приехать не может, а переговоры поручает вести ген. Вельяминову. Но Марвази ни с кем, кроме Ермолова, не хотел иметь дела; просил отправить его на линию; заявил, что настаивает на этом по воле шаха, от которого имеет для Ермолова письмо и угрожал уехать в Петербург для переговоров с Нессельроде. Свои требования он в грубых выражениях изложил в памятной записке, которую Вельяминов не принял. Затем Марвази снял копию с письма шаха, которое ничего, кроме обычных приветствий, не содержало, и отослал Ермолову вместе с повторной просьбой о встрече. Аббас-мирза знал, что Ермолов находится на линии и через Марвази рассчитывал собрать сведения о разбросанных по Кавказу русских войсках, а Ермолов, в свою очередь, не сомневался, что иранец собирается заниматься «раз-

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ «Записки А. П. Ермолова», стр. 203.

ведкой и пустословием»³⁶⁹, и снова отказал в его просьбе. После этого посол запросил у Аббас-мирзы новые инструкции и долго ожидал ответа, так как принц не собирался отвечать, пока в Калькутте велись переговоры. Решающее влияние на исход переговоров в Индии оказал турецкий вопрос. Концентрация русской армии в районе р. Прут, так же как и угрозы царя «свести счеты с Турцией» завершили переговоры в Калькутте, после чего Эд. Виллок, уполномоченный шахом на ведение переговоров с Ост-Индской компанией, в январе 1826 г. вернулся в Иран с субсидией в 728 тыс. рублей³⁷⁰.

В фондах ЦГИА в Ленинграде хранится дело «О захваченном в плен Огурлу-хане». Этот елизаветпольский хан, взятый в плен 15 сентября 1826 г., на допросе показал, что «Ост-Индская компания, платившая персидскому двору 800 тыс. рублей серебром в год, требовала от персиян непременною войну с Россией»³⁷¹. Несмотря на резолюцию: «Не верить агенту, держать под стражей»³⁷², показания Огурлу-хана заслуживали внимания, так как в декабре 1825 г. Ост-Индская компания представила Ирану 728 тыс. рублей, перед самой войной еще 800 тысяч³⁷³ и Огурлу-хан мог считать, что такая же сумма отпускалась ежегодно.

Вслед за Эд. Виллоком в Иран прибыли британский офицер Шил из Петербурга и секретарь английского посольства Макниль из Калькутты.

Шил выехал из русской столицы на другой день после 14 декабря 1825 г. Поэтому ему было известно о смерти Александра I и восстании декабристов.

Отречение Константина от престола, стремление декабристов помешать совершению присяги в полках, наконец, выступление декабристов на Сенатской площади— все это создало у находившихся в Петербурге иностранцев впечатление о борьбе за престол. Не случайно поэтому Шил, по прибытии в Тавриз, уверял Аббас-мирзу, что

³⁶⁹ АКАК, т. VI, ч. 2, № 623, стр. 345.

³⁷⁰ См. *J. Alexander, Travels from India*, p. 78—79.

³⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 109, от 29 сентября 1826, л. 1.

³⁷² Там же, л. 2.

³⁷³ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 295, л. 2.

в России идет ожесточенная борьба за власть между братьями Александра I³⁷⁴ и что Петербургский двор намерен обратиться за помощью... к Ирану(?). В связи с этим Шил предлагал Аббас-мирзе немедленно напасть на Грузию, где, по его словам, было мало русских войск и в чем он убедился, проезжая по Кавказу³⁷⁵.

Такой же тактики придерживался и секретарь английского посольства. Мазарович доносил Ермолову, что Макниль предлагал Аббас-мирзе отбросить русских далеко на север и установить с Россией такую новую границу, которая препятствовала бы русскому вторжению³⁷⁶.

Таким образом, предоставив Ирану оружие и деньги, англичане подстрекали Аббас-мирзу на новую войну против России.

Выступление декабристов в Петербурге, борьба горцев на Кавказе, а также обострение международных отношений России с европейскими державами и Османской империей создавали у шаха уверенность, что новый император согласится на территориальные уступки, чтобы сохранить с Ираном мир.

В начале января 1826 г. Николай I предписал Ермолову «удерживать заключенный с Персией мир на основании Гюлистанского договора, доколе сия держава сама не нарушит оного»³⁷⁷.

В то время международное положение царской России, стоявшей на грани войны с Турцией, Англией и Францией, было неизмеримо хуже, чем спустя три месяца, когда был подписан Греческий протокол. Мир с Ираном был нужен России для того, чтобы избежать войны на двух и более фронтах одновременно. В этих условиях можно было ожидать, что император предложит новую развернутую программу отношений с Ираном. Но Николай I — эта «самодовольная, — по меткой характеристике Энгельса, — посредственность, с кругозором ротного командира, человек, принимавший жестокость за энергию и капризное упрямство за силу воли, выше всего це-

³⁷⁴ См. «Кавказский сборник», т. XXI, стр. 112.

³⁷⁵ См. Д. Давыдов, Воспоминания о 1826 г. Соч., т. 2, стр. 190—192.

³⁷⁶ См. «Кавказский сборник», т. XXI, стр. 39.

³⁷⁷ «Записки Ермолова», Приложения, стр. 201—202.

нивший внешнею видимость власти и готовый ради этой видимости пойти на все»³⁷⁸, для удержания мира согласился уступить в Талышском ханстве узкую полосу земли, площадью в 20 кв. км к югу от реки Бусей.

Таким образом, кроме декларации о необходимости сохранить с Ираном мир, Ермолов не получил из Петербурга каких-либо конструктивных указаний для изменения проводимой им политики, так как предложенная Николаем уступка небольшого участка в Талыше не решала проблемы. Поэтому Ермолов информировал Нессельроде, что как и прежде «будет удерживать в районе оз. Гокча участок от р. Большой Садага-хач (Сатиндил) до урочища Барат-Гедик на правах статус-кво»³⁷⁹. Ермолов считал также, что мир можно сохранить проявлением твердости, а не чрезмерными снисхождениями, которые вызовут новые претензии персов и чтобы избежать войны, предлагал показать готовность к войне³⁸⁰.

Не считаясь с растущим недовольством царя, Ермолов свои действия считал правильными и, когда возник вопрос о замене Мазаровича другим дипломатом, просил Нессельроде, чтобы назначенный к иранскому двору чиновник не находился от него ни в какой зависимости. «Таким образом,—писал Ермолов,—действия персиян будут непосредственно известны министру, а моим действиям не будут приписаны произвольные толкования»³⁸¹.

В то время, когда Англия предоставила шаху оружие и деньги, а в Иране велись последние приготовления к войне, Ермолов знал и предупреждал Петербург об этих приготовлениях; безуспешно настаивал на необходимости усиления корпуса войсками, и не смог подготовить к длительной обороне Шушу и другие крепости в Восточной Армении, в чем впоследствии обвинял его Паскевич, чтобы занять место главнокомандующего.

Временами Ермолов впадал в сомнения и, в унисон настроениям Нессельроде, без всякого основания, пытался объяснить политику Аббас-мирзы его «уверенностью» в том, что «каковым бы ни было поведение Ирана, Рос-

---

378 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 24.

379 «Записки А. П. Ермолова», Приложения, стр. 199.

380 См. там же, стр. 189 и 199.

381 АКАК, т. VI, ч. 2, № 615, стр. 341.

сию до войны не допустят другие державы»³⁸². Факты показывают, что Аббас-мирза никогда не имел такой уверенности и готовился к войне самым энергичным образом.

Заслуживает осуждения и одиннадцатимесячное пребывание Ермолова в Дагестане и Чечне, где он с жестокостью колонизатора руководил карательными экспедициями.

Независимо от этого, А. П. Ермолов привлекал симпатии многих своих современников широтой своих взглядов, наблюдательным умом и приверженностью к славным военным традициям Суворова и Кутузова³⁸³.

Служебное положение А. П. Ермолова все более осложнялось. Особенно плохим оно стало после того, как царь заподозрил его в связях с декабристами и отправил в Тегеран Меншикова, который должен был известить о вступлении на престол нового императора и урегулировать пограничные споры.

В то время, когда Меншиков должен был отстранить Ермолова от дипломатической деятельности, а другой царский ставленник—генерал Паскевич готовился отнять у Ермолова военную власть, секретарь наследного принца Марвази упорно дождался аудиенции в Тифлисе.

Иранский историк Бина, ссылаясь на памятную записку ген. Вильяминаова Мирза-Садеку от 22 января 1826 г., отмечает, что после продолжительного пребывания в Тифлисе иранскому послу было указано, что «без санкции императора командующий войсками не может вернуть Ирану занятые территории»³⁸⁴. Это означало, что Ермолов не хотел вступать в переговоры с Мирза-Садиком в Тифлисе, потому что Меншиков должен был отправиться к шаху, чтобы сообщить ему о согласии царя уступить Ирану часть территории в Талыше.

Содержание этой памятной записки Вильяминаова через три недели стало известно находившимся в Иране английским дипломатам. В условиях тогдашних транс-

³⁸² «Записки А. П. Ермолова», Приложения, стр. 179.

³⁸³ Подробно об этом см. М. В. Нечкина, А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1951, стр. 198.

³⁸⁴ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۸۹.

портных средств и бездорожья сравнительно быстрая передача этой информации говорила о заинтересованности англичан деятельностью Марвази в Тифлисе, а также об их сотрудничестве с Аббас-мирзой.

Ссылаясь на архивы министерства иностранных дел Англии, проф. Бина указывает, что «17 февраля 1826 г. Виллок сообщил Каннингу, что смерть Александра I послужила причиной прекращения русско-иранских переговоров»³⁸⁵. Это донесение Виллока преследовало определенную цель. Прежде всего, нельзя было говорить о прекращении тифлиских переговоров, так как переговоры по существу не начинались. С 23 ноября, еще при жизни Александра I, велась только дискуссия об условиях для ведения переговоров, а с 22 января 1826 г., в связи с памятной запиской ген. Вильямина, переговоры о границах так и не начались. Связывая «прекращение» переговоров со смертью Александра I, Виллок, по-видимому, хотел убедить Каннинга в существовании нового, более решительного, чем это было при Александре I, политического курса Николая в Восточном вопросе, чтобы активизировать Лондонский двор для разжигания русско-иранской войны и оправдать английскую финансовую помощь, переданную Ирану в нарушение Тегеранского договора.

Мирза-Садек не зря четыре месяца отсиживался в Тифлисе. Вряд ли он дожидался возвращения Ермолова или рассчитывал на успех своей миссии. Скорее всего он терпеливо ждал успешного завершения переговоров в Калькутте и вернулся в Иран только после того, как Англия предоставила шаху субсидию.

Военная и финансовая помощь Англии устранила препятствия для нападения иранских реваншистов на Россию. Поэтому с начала 1826 г. Аббас-мирза вместе с министрами шаха и английскими офицерами приступили к разработке военно-стратегического плана войны.

В фондах Центрального Государственного архива Военно-морского флота в Ленинграде хранится составленная в конце 1825 г. записка Мазаровича под названием «Plan de Campagne des Persans»³⁸⁶, в которой автор

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ См. ЦГА ВМФ, ф. 19, д. 25, лл. 12, 12 об.

анализирует комбинированное наступление иранской армии в начале второй русско-иранской войны и приходит к выводу, что стратегический план ведения войны на территории Восточной Армении, Грузии и Северного Азербайджана был заблаговременно разработан в деталях.

Основные положения этого плана были рассчитаны на внезапность вторжения. Иранскому командованию предлагалось избегать решающего сражения, если не будет полной уверенности в успехе; использовать численное превосходство своих войск; поддерживать антирусские восстания в мусульманских ханствах; обеспечить изгнанных из России ханов войсками и вооружением; принуждать солдат Кавказского корпуса к дезертирству; обещать армянским и грузинским феодалам и купцам неприкосновенность их собственности, а в случае неизбежности поражения иранской армии — придать Закавказью огню и опустошению³⁸⁷.

Между тем, накануне и в начале 1826 г. Каджары не начали войну. Недостаточно подготовленные в военном отношении, они предпочли дожидаться русско-турецкой войны, чтобы иметь союзника и обеспечить свой левый фланг.

Такая позиция шаха шла в разрез с планами Англии и Турции, которые с помощью русско-иранской войны рассчитывали оградить Османскую империю от нападения России. Шах уже надеялся «преодолеть» эти противоречия с помощью очередной английской субсидии, когда появилось новое препятствие — английский посол Макдональд, который неудержимо рвался в Иран, после предоставления шаху субсидии перепоручил свои обязанности Г. Виллоку, а сам до апреля остался в Калькутте. Английский историк Д. Александер пытался объяснить эту задержку тем, что шах не допустил к себе Макдональда, дескать, потому, что он представлял не корону, а купеческую корпорацию³⁸⁸. Несостоятельность этой аргументации подтверждается политикой шаха, который добивался помощи именно у этой Ост-Индской «корпора-

---

³⁸⁷ См. там же.

³⁸⁸ См. *Alexander, Travels from India*, p. 72.

ции». Исследователи не обратили внимания, что перемена на русском троне, вызванная смертью Александра I, на некоторое время затормозила осуществление дипломатических акций британского МИД до выяснения внешней политики нового российского императора. По этой причине Ост-Индская компания временно задержала Д. Макдональда в Калькутте. И когда Николай-палкин дал о себе знать раньше, чем этого ожидали в Европе, английские дипломаты, по версии проф. Бина,—изменили политику Аббас-мирзы³⁸⁹. «Эта изменившаяся политика,—уточняет проф. М. Махмуд,—привела к войне³⁹⁰, а в общем—оба они разделяют мнение тавризского проф. Таджбахша о том, что «Иран был зачинщиком войны»³⁹¹, хотя и без всякого основания создают впечатление о некоем миролюбии шаха и Аббас-мирзы до 1826 г.

---

³⁸⁹ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۸۹—۱۹۱.

³⁹⁰ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۹۶.

³⁹¹ احمد تاج بخش، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، ص ۱۷۴.

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ (1826—1828)

1

Едва вступив на престол, Николай I объявил, что в «Восточном вопросе» будет продолжать, но не повторять с самого начала политику своего предшественника¹. Подобно Александру I, он заявил также, что, не спрашивая Европу, начнет против султана войну и покончит с Оттоманской империей, если Порта не уступит его требованиям².

Расправа над декабристами закрепила за Николаем репутацию «железного царя», поэтому, опасаясь быстрых и решительных действий петербургского двора, Каннинг спешил опередить Николая I. Чтобы не допустить сепаратного выступления России на Балканах и в Турции, в Петербург был отправлен герой Ватерлоо герцог Веллингтон³, который вместе с царем 4 апреля подписал так называемый Петербургский протокол по греческому во-

¹ См. «История XIX века», под ред. проф. Лависса и Рамбо, М., 1938, стр. 193—194.

² См. А. Дебидур, *Дипломатическая история Европы*, т. I, М., 1947, стр. 254.

³ В прошлом Веллингтон был губернатором индийского княжества Майсор, государственным секретарем по делам Ирландии, британским послом в Париже и главнокомандующим союзными войсками против Наполеона. В 1828 г. Веллингтон — премьер-министр Англии.

просу. Когда эти переговоры были в разгаре, Николай I тайно от Веллингтона отправил султану ультиматум (от 17 марта 1826 г.), в котором угрожал оккупацией придунайских княжеств, требовал выполнения Бухарестского договора¹ и предлагал отправить на русскую границу своих представителей для переговоров.

Незадолго до нападения Ирана на Россию султан принял основные пункты этого царского ультиматума и отправил в Аккерман уполномоченных. Махмуд II рассчитывал выиграть время для того, чтобы расправиться с греческим восстанием и завершить начатые военные реформы.

На наш взгляд, иранское вторжение в Закавказье и начало переговоров в Аккермане произошли в одно и то же время благодаря преднамеренной деятельности английских и турецких дипломатов.

Англия и Турция были заинтересованы в том, чтобы шах вступил в войну против России уверенным, что султан будет его военным союзником. В Лондоне и Константинополе вправе были ожидать, что отсутствие такой уверенности могло поколебать решительность Каджаров. Поэтому, наряду с военной дезинформацией турок, английские дипломаты всячески укрывали от шаха и его наследника все то, что касалось неподготовленности султана к войне, русского ультиматума султану от 17 марта 1826 г., Петербургского протокола от 4 апреля и, наконец, переговоров в Аккермане, которые, отнюдь не свидетельствовали о могуществе султана и создаваемой им армии.

Англия и Турция толкнули Иран на войну в крайне неблагоприятной для шаха военной и политической обстановке, когда Россия, по словам Нессельроде, «была со всеми в мире», а Турция не могла начать против России войну.

По мнению проф. А. Л. Нарочницкого. «Англия подстрекала Иран к войне, но не оказала ему реальной поддержки, так как действительная цель британского правительства заключалась лишь в том, чтобы ослабить

---

¹ Требования касались главным образом реставрации автономных институтов в придунайских княжествах и возвращения Сербии политических привилегий.

Иран, испортив его отношения с Россией»⁵. Это, конечно, одна из причин войны. Англия была заинтересована в русско-иранской войне и в оттяжке переговоров в Аккермане еще и потому, что стремилась предоставить султану время для создания и обучения новой армии, а также для того, чтобы отвлечь Петербургский двор переговорами с султаном и иранской войной, чтобы воспользоваться этим и навязать свою политику Греции и Турции. Наконец, русско-иранская война нужна была Каннингу, чтобы ослабить требования России на переговорах в Аккермане. Не случайно поэтому находившийся в сентябре 1826 г. в Петербурге А. Веллингтон писал английскому послу в Иране Макдональду, что «нападение персов, по-видимому, сделает Россию более умеренной в Аккермане»⁶. Кроме того, Англия ориентировала турецких дипломатов на саботаж переговоров с русскими. Этим можно объяснить господствовавшие в Аккермане «халатность и медлительность», на которые в свое время указывал начальник Главного штаба ген. Дибич⁷. В первые месяцы второй русско-иранской войны, в обстановке временных успехов армии Аббас-мирзы, вызванных внезапностью их нападения, османское правительство не проявляло поспешности и, придерживаясь выжидательной тактики, встало на путь саботажа аккерманских переговоров. Однако в сентябре 1826 г., когда русские войска перешли в контрнаступление и нанесли иранской армии ряд сокрушительных ударов, эти переговоры тронулись с места и завершились после того, как воодушевленные успехами русских войск уполномоченные Николая объявили туркам, что ни в чем не уступят; что требования России надо принять полностью до 7 октября, иначе переговоры будут прерваны.

В безнадежном положении Махмуд II, по меткому замечанию французского историка Дебидура, не мог не учитывать те выгоды, которые могла предоставить Тур-

⁵ «История дипломатии», т. I, стр. 612—613.

⁶ W. Kaye, *The Life and correspondence of J. Malcolm*, vol. II, London, p. 450.

⁷ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2591, л. 210 (Турецкая делегация была против закрепления за Россией Сухума, Редут-Кале и др. городов на Черноморском побережье и возражала против торговых привилегий России).

ции русско-иранская война и поэтому давал советы те-геранскому двору и делал все, чтобы сделать эту войну неизбежной⁸. Изучение этого вопроса показало, что султан предпринял отчаянную попытку спасти положение с помощью политической диверсии. В распоряжении русского командования имелись доказательства того, что на русской границе, вблизи от Ахалциха, турки в большой спешке собирали остатки войск, мобилизовывали в армию новые контингенты и через своих агентов распространяли слухи о том, что на границе они сосредоточили десятитысячный корпус, готовый начать войну против России⁹. Каджары восторженно реагировали на эту дезинформацию Порты, и можно не сомневаться, что принятое Ираном решение о войне в определенной мере было основано на этом обмане турецкого султана. Таким образом, в середине июля 1826 г. Махмуд II сумел убедить Фатх-Али-шаха в том, что собирается воевать против России, а в это время в Аккермане, по признанию турецкого министра иностранных дел, «Россия не совещалась, а просто предписывала условия»¹⁰, как слабой стороне, неспособной к сопротивлению.

Турция без всякого энтузиазма согласилась участвовать на переговорах в Аккермане, так как по существу это было началом капитуляции султана без войны, а в Иране об этих переговорах стало известно после того, как началась русско-иранская война. Заключение Аккерманской конвенции было крупным успехом русской дипломатии не только потому, что на продолжительное время она выключила из планов Ирана перспективу использования турецкой армии в войне против России. Ослабив господство Турции на Балканах, эта конвенция восстановила преобладающее влияние России в дунайских княжествах, расширила и закрепила за ней права, приобретенные по Бухарестскому договору¹¹.

---

⁸ См. А. Дебидур, указ. работа, стр. 259.

⁹ См. А. Ф. Фадеев, Россия и восточный кризис, стр. 147.

¹⁰ «Дипломатический словарь», т. I, стр. 32.

¹¹ Аккерманская конвенция состояла из 8 статей и двух отдельных актов. Конвенция закрепляла за Россией города Сухуми, Анаклия и Редут-Кале. Султан принял пограничную черту на Дунае. Россия получила право пользоваться проливами в целях торговли и право свободной торговли во всех областях Турецкой империи. Конвен-

О существовании связи между нападением Ирана на Россию и переговорами в Аккермане в свое время указывал и Носков, сопровождавший Меншикова в поездке к шаху. По его мнению «Иран рассчитывал на срыв переговоров в Аккермане и выступление Турции, а Англия—на продолжение переговоров и выступление Ирана»¹². Все это проливает свет на цели британской внешней политики и свидетельствует о координации дипломатической деятельности Англии в странах Ближнего и Среднего Востока. Разжигая вместе с султаном русско-иранскую войну, Англия пыталась затормозить дипломатическое наступление России на Востоке, отвлечь ее от греческой, кавказской, турецкой и среднеазиатской проблем, чтобы обеспечить в этих районах свое экономическое и политическое преобладание, а Каджары не разобрались в этих ложных маневрах английских и турецких дипломатов и явно поспешили с войной, которая закончилась для них катастрофой.

2

Для обеспечения обороны южных границ Российской империи накануне войны против Турции правительство Николая I стремилось сохранить с Ираном мир. С этой целью 8 января 1826 г. царь предписал князю А. С. Меншикову отправиться в Иран на переговоры с шахом. Официально посол царя должен был объявить о вступлении на престол нового императора. Причина не очень веская, потому что шах уже поздравил Николая с воцарением, а посол явно опоздал с уведомлением. Миссия Меншикова была не из легких. Ему надо было выявить тайные общества на Кавказе и в войсках корпуса¹³, а в Иране заключить соглашение о ликвидации пограничных конфликтов. Однако добиться этого было почти невозможно. Меншиков не был наделен широкими полномочиями и мог пойти только на незначительные территориальные уступки, которые не устраивали Каджаров. Шах, как и

дня восстанавливала и расширяла условия Бухарестского мирного договора.

¹² ЦГВИА, ф. ВУА; Коллекция 444, д. 3, л. 4 об.

¹³ См. ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 458, л. 1.

прежде, добивался возвращения Ирану отошедших к России ханств, а Аббас-мирза и эриванский сардар создавали на границе конфликты, чтобы иметь повод к войне: накануне переговоров Хусейн-Кули-хан подтягивал войска к расположенному в районе Абарана разрушенному селению Мирак с тем, чтобы отбросить оттуда русские пограничные посты, а наследный принц заставил бежать из Ленкорани талышского хана Мир-Хасана.

В этих условиях одними заверениями в миролюбии России Меншикову трудно было рассчитывать на успех, тем более, что за неделю до того, как он переправился через Аракс, новый английский посол Макдональд, командированный Ост-Индской компанией, высадился в Бушире, чтобы ликвидировать мирную инициативу России. Английский поверенный в делах Генри Виллок тоже пытался сорвать миссию русского посла. В донесении британскому министру иностранных дел Джорджу Каннингу от 20 марта Г. Виллок сообщал, что «по настоянию Аббас-мирзы (читай Г. Виллока.—Б. Б.) русскому представителю не разрешат приехать в Тегеран до тех пор, пока русские не эвакуируют район Гокчи»¹⁴. К переправлявшемуся через Аракс Меншикову Аббас-мирза отправил инженера Мирза-Джафара вместе с Амбургером, исполнявшим тогда обязанности поверенного в делах, чтобы опротестовать действия русских, которые, по словам наследного принца, с одной стороны посылают посольство и подарки, а с другой—войска. По указанию Меншикова две русские роты были отозваны из Мирака¹⁵, а Аббас-мирза согласился, чтобы с отходом русских подразделений эриванский сардар Хусейн-Кули-хан тоже отвел свой отряд, что, впрочем, осталось невыполненным.

В Тавризе за Меншиковым была установлена слежка, связь с Россией была прервана, письма русских перехватывались. В пересылаемых через агентов донесениях Меншикова указывалось, что Аббас-мирза за 5 тысяч туманов нанял террориста, который согласился убить Ер-

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، جلد ۱۱
اول، تهران، ۱۳۳۳، ص ۱۹۶.

¹⁵ См. ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4294 (Журнал военных действий персидской войны в 1826—1827 гг.), л. 3.

молова и уже отправился в Дагестан. Отмечалось также, что в Иране повсюду собираются войска, изгнанные из России ханы назначаются предводителями отрядов и неведомо откуда доставляются в Тавриз сотни женских покрывал, символизовавших упрек в слабости их правителей¹⁶. В Азербайджане и в других провинциях активизировалась деятельность мусульманского духовенства. «Все богословы Ирана,—говорилось в обращении шаха к тавризскому муджтехиду Мирза-Ахмеду,—объединенными силами прилагают свои старания, а победоносные войска шаха, находящиеся сейчас в походе, в скором времени будут украшать собой страны Российские»¹⁷.

Для усиления проповедей «священной войны» в Тегеран прибыли видные мусульманские богословы Мир-Сид-Мохаммед и Сеид-Хашем, к проповедям которых были причастны английские дипломаты¹⁸.

Как и следовало ожидать, Аббас-мирза обращался с Меншиковым подчеркнуто холодно: не хотел вести с ним переговоров о границах; говорил, что от него ничего не зависит, что он всего лишь исполнитель воли шаха, а сам в это время рассылал войскам секретный фирман готовиться к походу¹⁹ и собирал подписи мулл под обращением, призывающим шаха начать против России «священную войну»²⁰.

Убедившись в бесполезности пребывания в Тавризе, Меншиков отправился к шаху и был немало удивлен, когда Аббас-мирза обогнал его в дороге. Отправленный вслед за ним переводчик Шамир установил, что наследный принц был срочно вызван в Султанье на созываемый шахом тайный совет²¹. Впоследствии выяснилось, что на этот совет был приглашен и британский поверенный Г. Виллок, который заблаговременно отправился в Тегеран и сопровождал шаха в его поездке. Чтобы заставить Каджаров решиться на войну, накануне заседания тайного совета Ост-Индская компания угрожала

¹⁶ См. АКАК, т. VII, № 632, стр. 348.

¹⁷ Там же, № 631.

¹⁸ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۹۲.

¹⁹ См. АКАК, т. VII, № 637, стр. 350.

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 465, л. 2 об.

²¹ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 109, л. 1, 2.

Ирану прекратить выдачу новых и потребовать возврата уплаченных сумм, а зависимый от Англии флот имама Маската в июне 1826 г. угрожал в Персидском заливе порту Буширу²². Англия неоднократно прибегала к угрозам в Персидском заливе, когда хотела оказать давление на правительство шаха. Не менее важно отметить, что английские дипломаты внушали Каджарам, будто «миссия Меншикова доказывает слабость России и недоверие Николая к Ермолову»²³, а Г. Виллок и английский офицер Шил говорили шаху, что восстание декабристов, дескать, «сильно потрясло могущество России»²⁴.

За два дня до первой аудиенции Меншиков вел переговоры с иранскими министрами о церемониале предстоящего приема. Сопровождавший посла полковник Ф. Бартоломей рассказывает, что накануне войны шах не хотел принять русскую миссию с почестями, хотя и собирался соблюсти нормы дипломатического этикета, чтобы не открыть русским своих планов и не лишиться хрустальной кровати и других подарков, посланных ему Николаем²⁵. Меншиков все же договорился, чтобы на аудиенции шах собственноручно принял грамоту царя. Однако на приеме 22 июня, когда Меншиков хотел передать эту грамоту, шах сидел сложа руки и грамоту не брал. Бартоломей видел, как князь «протянул руку с письмом и, коснувшись почти шахской бороды, собирался положить на его колени и как один из министров подошел и подхватил грамоту почти с шахского брюха»²⁶.

На первой аудиенции территориальные претензии Ирана не обсуждались, вероятно, потому, что в тот же день «шах созвал совет, принявший окончательное решение о войне»²⁷.

Трудно объяснить присутствие английского дипломата Г. Виллока на сугубо секретном иранском совете. Еще

---

²² *J. E. Alexander, Travels from India to England comprehending a visit to the Birma Empire and a journey through Persia, Asia Minor, European Turkey in the years 1825—1827.* pp. 93—94.

²³ «Русский архив», 1889, кн. 4, стр. 583 (Записки Муравьева).

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 90, л. 16.

²⁵ См. Ф. Ф. Бартоломей, Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г., стр. 301.

²⁶ Там же, стр. 301, 303.

²⁷ ЦГВИА, ф. 446, д. 3, л. 16; ф. 11, лл. 21—23 и ф. ВУА, д. 4329, л. 97.

более странным было его выступление на этом совете. Когда охваченное угаром реваншизма большинство настаивало на войне, Виллок вырядился в тогу миротворца и выступил против мнения большинства. Эта, на первый взгляд, пацифистская позиция британского поверенного была мишенью резких нападок иранских историков. «Политика Виллока,—замечает М. Махмуд.—только и заключалась в создании разногласий и конфликтов с правителями Ирана»²⁸. Однако в данном случае разногласия были условными, так как британская дипломатия с одной стороны провоцировала Иран на войну против России, а с другой—создавала впечатление прочности англо-русского союза. Можно понять, что Виллок как дипломат не мог открыто присоединиться к требованию о войне, хотя и подготовил это решение тем, что «в одной политике играл две роли: в Султанье предлагал сохранить с Россией мир, в то время как в Тавризе его представители Кормик, Микниль и Гарт толкали Аббас-мирзу на войну против России»²⁹. С этим заявлением проф. Бина нельзя не согласиться, тем более, что Г. Виллок достаточно скомпрометировал себя и в январе 1826 г., когда его брат Эдуард доставил шаху из Калькутты 728 тыс. рублей³⁰.

Для выяснения позиции Г. Виллока в Султанье не менее важное значение имеют его донесения британскому министру иностранных дел Джорджу Каннингу и вице-королю Индии лорду Амхерсту, которому накануне войны были переданы относящиеся к Ирану дела³¹. В донесении на имя Амхерста говорится о русской угрозе Индии в связи с продвижением России в Средней Азии,

²⁸ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۱۹۰.

²⁹ علی اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۱۹۳.

³⁰ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 617.

³¹ В январе 1823 г. после отъезда из Индии Гастингса «Контрольный совет» назначил вице-королем лорда Амхерста, который после окончания англо-бирманской войны получил от парламента благодарность, титул графа и в феврале 1828 г. вернулся в Англию. Об этом см. К. Маркс, Хронологические выписки из истории Индии. М., 1947, 125—127.

что, по мнению иранских историков, было обращением к Ост-Индской компании, чтобы она заставила Иран воевать против России, для того чтобы таким путем отвлечь русские войска от Индии³² и ослабить Иран³³. В другом донесении на имя Каннинга Г. Виллок уверял, что «в результате его деятельности, после прибытия Меншикова в Тавриз, один иранский чиновник, наделенный полномочиями Аббас-мирзы, был отправлен в Тегеран, чтобы уговорить шаха объявить России войну»³⁴. Это важное во многих отношениях донесение Виллока разоблачает не только агрессивные планы Аббас-мирзы, но и двуличную политику Англии, которая под маской миролюбия толкала Каджаров на войну. «Две роли Виллока в одной политике», которые осуждал Бина, можно было наблюдать и в июле того же года. Разыгрывая неприглядную роль двуликого Януса, Г. Виллок специально искал встречи с Меншиковым, чтобы сообщить ему о своей позиции на тайном совете.

Заключительный акт этой бутафорной комедии был разыгран Каннингом. В письме из Парижа от 13 октября 1826 г. он уверял русского посла Ливена, что «Персия начала военные действия, невзирая на величайшие усилия английского поверенного в делах, употребленные им для избежания решения, столь же безрассудного, сколь и неприятного...»³⁵. После тайного совета, на котором было принято решение о войне, данная Меншикову вторая аудиенция была обращена в постыдный фарс.

Выступивший вначале посол царя напомнил, что по его инициативе русские подразделения ушли из урочища Мирак и этим предупредили столкновение с отрядом эриванского сардара, который несмотря на фирман Аббас-

³² См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۹۶.

³³ См. محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۳۴.

³⁴ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۹۲.

³⁵ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6958, л. 28 об., 29.

мирзы, не отвел своих войск от озера³⁶. Затем он указал на целесообразность обмена русской части области Мегри на занятую русскими прибрежную полосу Севана, а также объявил о готовности уступить Ирану Кафан и небольшую территорию в Талыше, южнее реки Бусей. Шах ответил, что эти вопросы неоднократно обсуждались и остались нерешенными потому, что подчинены главному вопросу—уступке Ирану всего Талыша³⁷. На прямой вопрос шаха: «Вы можете уступить нам Талыш?» Меншиков ответил, что не имеет на это полномочий и не может отклониться от Тифлисского договора, заключенного 28 марта 1825 г. начальником штаба корпуса ген. Вельяминовым и тавризским беглярбеком Фатх-Али-ханом³⁸. Тогда послу показали письмо Нессельроде, адресованное министру иностранных дел Ирана, где в частности указывалось, что Меншиков наделен широкими полномочиями³⁹. Это письмо поставило посла в затруднительное положение, несмотря на то, что в принципе уже было поздно и невозможно достигнуть соглашения, тем более, что на деле Талыш интересовал Каджаров неизмеримо меньше, чем перспектива завоевания всего Закавказья, в которую они продолжали верить, несмотря на ее абсурдность, и в связи с этим изо всех сил раздували военную истерию. «В итоге,—замечает Моктадер,—когда Меншиков находился в Султанье, Иран был охвачен паническим ожиданием войны»⁴⁰, а проф. Бина объясняет причины этого напряжения «торжеством проанглийской по-

---

³⁶ Подробные данные о переговорах Меншикова в Иране см. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 455 («Переписка Меншикова с шахом, наследником и высшими чиновниками»), а также ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 453 (О пограничном споре между Россией и Персией в посольстве Меншикова).

³⁷ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۹۵.

³⁸ См. там же.

³⁹ См. АКАК, т. VII, № 637, стр. 350.

⁴⁰ غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، تهران، ۱۳۱۷، ص ۲۹۵.

литики Аббас-мирзы, находившегося под влиянием Кормика и Гарта»⁴¹.

После второй аудиенции шах отказался продолжать переговоры. В дальнейшем связь с послом должен был поддерживать зять шаха и бывший его первый министр Аллахяр-хан, который начал с того, что приставил к Меншикову, под видом охраны, а в действительности для надзора, одного из секретарей наследного принца Мирза-Исмаила, затем оцепил посольский лагерь караулом, после чего никто не мог выйти из лагеря без сопровождения вооруженных сарбазов⁴². В этих условиях Меншиков все еще надеялся оттянуть переговоры до зимы, чтобы выиграть время для усиления русского корпуса⁴³. Однако эта его концепция больше соответствовала интересам иранских реваншистов и их британских покровителей, заинтересованных в продолжительном пребывании Меншикова в Иране, чтобы опередить русских в сосредоточении войск на границе. По этим причинам с Меншиковым «тянули время» вначале Аллахяр-хан и Виллок, а впоследствии и эриванский сардар Хусейн-Кули-хан, который явно перестарался и самоотверженно выполнял устаревший приказ о задержании посла, когда война была в полном разгаре, а его дальнейшее пребывание в Иране утратило всякое значение. Все это произошло несколько позднее, а в Султанье Меншиков в конце концов убедился, что из посла превращается в пленного. 5 июля он уже настаивал, чтобы его отправили в Россию. Ответ Аллахяр-хана был составлен в духе ультиматума: «Мы ожидали,—говорилось в его памятной записке,—что со вступлением на престол нового императора споры прекратятся наилучшим образом. Однако этого не случилось. Вопреки письму Нессельроде, в котором отмечалось, что Вы наделены всеми полномочиями, на второй аудиенции выяснилось, что Вы полномочий не имеете. При этом упоминание о содержании письма Нессельроде Вас крайне удивило. Просим явиться на конференцию для рассмот-

علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،⁴¹
ص ۱۹۵

⁴² См. В. Лотто, Кавказская война, стр. 26.

⁴³ См. АКАК, т. VI, № 630, стр. 348 и № 633, стр. 350.

рения претензий пограничных начальников и решить все вопросы»⁴⁴. Это предложение о созыве конференции, которую не собирались созывать, было сделано к исходу 7 июля, после того как Аббас-мирза возвратился в Тавриз и накануне отъезда шаха в Ардебиль. Тогда же шах уполномочил Г. Виллока вести переговоры с русским послом. Об этом необычном в дипломатической практике прецеденте Г. Виллок информировал Лондон⁴⁵, а затем заявил Меншикову, что ему, дескать, удалось уговорить шаха отказаться от похода и возобновить переговоры⁴⁶. Эта ложь раскрылась довольно быстро, так как через неделю иранские войска напали на Россию. Отметим еще, что, встретившись с Меншиковым 9 июля, Виллок не сказал ему о поручении шаха, которого собирался заменить на «переговорах» и который в тот же день выехал в Ардебиль. Меншиков, в свою очередь, разрушил их планы тем, что выехал на Кавказ, а Виллоку после этого ничего не оставалось, как поехать по следам Фатх-Али-шаха. Обоих дипломататов война застала в дороге.

В Эриване сардар Хусейн-Кули-хан пригласил посла и его свиту в живописную загородную дачу на берегу Занги и оттуда, под разными предлогами, не отпускал больше месяца. Меншиков жаловался на притеснения своих тюремщиков и когда был отпущен, сардар сделал все, чтобы посольство перебили по дороге⁴⁷. К счастью, Меншикову удалось узнать о происках Хусейн-Кули-хана и об этом сообщить Ермолову через полковника Бартоломея, который тайно от персов отправился на поиски своих войск и обнаружил их у Гергер⁴⁸. Не подавая вида, что знает о намерении сардара, Меншиков выехал на эчмиадзинскую дорогу. Отсюда он резко изменил направление и ближайшим путем через Аштарак и Амамлы

⁴⁴ См. там же, № 637, стр. 350 (Аллахяр-хан—Меншикову от 7 июля 1826 г.).

⁴⁵ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۹۷.

⁴⁶ См. П. Зубов, Персидская война в царствовании Николая I, стр. 18.

⁴⁷ См. Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОРБЛ), ф. Киселева, IV, п. 29, № 1, л. 100.

⁴⁸ См. Ф. Ф. Бартоломей, указ. работа, стр. 316.

(Спитак) устремился к Большому Караклису (ныне Кировакан). В пути «Меншиков и его свита наблюдали тлеющие руины сожженных армянских селений, встречали угоняемых в рабство пленных»⁴⁹. Кавалеристы эриванского сардара, сторожившие посла в Дилижанском ущелье, опомнились поздно. Все же они понеслись в погоню и настигли посольство в 10 км северо-западнее Джалал-оглы (ныне Степанаван), где были отброшены русским отрядом, выступившим из Гергер.

Чудом спасшегося Меншикова Николай наградил «Алмазными знаками ордена святой Анны первой степени»⁵⁰, несмотря на то, что он был первым послом иностранной державы, которого Фатх-Али-шах не удостоил орденом «Льва и солнца».

3

Стратегический план войны, разработанный в Иране английскими офицерами, предусматривал наступление армии Аббас-мирзы на Карабахском направлении для захвата Шуши и Гянджи (ныне Кировабад) с одновременным продвижением войск эриванского сардара Хусейн-Кули-хана до Гумри (ныне Ленинанкан) и захватом Талыша шахсеванской конницей, собранной в Ардебиле и Агаге. На втором этапе намечался комбинированный поход на Тифлис⁵¹.

Война началась 16 июля 1826 г. вторжением войск эриванского сардара в Баш-Апаран. На гюмринском направлении противник овладел Большим Караклисом и Джелал-оглы⁵². Каджары спровоцировали мятеж реакционных ханов в Талыше и Ширване. 18 июля армия Аббас-мирзы вторглась в Карабах⁵³. Менее чем за два месяца войны большинство областей Восточного Закавказья временно оказалось под властью Ирана. Эти успехи иранских войск в основном были вызваны их численным превосходством — в Отдельном Кавказском корпусе

49 ОРБЛ, ф. Киселева, IV, п. 29, № 1, л. 100.

50 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 642, л. 4.

51 См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, д. 429, л. 5, 5 об.

52 См. там же.

53 См. غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۲۹۹

было 35 тысяч солдат и офицеров; А. П. Ермолов мог противопоставить 60-тысячной армии только 12 батальонов, так как остальные 33 батальона были разбросаны по всему Кавказу, и требовалось немало времени, чтобы перебросить их на фронт. В этом отношении важное значение имела 48-дневная героическая оборона Шуши, которая приковала к себе основные силы Аббас-мирзы, позволила русскому командованию выиграть время, подтянуть резервы и перейти в контрнаступление. В результате уже 3 сентября войска ген. Мадатова, среди которых было много ополченцев армян и азербайджанцев, наголову разбили персов под Шамхором; 13 сентября части корпуса обратили персов в бегство под Гянджой, а через неделю вышли к Араксу. К этому времени иранские войска были вынуждены оставить Баку, Ленкорань, Кубанскую провинцию. Отряд героя Отечественной войны 1812 г. ген. Дениса Давыдова, вместе с армянскими и грузинскими ополченцами, очистил от противника Памбак и Шурагель, а в Миракском сражении 21 сентября наголову разбил конницу Хасан-хана. В итоге персы оказались отброшенными почти из всех районов, захваченных ими с 16 июля по 3 сентября 1826 г.

Правительство шаха, напуганное контрнаступлением русских войск, отправило в Петербург своего опытного дипломата Давуд-хана⁵⁴ по далекому обходному пути через Константинополь и Варшаву. По мнению проф. Бина, шах не захотел отправить Давуд-хана по кратчайшему пути через Тифлис, дескать, потому, что А. П. Ермолов не допускал иранских дипломатов в Петербург⁵⁵, несмотря на то, что о нарушении Сепаратного акта не могло быть и речи, так как Гюлистанский договор был расторгнут войной. Бина не учитывал также, что переход иранского дипломата через линию фронта был далеко

⁵⁴ Речь, по-видимому, идет о Давиде Цатуровиче Мелик-Шахназаряне, который в начале XIX в. был французским агентом в Багдаде, в 1803, 1814 и 1815 гг. посетил Иран в качестве французского эмиссара, а в 1816 г. прибыл в Париж уже в качестве иранского посла. Об этом см. *А. Р. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия*, стр. 441—446.

⁵⁵ См. *علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران*،

не безопасным делом. К тому же, по совету Макдональда, Давуд-хан должен был выполнить обширную дипломатическую программу в султанской Турции и Восточной Европе. Приехав в Константинополь, он пытался узнать о переговорах в Аккермане и добивался встречи с султаном Махмудом II, чтобы выяснить его отношение к Николаю и напомнить о его обещаниях начать против России войну. Неожиданно для Давуд-хана переговоры с турками привели к противоположным результатам. Узнав о наступлении Кавказского корпуса и падении Гянджи, Порта подписала Аккерманскую конвенцию, не считаясь с пребыванием в Турции иранского посла.

Через 10 дней Давуд-хан отправил Меттерниху письмо, в котором просил содействия австрийских послов в Константинополе и Петербурге для организации его примирительной миссии⁵⁶. Одновременно он предпринял несколько безуспешных попыток получить разрешение на поездку в Россию у находившихся в Турции представителей царя и с аналогичной просьбой отправил письмо министру иностранных дел Нессельроде. Не дожидаясь ответа, Давуд-хан в начале октября отправился в Польшу, чтобы вручить послание Аббас-мирзы брату Николая I царскому наместнику в Варшаве князю Константину⁵⁷. И когда Давуд-хан считал, что находится близко от цели, Нессельроде, через генерал-губернатора гр. Палена, ответил ему, что уже другой представитель Ирана Мирза-Мохаммед-Али выехал на границу. Только в начале февраля 1827 г. этот иранец отправился в Тифлис, где был принят Ермоловым, а затем начальником Главного штаба ген. Дибичем⁵⁸.

Аббас-мирза отправил в Тифлис своего посла для заключения перемирия на возможно длительный срок, чтобы за это время лучше подготовиться к войне и чтобы Лондонский двор успел договориться с Россией о посред-

⁵⁶ См. там же.

⁵⁷ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۲۶.

⁵⁸ Ген. Дибич приехал в Грузию под предлогом ликвидации разногласий между Ермоловым и Паскевичем, а на деле для того, чтобы по заданию Николая I устранить от дел Ермолова.

ничестве Англии⁵⁹. Одновременно, чтобы обеспечить это посредничество путем прямых переговоров Лондона с Петербургом, Макдональд отправил в Англию Генри Виллока. Обо всем этом Ермолову сообщил его агент, имени которого он не называет и которого он подослал к эриванскому сардару Хусейн-Кули-хану, а последний рассказал агенту о назначении Мирза Мохаммед-Али и действиях Макдональда⁶⁰.

Деятельность иранского посла в Тифлисе, так же как и миссия Г. Виллока, подтверждает достоверность версии эриванского сардара и свидетельствует о существовании тайного сговора между Абасс-мирзой и Макдональдом по основным вопросам иранской внешней политики. Не исключено, конечно, что сардар преднамеренно рассказал правду агенту Ермолова для того, чтобы показать русскому главнокомандующему, что за спиной Ирана стоит Англия и что действуют они вместе и сообща.

Посол наследного принца выполнял ограниченную задачу: должен был заключить перемирие, а также согласовать время и место встречи Ермолова с иранским министром иностранных дел для заключения мирного договора. Во всяком случае Мирза Мохаммед-Али не имел полномочий обсуждать те предложения о мире, которые вначале Ермолов, а затем Дибич настойчиво пытались наязать ему. Как видно, русское командование было озабочено содержанием писем иранского министра иностранных дел и Аббас-мирзы, доставленных послом для Нессельроде и Ермолова.

В случае срыва переговоров в Тифлисе, наследный принц просил Ермолова отправить посла в Петербург, а если и в этом будет отказано, разрешить ему дожидаться ответного письма Нессельроде. Иранская дипломатия явно играла на противоречиях между Нессельроде и Ермоловым и всячески подчеркивала несамостоятельность русского главнокомандующего.

Тифлисские переговоры, недостаточно изученные и тенденциозно освещенные в иранской историографии, проходили в два этапа. На первом из них, продолжав-

---

⁵⁹ См. «Записки А. П. Ермолова», ч. II, 1816—1827 гг., М., 1868, Приложения, стр. 335—336.

⁶⁰ См. там же.

шемся до 19 февраля 1827 г., А. П. Ермолов отклонил иранские предложения о перемирии, заявив при этом, что переговоры о мире можно вести и без перемирия, в ходе войны⁶¹. Заметим, что до начала апреля на фронте фактически было установлено перемирие, формального признания которого иранский посол усердно добивался с начала февраля, а Ермолов не менее решительно от этого отказывался. Следовательно, Каджары располагали пятью месяцами фактического перемирия и при желании за это время могли договориться о мире. Однако свои надежды на реставрацию границ они связывали с посредничеством Англии, при поддержке которой начали войну и без которой избегали переговоров.

С приездом на Кавказ начальника Главного штаба ген. Дибича, иранскому послу удалось продлить переговоры еще на 20 дней.

Архивные материалы свидетельствуют, что на втором этапе переговоров ген. Дибич потребовал у Мирза-Мохаммед-Али уступки Эриванского и Нахичеванского ханств, а также пограничных крепостей на Араксе⁶². Проф. Бина утверждает, что Дибич не только потребовал, чтобы граница была установлена по Араксу, но и объявил, что Иран должен уплатить России 700 тыс. туманов контрибуции⁶³. Несмотря на то, что мы не располагаем архивными данными о размере предложенной Дибичем контрибуции, из предписаний Нессельроде видно, что вопрос этот поднимался⁶⁴. Отметим еще, что в двух изданиях «Политической и дипломатической истории Ирана» (в 1955 и 1959 гг.) Бина приводит взаимно исключающие версии. В первой из них указывается, что в Тифлисе «Мирза-Мохаммед-Али нашел возможным приступить к обсуждению русских условий перемирия», однако русское командование, дескать, «отказалось обсуждать свои же предложения(?) без санкции Нессель-

⁶¹ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 711, стр. 391—394.

⁶² См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1082, оп. 1, д. 429, л. 20 об.

⁶³ См. علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۲۹.

⁶⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 158, л. 1.

роде»⁶⁵. Во втором же издании говорится, что «Мирза-Мохаммед-Али не имел права обсуждать русские условия и поэтому представители России заверили посла, что письменный ответ будет послан иранскому правительству после того, как будет получено по этому вопросу решение Нессельроде»⁶⁶. Нетрудно заметить, что эта вторая объективная версия опровергает тенденциозную первую.

8 марта 1827 г. Мирза-Мохаммед-Али отправился в обратный путь и, вероятно, еще не доехал до Ирана, когда Нессельроде написал иранскому министру иностранных дел, что главнокомандующему на Кавказе даны необходимые инструкции для заключения мира⁶⁷. Эти «инструкции» Нессельроде, известные под названием «Об условиях, на которых можно заключить мир», были высланы ген. Дибичу 24 апреля 1827 г. и получены в мае. «Император России,— указывалось в этом документе,— настаивает на скорейшем прекращении войны, так как выгоды, которые получает Россия, не компенсируются расходами, связанными с продолжением войны... В случае, если Россия будет продолжать войну из-за денег, то те суммы, которые Россия будет тратить на войну, будут больше предлагаемой контрибуции, а чем дальше, тем больше ослабнет Иран и еще меньше сможет расплатиться с Россией деньгами»⁶⁸. Остальная часть предписания касалась англо-русских отношений: «Продолжение войны немедленно возбудит ревность державы (Англии.—Б. Б.), соперничающей с Россией, и даст повод к сопротивлению более или менее прямому с их стороны»⁶⁹. В связи с этим Нессельроде указал И. Ф. Паскевичу⁷⁰: «Если под каким-либо предлогом английская

⁶⁵ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، چاپ اول، ۱۳۳۲، ص ۲۰۹.

⁶⁶ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، چاپ دوم، ۱۳۳۷، ص ۲۱۳.

⁶⁷ См. там же, стр. 230.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 158, л. 1.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ С 11.VIII.1826 г. И. Ф. Паскевич командовал войсками, действовавшими против Ирана, а 28 марта 1827 г. сменил А. П. Ермолова на посту управляющего Кавказом и командующего Отдельным Кавказским корпусом.

миссия в Персии начнет с Вами переписку о заключении трактата, то не допустить посредничества той миссии»⁷¹. Аналогичное предписание было послано русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену.

Нежелание царизма продолжать иранскую войну отчасти было вызвано тяжелым состоянием финансов Российской империи⁷². В обстановке напряженных русско-турецких отношений правительство Николая I стремилось закончить войну с Ираном и укрепить резервы казны. Впрочем, предписание Нессельроде о прекращении войны было отправлено на Кавказ после того, как возобновились военные действия.

4

В период иранского наступления (16 июля — 3 сентября 1826 г.) официальный Лондон и Ост-Индская компания, обычно реагиовавшие на любое сколько-нибудь заметное политическое событие на Востоке, хранили молчание, так как в обстановке временных успехов иранской армии дипломатическое наступление России против Порты было приостановлено, турецкая делегация саботировала переговоры в Аккермане, царизм затормозил свою активность на Балканах, в Средней Азии и, избегая второго фронта, отложил войну против Турции. Эта бесшумная реакция Англии, отражавшая одобрение войны, продолжалась до первых чисел сентября 1826 г., когда блестящая победа русских войск под Шамхором положила начало контр наступлению русского корпуса и ликвидировала заговор молчания, организованный Каннингом на время наступления иранской армии.

С этого времени английское правительство начало переговоры с русским послом в Лондоне Х. А. Ливеном и все более настойчиво стремилось навязать России вмешательство Англии (под видом посредничества) с целью не допустить присоединения к России Восточной Армении и Северного Азербайджана и продвижения русских войск в глубь Ирана.

⁷¹ АКАК, т. VII, № 503, стр. 540, Нессельроде—Паскевичу, 23 апреля 1827 г.

⁷² См. А. В. Фадеев, Россия и Кавказ в первой трети XIX в., М., 1960, стр. 211.

Деятельность английской и иранской дипломатий, как и прежде, была строго согласована. Одновременно с переговорами в Лондоне, на пятый день после начала русского контрнаступления, Макдональд предложил И. Ф. Паскевичу свои услуги посредника на переговорах с Аббас-мирзой и с этой же целью отправил в Лондон Г. Виллока, а шах, как уже отмечалось, отправил в Россию двух дипломатов (Давуд-хана и Мирза-Мохаммед-Али), а третьего своего посла отправил в Лондон, чтобы информировать Англию о положении на фронте и готовности Ирана заключить мир при посредничестве Англии, которая поддерживала видимость хороших отношений с Россией.

14 (26) декабря 1826 г. Х. А. Ливен донес в Петербург о прибытии иранского представителя, который «привез просьбу шаха о посредничестве Англии в целях примирения его с Россией»⁷³.

Вскоре после этого Д. Каннинг пригласил к себе Ливена и, «не сделав формального предложения о посредничестве», попытался узнать мнение русского посла о том, «как могло бы быть встречено в России подобное предложение»⁷⁴. Х. А. Ливен ответил, что «английские предложения могли бы быть внимательно выслушаны, однако при обстоятельствах, существенно затрагивающих исключительные интересы России на ее восточных границах, император России не смог бы допустить вмешательства третьей державы, тем более, что агрессивное поведение Персии требует примерного наказания»⁷⁵.

После этой беседы Д. Каннинг до конца 1826 г. по этому вопросу к Ливену не обращался. Впоследствии выяснилось, что английский министр решил обойти Ливена и с помощью английского посла в Петербурге пытался узнать личное мнение царя по этому вопросу.

В январе 1827 г. Каннинг и Ливен встретились снова. На этот раз англичанин действовал более решительно, ибо давление, которое оказывала на Каннинга Ост-Индская компания, становилось все сильнее. К тому же

---

⁷³ АВПР. ф. МИД. Канцелярия, д. 6958, Дешеш Ливена из Лондона от 14 (26) декабря 1826 г., № 189, л. 356.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ АВПР, ф. МИД. Канцелярия, д. 6963, лл. 350, 350 об.

от английского посла в Петербурге он получил сообщение о том, что русские не отклоняют целиком идеи посредничества Англии⁷⁶. Однако, снова натолкнувшись на упорное нежелание Ливена договориться по этому вопросу, Каннинг отправил в Петербург английскому послу указание обратиться к правительству России с официальным предложением⁷⁷.

На этот раз в Петербурге отрицательно реагировали на предложение Англии о посредничестве, что, однако, не остановило Каннинга от дальнейших шагов. Спустя месяц он посылает Ливену письмо вместе с проектом новых английских предложений.

Беспокойство Каннинга отчетливо видно в той части представленного им проекта, где речь идет об усилении России на Востоке: «Никакое государство в Европе, и особенно Великобритания, не могли бы без беспокойства смотреть на такое громадное приращение территорий и рост могущества России в направлении, способном усложнить европейскую политику из-за ее политики в Азии»⁷⁸.

Попытки Каннинга навязать России посредничество Англии для прекращения войны разоблачали его, когда он писал об обязательствах Англии перед Ираном по Тегеранскому договору 1814 г. Об этих обязательствах не могло быть и речи, так как по ст. 4 и 6 этого договора Англия не должна была помогать Ирану в случае, если «Персия сама совершит агрессию против какой-либо европейской страны»⁷⁹.

Предлагая посредничество, Англия проявляла заботу не об Иране, а об английских интересах на Востоке, не имевших ничего общего с интересами Ирана.

Чтобы подкрепить свою позицию, Каннинг к своему проекту предложений приложил письмо министра иностранных дел Ирана Мирза-Аболь-Хасан-хана на имя президента бюро Ост-Индской компании. Ссылаясь на это письмо и искажая факты, Каннинг обвинял Россию в провокациях, вызвавших нападение Ирана. «Агрессия

---

⁷⁶ См. АВПР, ф. МИД. Канцелярия, д. 6963, 1827, л. 3.

⁷⁷ См. там же, л. 3 об.

⁷⁸ Там же, л. 22 об.

⁷⁹ М. А. Игамбердыев, указ. работа, стр. 284.

со стороны Персии,— указывал он,— хотя и не спровоцированная каким-либо актом, до того, как были использованы все средства договориться, не была, однако, полностью избавлена от всякого рода провокаций. Русский император не может не знать, что управление наместника в Грузии отличалось характером грубости и несправедливости. Известно также,— указывал Каннинг,— что персидские агенты задерживались по два месяца в Тифлисе и не имели возможности попасть к русскому правительству; что переговоры после того, как они были начаты, преднамеренно тормозились и задерживались русскими властями посредством перерывов и отсрочек в осуществлении связи между русским и персидским правительствами»⁸⁰.

Всячески выгораживая шаха, Каннинг писал, что «император России не оставит без внимания этих рассуждений с тем, чтобы принять предложения, которые Персия хотела бы сегодня сделать для прекращения военных действий путем заключения мира, основанного на Гюлистанском договоре»⁸¹.

Таким образом, английское правительство пыталось ликвидировать успехи русской армии и вернуть воюющие стороны к границам Гюлистанского договора, чтобы начавший войну Иран ничего не потерял, несмотря на свое поражение.

В заключение Каннинг указывал, что он уполномочен королем предложить посредничество Англии и предполагает использовать для этого миссию генерал-губернатора Индии, которая в то время находилась в Тегеране. Каннинг просил Ливена без промедления передать этот проект русскому двору⁸².

В личном письме Ливену Каннинг просил ознакомиться с проектом и поделиться своими замечаниями. Это привело их к новой встрече. «Мотивы, которые заставили меня отклонить Ваши первые формальные предложения,— заявил на беседе Ливен,— не прекратили своего существования. Первый мотив, по которому я считаю своим долгом отклонить английское предложение

⁸⁰ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6963, л. 23—23 об.

⁸¹ См. там же, л. 24.

⁸² См. там же, л. 24 об.

о посредничестве, базируется на общем направлении русской внешней политики. Россия не может допустить вмешательства европейской державы в ее отношения с азиатскими государствами»⁸³.

Ливен заметил еще Каннингу, что «Персия первая начала военные действия и без всяких к тому оснований»⁸⁴ и что Англия не вправе ожидать, чтобы Россия в этом признала случай, предусмотренный англо-иранским договором 1814 г. «Впрочем,— продолжал русский посол,— эта самая статья послужила первой причиной войны, ибо она поощряла Тегеранский двор вступить в войну, из которой он надеялся вскоре выйти без всякого ущерба»⁸⁵.

Обвинение английского министра в подстрекательстве Ирана к войне против России было смелым и открытым заявлением об ответственности Англии за развязанную Ираном войну.

После этого Х. А. Ливен столь же прямо говорил о тех причинах, из-за которых Россия не могла рассчитывать на посредничество Англии в ее пользу. «Всякое посредничество Англии в русско-персидских отношениях,— заявил Ливен,— грозит испортить эти отношения, во всяком случае надолго. Если хоть раз мы признаем право подобного вмешательства, то никакой веры, никакой прочности не будет больше в наших отношениях с Персией»⁸⁶.

Каннинг внимательно выслушал замечания Ливена, не оставившие камня на камне от английского Проекта и, не пытаясь отвечать на его замечания, выразил недовольство стоявшей перед ним обязанностью обратиться к России с формальным предложением по этому вопросу⁸⁷. «Агенты Ост-Индской компании,— продолжал Каннинг,— осаждают нас своими настойчивыми просьбами, и только благодаря их ходатайству он должен был сделать русскому правительству это заявление о посредничестве»⁸⁸.

⁸³ Там же, л. 6.

⁸⁴ Там же, л. 7.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, л. 10.

⁸⁸ Там же, л. 10 об.

Чтобы предотвратить появление новых английских предложений о посредничестве, 14 (26) февраля 1827 г. русский посол в Лондоне вручил государственному секретарю Великобритании верительную ноту, в которой официально подтверждалась точка зрения России по этому поводу.

«Доверяя свои интересы заботам какого-нибудь иностранного правительства,—указывалось в ноте,—Россия подвергается опасности видеть свои интересы ущемленными или свои намерения—непонятыми. Кроме того, следует опасаться, чтобы азиатские государства не восприняли посредничество третьей державы как признак слабости России и не составили себе ложного понятия о характере всякого посредничества, и не увидели бы в нем не столько предложение услуг какого-либо европейского государства, сколько принудительное вмешательство в их пользу, которыми они не преминули бы похвалиться»⁸⁹.

«Является совершенно очевидным,—указывал Х. А. Ливен,—что при каждом благоприятном случае Персия поспешит напасть на Империю, уверенная в том, что ее казна будет пополняться английскими субсидиями и что в случае неминуемой опасности она укроется за Англией»⁹⁰.

Воздействие этой части ноты на Лондонский двор не вызывает сомнения. Во всяком случае, меньше чем через год английское правительство было вынуждено отменить 3 и 4 статьи Тегеранского договора 1814 г. Чтобы заставить Иран отказаться от этих статей, которые, по выражению иранского профессора Махмуд Махмуда, «были источником беспокойства и головной боли министров британского правительства»⁹¹, Англии пришлось заплатить шаху 800 тысяч рублей⁹².

⁸⁹ АВПР. ф. МИД. Канцелярия, д. 6964, 1827, л. 140. (Нота приложена к депеше Ливена из Лондона от 8 (20) мая 1827 г.).

⁹⁰ АВПР. ф. МИД. Канцелярия, д. 6964, л. 142.

⁹¹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس، ص ۲۰۲.

⁹² Текст англо-иранского соглашения об аннулировании этих статей приведен Махмуд Махмудом в приложении к первому тому «Истории политических связей Ирана и Англии в XIX веке».

Не менее важное значение имело приведенное в ноте Ливена опровержение обвинений России иранским министерством иностранных дел. «Если верить Персии,—говорилось в ноте,—то может показаться, что Россия только и хотела посредством провокаций, которые ей приписывают, вызвать войну, которую она могла бы использовать в своих интересах. При этом предположении русское правительство было бы в состоянии, по крайней мере, отразить первую атаку, тогда как, напротив, общеизвестно, что оно не ожидало никакого внезапного нападения. И если это внезапное нападение не повлекло за собой более важных последствий, то Императорское правительство этому обязано менее своим средствам защиты, чем храбрости своих солдат и умению своих генералов».

В ноте указывалось, что предложение Англии о посредничестве, «предпринятое для защиты интересов Персии, несправедливо напавшей на Россию, может произвести в России самое тягостное впечатление»⁹³.

Англо-русские переговоры в Лондоне на несколько месяцев парализовали активность английской дипломатии в иранском вопросе.

5

Стратегический план русского командования предусматривал действия главных сил корпуса на Эриванском направлении, а после завершения присоединения к России Восточной Армении и Северного Азербайджана, наступление на Тавриз.

Выступивший 1 апреля из Шулавер отряд ген. Бенкендорфа перешел границу Эриванского ханства, чтобы овладеть Эчмиадзином, оборудовать рубеж для сосредоточения главных сил корпуса на подступах к Эриванской крепости и чтобы не допустить насильственного переселения армян за Аракс⁹⁴. Перед этим Аббас-мирза по совету англичан собирался переправить армян на правый берег Аракса, а также сжечь весь хлеб и фураж в районе предстоящих боев⁹⁵. Этот варварский план, для осуще-

⁹³ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6964. л. 144, 144 об.

⁹⁴ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 23.

⁹⁵ См. ЦГВИА, ф. ВУА, Коллекция 444, д. 3, л. 10.

ствления которого были выделены подрывные группы⁹⁶, должен был превратить Армению в безлюдную, выжженную пустыню⁹⁷.

Появление русских в Армении разбудило надежды армянского народа на скорое освобождение от иранского ига. В русскую армию вливались отряды добровольцев⁹⁸. Повсюду зажигались огни партизанской войны. «Восстаньте храбрые потомки Гайка,—передает содержание пламенных обращений армянских патриотов к народу Хачатур Абовян,—возьмите оружие и доспехи, благородные сыны Армении, ударьте, уничтожьте полчища врагов ваших,—душа в душу, плечо к плечу. Да сокрушится поверженный зверь. Могучая рука Руси да будет вам опорой»⁹⁹.

В Матенадаране хранятся многочисленные документы, свидетельствующие о варварском глумлении каджарских феодалов не только над трудовым народом, но и над церковными служителями. Перед отступлением эриванский беглярбек Джафар-хан в сопровождении своих вооруженных телохранителей учинил погром в эчмиадзинском монастыре: «Архимандрит Овсеп был избит до смерти. У архимандрита Аванеса отрубили руку. Епископам Гегаму и Тухаци были нанесены тяжелые кинжальные ранения. Джафар-хан увез с собой в Сардарбад 20 старших монахов»¹⁰⁰.

13 апреля отряд Бенкендорфа занял Эчмиадзин, 8 июня туда прибыли основные силы корпуса, а на следующий день Паскевич поручил осаду Эриванской крепости дивизии Красовского и вместе с отрядом Бенкендорфа выступил к Нахичевани¹⁰¹.

Как только 26 июня войска корпуса заняли Нахичевань, на переговоры с Паскевичем в русский лагерь прибыл чиновник Аббас-мирзы Наджаф-Али-султан-Афшари с новыми предложениями. На этот раз Аббас-мирза соглашался «уступить» России Ленкорань и Баш-Апаран,

96 См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 2 об.

97 См. ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 226, л. 1.

98 См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4336, л. 10.

99 Х. Абовян, Раны Армении, 1948, стр. 297.

100 Матенадаран, ф. Архив католикоса Нерсеса Аштаракеци, пап. 165, док. 805; ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 23.

101 См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 23 об.

отошедшие к России по Гюлистанскому договору. Судя по поведению иранца в русском лагере и смыслу сделанных им предложений, было видно, что Афшари интересовался не перемирием, а численностью русских войск¹⁰². Переговоры были прерваны, война продолжалась и уже 5 июля у Джаванбулаха русские отбросили войска Аббас-мирзы, а через день заняли Аббасабад.

13 июля Аббас-мирза отправил к Паскевичу своего статс-секретаря Мирза-Салеха, который в тот же день был принят Паскевичем и вручил ему письма от Аббас-мирзы и Макдональда¹⁰³. Паскевич объявил Мирза-Салеху, что граница должна быть установлена по Араксу и что Иран должен заплатить России контрибуцию¹⁰⁴. «Шах едва ли согласится принять эти условия»,—возразил Мирза-Салех. «А я советовал бы ему согласиться,—заявил Паскевич,—иначе, чем дальше мы пойдем, тем больше возрастут требования. Ваше вероломство должно быть наказано, чтобы все знали, что значит объявить войну России»¹⁰⁵. На этом переговоры были прерваны. О требованиях Паскевича Мирза-Салех написал Аббас-мирзе. 17 июля наследный принц ответил, что шах возможно и согласится заплатить деньги, но ни за что не уступит территорий, издавна принадлежавших Ирану¹⁰⁶(?). После этих переговоров русское командование убедилось, что дела персов находятся «в дурном положении, но мира они еще не желают»¹⁰⁷.

В условиях обострившихся отношений с Турцией Паскевичу было предписано «после первого, сколько-нибудь значительного успеха сделать противнику предложение о мире»¹⁰⁸. Случай был подходящий и для пере-

---

102 См. «علی اکبر بینا» تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۳۵.

103 См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, «Конференция Паскевича с Мирза-Салегом—поверенным Аббас-мирзы», л. 294.

104 См. там же.

105 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, л. 294.

106 См. В. Потто, указ. работа, стр. 362.

107 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, л. 294.

108 А. Л. Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, стр. 291.

говоров с Аббас-мирзой в иранский лагерь Каразиаддин был отправлен А. С. Грибоедов. Он должен был заявить последнему принцу, что Эриванское и Нахичеванское ханства фактически уже принадлежат России. Поэтому, чем больше продлится война, тем дороже она обойдется Ирану, а будущие расходы Ирана намного превзойдут ту сумму, которую сейчас требует Россия и которую оспаривают Каджары. Грибоедов должен был указать еще, что требования России будут возрастать соответственно успехам русской армии.

В связи с этим проф. Бина не без основания отмечает, что «Грибоедов должен был предъявить Аббас-мирзе те же условия мира, которые начальник Главного штаба Дибич предложил Ирану еще в марте 1827 г.»¹⁰⁹.

На переговорах¹¹⁰ Грибоедов напомнил Аббас-мирзе, что Паскевич уже три раза получал предложения о мире. Затем через переводчика подробно объяснил требования России. Когда все было сказано, Аббас-мирза едва не вскочил с места. «Так вот ваши условия. Вы их предписываете иранскому шаху, как своему подданному. Передача двух областей, дань деньгами. Но когда Вы слышали, чтобы шах Ирана сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны. Иран еще не погиб. И Иран имел дни своего счастья и славы». «Но я осмелюсь, — перебил его Грибоедов, — напомнить Вашему высочеству о сефевидском шахе Хусейне, который лишился иранского престола, побежденный афганцами. Представляю Вашему собственному просвещенному уму судить,

---

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،¹⁰⁹
ص ۲۳۶.

¹¹⁰ Переговоры А. С. Грибоедова описаны в его донесении Паскевичу. Мы пользовались копией этого донесения в ЦГИА Груз. ССР, ф. II, оп. 1, д. 20—«Об отправлении из Карабабы надворного советника Грибоедова к Аббас-мирзе для переговоров», лл. 10—24. С 1851 г. это донесение распространялось в списках, с большими текстологическими искажениями. В 1873 г. было опубликовано в жур. «Русская старина»; в 1875 г. в «АКАК» (т. VI, ч. 2); в 1910 г. в «Кавказском сборнике» (т. XXX), в сбор. соч. А. С. Грибоедова, а также в работах Վ. Ա. Պարսաճյան, Ա. Մ. Գրիբոեդովը և հայ-ուղևորական հարաբերությունները, Երևան, 1947; И. Ениколопов, Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 76—84 и др.

насколько русские сильнее афганцев»¹¹¹. «Кто же хвалит за это шаха Хусейна, он поступил подло. Разве и нам следовать его примеру?».

— «Я Вам назову великого человека, императора Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратой престола».

— «И был истинным героем, он защищался до самой крайности»¹¹².

После многих отступлений вернулись к условиям будущего мира. Аббас-мирза настаивал, чтобы русские войска отошли к Карабаху, иранские — в Тавриз, а Нахичеванскую область, кроме Аббасабада, предлагал объявить нейтральной¹¹³. После продолжительных споров остановились на том, что Грибоедов составит и представит принцу проект перемирия. Однако на следующее утро это условие было нарушено. Грибоедову принесли встречный иранский проект перемирия, в котором предлагалось отозвать русские войска из Нахичеванской области и Аббасабада, а район Эчмиадзина объявить нейтральной зоной. Переговоры продолжались до глубокой ночи. Статья об оставлении русскими войсками Эчмиадзина и Нахичеванского ханства была вычеркнута, а в целом — ни к чему не пришли. После этого Аббас-мирза предложил заключить перемирие на 10 месяцев¹¹⁴. Грибоедову сказали, что это необходимо для отдаления от города Хоя шаха, его двора и армии, от которых обнищала вся провинция.

Грибоедов дал почувствовать, что эти причины приводятся только для их пользы и что при настоящих условиях Россия может соблюсти свои выгоды. Наконец, видя, что разговоры о перемирии были предлогом для того, чтобы выиграть время, Грибоедов вернулся в русский лагерь.

Переговоры в Каразиаддине, а также поступившие к концу этих переговоров сведения о том, что в г. Хое собирается 45-тысячная иранская армия¹¹⁵, убедили коман-

¹¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 20, л. 13.

¹¹² Там же, л. 13 об.

¹¹³ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 20, лл. 16—16 об.

¹¹⁴ См. там же, лл. 18 об., 19.

¹¹⁵ См. там же, л. 24 об.

дование Кавказского корпуса в том, что Каджары собираются продолжать войну, несмотря на то, что, по словам А. С. Грибоедова, война эта была «им тягостна и страшна»¹¹⁶, а иранская армия «была готова скорее прятаться, нежели драться»¹¹⁷.

Не исключено также, что Аббас-мирза отклонил предложения Грибоедова о мире еще и потому, что англичане внушили Каджарам, что «пока они не будут сильно упорствовать русским, до тех пор, выгодный для Персии мир заключен не будет»¹¹⁸.

На ход переговоров в Каразиаддине повлиял и отвод частей корпуса к деревне Кара-баба. После занятия Нахичевани и Аббасабада, а также в условиях переговоров о мире (начатых Наджафом Афшари и продолженных А. С. Грибоедовым) русское командование решило дать своим войскам непродолжительный отдых, тем более что в июльскую жару распространялась эпидемия малярии. Аббас-мирза пытался воспользоваться этой обстановкой для организации контрнаступления, а иранские историки извратили эти факты. По их версии, дескать, только тяжелое положение русских войск заставило Паскевича отправить Грибоедова к Аббас-мирзе. «Положение русских в крепости Аббасабад,— отмечает Моктадер,— стало очень тяжелым, так как жара усиливалась, а число больных увеличилось до 1.700 чел. Плохо обстояло дело и с подвозом продовольствия. Поэтому Паскевич отправил Грибоедова в иранский лагерь для заключения мира. Однако из-за сильного волнения Аббас-мирзы и его пренебрежительного отношения к нуждам страны русские предложения были оставлены без внимания и Грибоедов был вынужден вернуться ни с чем»¹¹⁹. Число больных в отряде Бенкендорфа было действительно велико (в каждом батальоне осталось по 400 солдат)¹²⁰. Однако это не относилось ко всему Кавказскому корпусу и Моктадер не мог не знать, что начиная с сентября 1826 г. иранская

¹¹⁶ Там же, л. 21.

¹¹⁷ «Русский архив», 1881, кн. 2, стр. 185 (А. С. Грибоедов—П. Н. Ахвердовой).

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 23.

¹¹⁹ . ۳۱۲ غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، ص

¹²⁰ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 24.

армия терпела одно поражение за другим и нуждалась в мире неизмеримо больше, чем Россия. Другие версии иранских историков не менее тенденциозны. Например, Мирза-Таги-хан Лесан оль-Мольк сообщает, что «...когда Фатх-Али-шаху передали, что Паскевич отправил к Аббас-мирзе посла для заключения мира, шах ответил, что хитрым заявлениям Паскевича не следует придавать никакого значения. Поэтому,— заключает этот автор.— Грибоедов не достиг цели и вернулся в русский лагерь»¹²¹(?).

18 июля русский гарнизон Аббасабада был отведен в высокогорный район села Кара-баба. Необычно жарко было и в Эривани. Осаждавшая этот город дивизия Красовского была отведена в урочище Джан-Гули на Абраманской возвышенности, а в Эчмиадзине были оставлены 700 солдат и местные ополченцы¹²².

В это время Аббас-мирза ждал наступления русских на Тавриз¹²³. Однако узнав о передислокации дивизии Красовского и беззащитности Эчмиадзина, решил выступить к Эривани, чтобы разбить отряд Красовского, затем пойти на Тифлис и, оказавшись в тылу главных сил Кавказского корпуса, принудить Паскевича отказаться от похода на Тавриз.

4 августа армия Аббас-мирзы спустилась в Араратскую долину и через два дня сосредоточилась у деревни Аштарак.

Несмотря на численное превосходство иранских войск, Аббас-мирза не решился атаковать отряд Красовского, занявшего оборону на труднодоступном горном плато. Поэтому он расположил свои войска лагерем в Ошакане и, чтобы выманить отряд Красовского на равнину, частью своих сил осадил Эчмиадзин и подверг монастырь бомбардировке.

Для русского гарнизона и больных госпиталя создавалось угрожающее положение.

میرزاتقی خان لسان الملک، تاریخ قاجاریه، تبریز، ۱۳۱۶، ص ۱۷۳.

¹²² См. Матенадаран, ф. Католикоса Нерсеса Аштаракети, п. 156, док. 811.

غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، ص ۳۱۵.

16 августа канонада возвестила о близкой гибели Эчмиадзина. Оставив в Джан-Гули часть дивизии, трехтысячный отряд Красовского выступил из лагеря. Дорога к Эчмиадзину проходила между рядами крутых возвышенностей, образовавших узкую лошину, в которой иранцы собирались запереть и истребить русский отряд. «С раннего утра до вечера,— рассказывает иранский историк,— под палящим зноем, среди раскаленных камней, шли ожесточенные бои»¹²⁴.

Ценой бесчисленных подвигов и самопожертвования остатки отряда тяжело раненного Красовского героически пробивались к Эчмиадзину¹²⁵.

На следующий день Аббас-мирза узнал о движении к Эчмиадзину основных сил Кавказского корпуса и отвел свою 30-тысячную армию к Эривани.

Ошаканская битва создала на западе ложное представление о некоем пробуждении активности иранской армии, что незамедлительно отразилось на политике Лондонского двора. В середине августа 1827 г. британский кабинет временно воздержался от плана посредничества, на чем с начала года настаивал Каннинг. В Англии, по-видимому, решили, что армия Аббас-мирзы вполне жизнеспособна и может продолжать войну. Поэтому Лондонский двор с большой готовностью принял к сведению новый демарш русского посла в Лондоне Х. А. Ливена о неизменности позиции России, настаивающей на невмешательстве Англии в русско-иранские отношения.

Британский министр иностранных дел заявил тогда Ливену, что его правительству «дружественный и полный доверия язык, на котором составлена депеша императорского министерства, доставил живейшее удовольствие и что он прекрасно оценил мотивы, заставившие императора отклонить посредничество Англии»¹²⁶. Английский министр заметил еще, что «принципы, которыми руководствуется русский император, вполне его успокаивают

¹²⁴ Там же, стр. 315.

¹²⁵ Матенадаран. Архив католикоса Нерсеса Аштаракеци, папка 166, док. 811; ср. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4318, лл. 1—4. В отряде Красовского было 2830 человек.

¹²⁶ АВПР. ф. МИД, Кацелярия, д. 6964, л. 457.

и что вообще ответ Российского двора не оставляет абсолютно ничего желать»¹²⁷.

Однако уже в сентябре 1827 г. английское правительство вновь вернулось к доктрине покойного Каннинга по причинам, которые не трудно было предвидеть. Положение на фронте снова изменилось и отнюдь не в пользу иранской армии. После Ошаканского сражения Паскевич отменил назначенный поход на Тавриз, оставил в Нахичевани прикрывающий отряд ген. Эривана, а сам 5 сентября направился к Эривани. С приближением частей русского корпуса Аббас-мирза отступил за Аракс, к селению Кара-Кала. Это намного облегчило задачу Паскевича и 20 сентября русские заняли Сардарабад.

Озадаченный шах указал Аббас-мирзе без промедления заключить мир. Однако наследный принц «продержал у себя шахский фирман без исполнения. Он считал, что длительная оборона Эривани и похолодания сделают русских умеренными на переговорах»¹²⁸. Вместе с тем он опасался шахского гнева за то, что не выполняет его указания и для отвода глаз отправил к Паскевичу курьера с письмом, в котором содержались общие рассуждения о мире.

«Передайте от меня наследному принцу поклон,— заявил этому курьеру Паскевич,— и скажите, что я удивляюсь, что Его высочество, имея множество способов разведывать о движении наших войск, признал нужным отправить ко мне шпионов, под видом курьеров. Конечно, шахзаде сам бы назвал неосторожностью, если бы я не задержал их у себя на несколько дней. Теперь же скрывать больше нечего»¹²⁹.

23 сентября 1827 г. русские войска сосредоточились на берегу Занги, в двух километрах от Эривани.

Успешные боевые действия русской армии в Восточной Армении с новой силой всколыхнули армянский народ на самоотверженную борьбу против иранских завоевателей. Со всего ханства армяне приходили в русский лагерь и принимали участие в осадных работах. Все это

---

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ АКАК, т. VII, № 528, стр. 569.

¹²⁹ В. Потто, указ. работа, т. 3, стр. 493.

происходило на глазах сардара Хусейн-Кули-хана, который тщетно пытался собрать пополнение для гарнизона крепости. затем был обнаружен русским отрядом и отступил к Старому Баязету (на турецкой границе), а впоследствии залерся в крепости г. Хой¹³⁰. Его брат Хасан-хан с нетерпением ожидал помощи сардара и Аббас-мирзы, так как русская артиллерия уже произвела разрушения в нескольких местах южной ограды¹³¹. Проф. Бина объясняет причины, из-за которых эта помощь не оказывалась: «Аббас-мирза нуждался в деньгах и был не в состоянии вынести на своих плечах бремя войны. Рассказав шаху о положении на фронте, Аббас-мирза просил у него помощи. Однако шах не захотел притрагиваться к своим сокровищам, фактически отстранился от дел и вернулся в Тегеран. Прекращение помощи шаха осложнило положение Аббас-мирзы и вынудило его распустить часть войск»¹³².

В полдень 30 сентября к Паскевичу обратился парламентар от Хасан-хана, который, как видно, не знал о затруднениях Аббас-мирзы и соглашался сдать русским крепость при условии, если ему позволят связаться с Аббас-мирзой»¹³³.

«Без посылок к кому бы то ни было,—ответил Паскевич парламентару и предложил Хасан-хану сдаться безусловно, тотчас же, или узнать силу русского оружия»¹³⁴.

25 сентября русская артиллерия начала обстрел наиболее уязвимого юго-восточного угла крепостной ограды. Под огнем противника инженерные подразделения корпуса, руководимые разжалованным декабристом М. Пущиным, рыли траншеи, окопы, оборудовали огневые позиции. Наиболее опасные для жизни задания Паскевич

¹³⁰ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4292, лл. 1—19.

¹³¹ См. غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۳۱۸.

¹³² علی اکبر بينا، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۲۳۷.

¹³³ غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۳۱۸.

¹³⁴ А. П. Щербатов, указ. работа, т. 2, стр. 327—328.

поручал ссыльным декабристам¹³⁵. 28 сентября брешьбатареи начали громить крепостные стены. Пыль и дым разрушавшихся зданий и взрывающихся бомб густыми облаками неслись над крепостью¹³⁶.

Ранним утром 1 октября в Эривани вспыхнули волнения. Армяне требовали от Хасан-хана немедленной сдачи города, угрожали всеобщим восстанием. Хасан-хан еще колебался, когда тысячи армян, вооружившись чем попало, бросились на стены и прогнали оттуда ошеломленных сарбазов¹³⁷. В связи с этим, странным и безответственным выглядит утверждение проф. Бина о том, что «население Эривани потеряло надежду на помощь из Тегерана и, видя безнадежность своего положения, пало духом»¹³⁸ (?).

Сформированный из декабристов сводный лейб-гвардии полк первым прорвался в крепость в районе юго-восточной башни, затем быстро направился к северным воротам, чтобы не позволить противнику уйти из крепости. Сюда же подошел отряд ген. Красовского. Откопав и отбросив ворота, тысячи солдат устремились в крепость и принудили иранский гарнизон сложить оружие.

При вступлении русских в город, к Паскевичу явился курьер секретаря английского посольства с просьбой принять Кемпбелла, чтобы он мог сообщить свои предложения о мире¹³⁹. Паскевич рекомендовал дожидаться его в Аббасабаде и не приезжать в Эривань. Генерал придерживался секретной инструкции Нессельроде от 23 апреля 1827 г., предписывавшей «не допускать посредничества английской миссии»¹⁴⁰, хотя и нарушил ее тем, что подобрал далеко не дружеские выражения. Во всяком случае, Паскевич дал Кемпбеллу понять, что не огра-

¹³⁵ См. З. Т. Григорян, Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в., стр. 114. Ср. цит. работы В. А. Парсамяна.

¹³⁶ См. М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, Ереван, 1956, стр. 193.

¹³⁷ См. А. В. Фадеев, Россия и Восточный кризис, стр. 160.

¹³⁸ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۳۸.

¹³⁹ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 483, оп. 2, л. 240

¹⁴⁰ АКАК, т. VII, № 503, стр. 540.

ничится взятием Эривани и скоро будет на берегу Аракса, где, кстати, перед этим были замечены «иранские орудия и при них четыре англичанина»¹⁴¹.

Причины сильнейшего беспокойства английских дипломатов объясняет иранский историк: «Эривань был тем стратегическим пунктом, с падением которого все области, расположенные севернее Аракса, должны были отойти к России»¹⁴².

Армянское население города восторженно встретило победителей. Хачатур Абовян видел, как «старики, дети, девушки, старухи... бросаются на шею солдатам и замирают у них на груди в душевном умилении... в тысячах мест, тысячах окон люди не в силах были рот открыть, — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие глаза говорят без слов»¹⁴³.

Символизируя дружбу братских народов, в боях за освобождение Эривани вместе с русскими войсками храбро сражались сосланные на Кавказ декабристы, а также отважные армянские, грузинские и азербайджанские ополченцы.

«Армения наших предков, — говорится в рукописи Матенадарана, — Армения легендарного Хайка, великодушная страна Арартской долины освобождена от тысячелетних мук, адского рабства и незаконной тирании варваров (*Ի դժբխտազնաց զերուժիանց և յանորեն քնշ-կտուրժիանց բարբարոսաց*)¹⁴⁴,

«Солнце жизни взошло над Араратской страной, — писали на родину армяне из далекой Индии, — Армения воскресла, как феникс — могучая птица из греческой мифологии, которую сожгли жрецы, а она через тысячу лет возродилась из пепла»¹⁴⁵.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, л. 221; д. 4312, л. 109.

¹⁴² علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۲۷—۲۲۸.

¹⁴³ Х. Абовян, Раны Армении, 1948, стр. 137.

¹⁴⁴ Матенадаран, ф. Архив католикоса Нерсеса Аштаракецци, папка 166, док. 821.

¹⁴⁵ «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 105. Подробно о письмах калькуттских армян см. В. А. Парсамян, А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947, стр. 89—90.

Преемник Каннинга, умершего 8 августа 1827 г., бывший статс-секретарь колоний виконт Годерич по отношению к России проводил традиционную «политику надувательства». Памятную записку графа Нессельроде о неизменности позиции России, отклонившей до этого предложения Англии о посредничестве в иранском вопросе, Годерич принял у Ливена с показным «живейшим удовлетворением»¹⁴⁶. Вскоре, однако, выяснилось, насколько это «удовольствие» было искренним.

Уже в первой половине сентября 1827 г. в Лондоне стало известно, что после Ошаканской битвы армия Аббас-мирзы отошла к Эривани, а с подходом туда русских войск вовсе отступила за Аракс. В этих неблагоприятных для Ирана условиях Лондонский двор возвращается к плану английского посредничества, несмотря на то, что после заверений Годерича¹⁴⁷ об отказе Англии от посредничества не прошло и одного месяца.

В сентябре 1827 г. британский министр иностранных дел заявил русскому послу в Лондоне, что английское правительство посылает в Иран Виллока и очень хотело бы, чтобы он отправился туда через Петербург¹⁴⁸.

Намеченный для Виллока маршрут имел целью склонить Петербургский двор к заключению выгодного для Ирана мира. В последующих донесениях Ливена миссия Виллока упоминается только в конце сентября 1827 г. На этот раз русский посол указал, что маршрут поездки английского дипломата изменен и что Виллок отправится в Иран не через Петербург, как предполагалось прежде, а через Одессу и Грузию. Это решение было результатом не только более зрелых размышлений о сущности ответа на предложение о посредничестве, о чем писал Ливен, и с которым обратился к царю лондонский кабинет¹⁴⁹. На наш взгляд, после падения Сардар-абада, Эриванской крепости и отступления армии Аббас-мирзы за Аракс, английское правительство опасалось, что продолжительная по времени поездка Виллока через

¹⁴⁶ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6964, л. 457.

¹⁴⁷ См. там же.

¹⁴⁸ См. там же, л. 458.

¹⁴⁹ См. там же, д. 6968, л. 127.

Петербург кончится тем, что он задержится в пути и останется в стороне от событий, так как наступательные операции русских войск проходили в быстром темпе. В этих условиях в Лондоне могли считать, что Виллок скорее всего нужен в Иране, где он непосредственно успеет вмешаться в конфликт, чтобы воздействовать на ход событий, чем в Петербурге, где его могли задержать или оттянуть переговоры до окончания войны.

Между тем поездка Виллока в Иран откладывалась изо дня в день, пока не была назначена на 9 октября. При этом маршрут его поездки снова был изменен. Эти колебания говорили о том, что в Лондоне так и не дождалось стабильности положения на русско-иранском фронте, так как после падения Эривани и Тавриза война фактически кончилась, а Англия была поставлена перед совершившимся фактом, прежде чем ее посол успел приехать в Иран.

7 октября Ливен получил письмо от британского министерства иностранных дел, в котором отмечалось, что Виллок все же предполагает ехать в Петербург, где он обратится с демаршем только в том случае, если британский кабинет снабдит его информацией и полномочиями для участия в установлении мира. «Мы не хотим, — указывалось далее в письме, — чтобы это приняло характер официального заявления или попытки возобновить предложение о посредничестве, которое уже было отклонено»¹⁵⁰. Таким образом, английское правительство настойчиво добивалось посредничества на переговорах и в то же время, вопреки фактам, заверяло, что не возобновляет свои предложения о посредничестве, которые уже были отклонены Россией. Во всей этой истории с посредничеством (официальным и неофициальным) Англия стремилась соблюсти свои собственные интересы в Иране. Этому благоприятствовали настойчивые просьбы шаха о вмешательстве Англии с тем, чтобы с Россией был подписан выгодный мир. Кроме того, соблюдались интересы и Ост-Индской компании. Ливен доносил из Лондона, что «на одном собрании акционеров Ост-Индской компании английский полковник Стенхок внес предложение призвать английское правительство принять меры

¹⁵⁰ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6963, лл. 150—150 об.

для того, чтобы остановить успехи русских в Персии»¹⁵¹. Однако иранская армия была разбита, и изменить положение было невозможно. Безнадежность положения иранской армии был вынужден признать и Фатх-Али-шах. Он объявил Аббас-мирзе, что «не может дать ни солдат, ни денег и не отвечает за спокойствие в Персии, ибо находящиеся при нем войска выходят из подчинения и разбегаются»¹⁵². Шах пытался свалить вину за поражение Ирана на англичан и наследного принца, которых называл «зачинщиками войны»¹⁵³. Делал он это для того, чтобы отвести от себя гнев народа Ирана и снять с себя ответственность за поражение в войне, несмотря на то, что был одним из ее главных организаторов.

В безнадежном положении Аббас-мирза в последний раз пытался овладеть Нахичеванью, однако снова был отброшен за Аракс и отвел свои деморализованные войска в г. Хой. Воспользовавшись этим, отряд ген. Эростова вышел у Джульфы на тавризскую дорогу¹⁵⁴, и в то время, когда Паскевич торжественно отмечал взятие Эривани, занял г. Маранд¹⁵⁵.

Путь в столицу Южного Азербайджана был открыт. Для похода на Тавриз главные силы корпуса 12 октября прибыли в Нахичевань. Здесь к Паскевичу обратились беглярбек Тавриза Фатх-Али-хан и секретарь английской миссии Кемпбелл.

«Он сказал мне,— рассказывает Паскевич о встрече с британским дипломатом,— что имеет словесное поручение от английского посла Макдональда лично удостоверить меня в искренности персиян и согласиться на взаимных условиях к скорейшему заключению мира, о чем г. Макдональд имеет письмо от шаха»¹⁵⁶.

Чтобы не допустить английского посредничества, Паскевич написал Макдональду, что заключение мира «зависит только от иранского правительства и что впредь он больше не примет тех, кто не имеет полномочий ша-

151 АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6964, л. 138 об.

152 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4337, л. 7.

153 Там же, л. 8.

154 См. «غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۳۱۸»

155 См. АКАК, т. VII, № 528, стр. 570.

156 ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 438, оп. 2, л. 24 об.

ха»¹⁵⁷. «С англичанином,— говорится в донесении Паскевича Николаю,— я ни о чем не распространялся и учтиво его отправил, как человека постороннего в наших делах с Персией»¹⁵⁸.

11 октября войска ген. Эрстова выступили из Маранда. На пути к Тавризу толпы армян и азербайджанцев выходили им навстречу, приносили в жертву быков и всячески выражали свою радость. Установив, что у Аббас-мирзы осталось не более трех тысяч солдат, Эрстов решил овладеть Тавризом до подхода главных сил корпуса. Грузинский князь не собирался упускать счастливого случая, чтобы отомстить Каджарам за разорение Тифлиса войсками Ага-Мохаммед-хана. К тому же представлялась возможность опередить Аббас-мирзу, который, по имевшимся у Эрстова данным, собирался уничтожить или вывезти из Тавриза все боевые и продовольственные припасы¹⁵⁹.

Накануне капитуляции в агонизируемом городе шла ожесточенная борьба. Когда отряды ген. Панкратьева и полковника Муравьева приближались к Тавризу, тысячи горожан бросились во дворец Аббас-мирзы и разграбили все, что годами грабил наследный принц, а под конец не успел увезти¹⁶⁰.

Из рапортов Паскевича и дипломатического агента Карганова видно, что к исходу 1827 г. в Тавризе, так же как и во всем Южном Азербайджане, азербайджанский народ ненавидел режим, установленный Каджарской династией. Наиболее ярко эта ненависть проявилась после того, как в начале 1827 г. шах назначил своего зятя (обворовавшего перед этим казну) Аллахяр-хана хакимом Тавриза¹⁶¹. Бина признает, что «население Тавриза было крайне недовольно этим назначением, т. к. Азербайджан больше других провинций пострадал от русско-иранской войны и остро нуждался в восстановлении разрушенного хозяйства, а Аллахяр-хан плохо обращался с населе-

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ АКАК. т. VII, № 528, стр. 569.

¹⁵⁹ См. там же, № 526, стр. 568.

¹⁶⁰ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, л. 274, л. 1 (Карганов—Паскевичу, 18 октября 1827 г.).

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. ВУА, Коллекция 444, д. 3, л. 15 об.

ншем»¹⁶². Как видно, национальные чувства иранского историка не позволили ему рассказать о кровавых преступлениях своего соотечественника. Между тем в рапорте царю Паскевич доносил, что Аллахяр-хан использовал все средства, чтобы заставить всех недовольных Каджарами оборонять город. «По его приказу, у неповинующихся отрезали уши, носы и выкалывали глаза»¹⁶³. В результате, с приближением к городу отряда Эрнстова, «население Тавриза наотрез отказалось выполнять распоряжения Аллахяр-хана; не участвовало в обороне города и открыто сотрудничало с русскими»¹⁶⁴. Другой иранский историк проф. Эгбал пытается смягчить краски. По его версии, Аллахяр-хан всегда осуждал систему обучения иранской армии, введенную Аббас-мирзой, а в минуту опасности, вместо организации обороны Тавриза, испугался и спрятался в доме своего приятеля, после чего русские войска, по приглашению местных жителей, вошли в город»¹⁶⁵. Не в меньшем замешательстве были находившиеся в Тавризе англичане: Виллок, Кемпбелл, Гарт и персонал английских военнослужащих, работавших на тавризском пороховом заводе и арсенале¹⁶⁶. Чтобы подбодрить смертельно напуганного Аббас-мирзу, англичане подарили ему 100 тыс. рублей и два вьюка кашмирских шалей¹⁶⁷. Наследный принц подачку принял, а Тавриз все же покинул накануне капитуляции.

К полудню 13 октября, когда ген. Эрнстов выстроил свой отряд вдоль берега реки Аджи-чай, чтобы их можно

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،¹⁶²
ص ۲۲۲.

¹⁶³ АКАК, т. VII, № 526, стр. 568.

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،¹⁶⁴
چاپ اول، ص ۲۲۳.

По данным عباس اقبال، تاریخ مفصل ایران، ص ۳۸۷.¹⁶⁵

Паскевича, Аллахяр-хан был взят в плен на окраине Тавриза казаком Помелевым (АКАК, т. VII, № 526, стр. 508).

¹⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 274, л. 1 (Карганов—Паскевичу, 18 октября 1827 г.). Ср. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4312, л. 77 и «Утвержденные русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 1, стр. 306.

¹⁶⁷ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 239, л. 1.

было видеть из Тавриза, и отправил в город Херсонский гренадерский полк, Тавриз был охвачен восстанием.

Капитуляция Тавриза была крушением деспотичной политики Каджаров. Это признает проф. М. Махмуд и другие иранские историки. В отличие от них крайне непоследовательный проф. Бина капитуляцию Тавриза без всякого основания объясняет «военным счастьем Паскевича», «вынужденным роспуском части тавризского гарнизона», а также «самоустранением шаха от войны и прекращением его финансовой помощи»¹⁶⁸.

После капитуляции Тавриза Кемпбелл снова приехал к Паскевичу, который в это время с главными силами корпуса подходил к Маранду¹⁶⁹. Главнокомандующему было передано письмо Аббас-мирзы, в котором он уведомлял, что желает приехать на переговоры и что на это имеет указание шаха. Паскевич ответил, что отправляется в Тавриз, где необходимо его присутствие, а через несколько дней можно будет договориться и о встрече¹⁷⁰. По этому поводу Паскевич написал царю, что временно отказался от встречи с Аббас-мирзой, так как в письме наследного принца ничего не говорилось о согласии на предварительную выплату пяти куруров контрибуции.

На следующий день беглярбек Тавриза Фатх-Али-хан посетил Паскевича и передал ему повторную просьбу Аббас-мирзы о встрече. Когда речь зашла о контрибуции, Фатх-Али-хан заметил, что после капитуляции Тавриза наследный принц находится в самом стесненном положении, так как вместе с Тавризом у него отобрали весь Азербайджан — единственный источник его доходов¹⁷¹.

Паскевич напомнил Фатх-Али-хану, что перед этим был обманут в Нахичевани, где от имени Аббас-мирзы

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،
ص ۲۳۷.

¹⁶⁹ Рапорт Паскевича Николаю I от 29 октября 1827 г. (АКАК, т. VII, № 528, стр. 570). Моктадер ошибочно указывает, что Паскевич находился тогда на пути между Марандом и Тавризом. Об этом см. *غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، ص ۳۱۹*.

¹⁷⁰ См. АКАК, т. VII, № 526, стр. 568.

¹⁷¹ См. там же, № 528, стр. 568.

он обещал доставить в русский лагерь в Маранде первые 5 куруров и в связи с этим объявил беглярбеку, что дополнительно к прежним условиям (десяти курурам), требует дополнительно еще пять куруров¹⁷². После этого Паскевич написал царю, что вынужден был повысить свои требования, потому что, придерживаясь прежних условий, дал бы персам повод оттягивать заключение мира, так как в этом случае иранское правительство могло бы считать, что никогда не поздно заключить с Россией мир на прежних условиях и в связи с этим прибегало бы к проволочкам в надежде на успех.

Паскевич считал также, что следует использовать успехи русской армии с тем, чтобы первые пять куруров получить как можно быстрее.

После капитуляции Тавриза на окраинах Ирана поднимались восстания. Вожди племен, у которых отпрыски шаха некогда отняли власть или изгнали их, теперь возвращались на места, боролись за реставрацию былых привилегий и добивались сотрудничества с русским командованием¹⁷³. Однако Паскевич был начеку. Для его классовых позиций типично следующее донесение царю: «Я, — писал Паскевич, — не призывал ханов к содействию русским, не призывал к восстанию городских жителей и кочевых племен, не обольщал их надеждами, что они будут избавлены от персидских притеснителей»¹⁷⁴. В соответствии с этой политикой в Азербайджане распространялись листовки, призывавшие население к мирной жизни¹⁷⁵, и пресекались антиправительственные выступления. Например, восставшее курдское племя шекак, хан которого некогда пытался овладеть иранским престолом, вышло на тегеранскую дорогу, чтобы в столице низложить шаха и его династию. Однако по указанию Паскевича курды прекратили борьбу¹⁷⁶.

После капитуляции Тавриза население этого города несколько успокоилось, однако Паскевичу легко было

¹⁷² См. там же, стр. 570.

¹⁷³ См. *علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، چاپ دوم، ص ۲۴۰.*

¹⁷⁴ См. АКАК, т. VII, № 528, стр. 570.

¹⁷⁵ См. В. Потто, указ. работа, стр. 548.

¹⁷⁶ См. АКАК, т. VII, № 528, стр. 571.

предвидеть, что именно здесь, раньше, чем в других городах, снова может вспыхнуть восстание. Паскевич и здесь был начеку, и когда 20 октября он въехал в Тавриз и узнал, что Аббас-мирза отправил к нему каймакама с полномочиями заключить мир¹⁷⁷, Паскевич отказался принять его в Тавризе, чтобы не вызвать народного гнева. В деревню Кара-Мелик, расположенную в 7 километрах от столицы Южного Азербайджана, был отправлен русский дипломатический чиновник Обрезков для встречи и переговоров с каймакамом Мирза-Аболь-Касемом, сыном умершего Мирза-Бозорга, а царю Паскевич доложил, что не хотел создавать у азербайджанского народа впечатление, что Россия возвращает шаху занятый русскими Азербайджан, население которого ненавидело Каджаров¹⁷⁸. По этому поводу дореволюционный историк В. Потто писал, что Паскевичу «нужно было опасаться, что Аббас-мирза действует двулично и под предлогом переговоров прислал любимого народом (литератора.—Б. Б.) и пользовавшегося в нем большим влиянием каймакама для того, чтобы произвести в Тавризе возмущение»¹⁷⁹ в пользу Каджаров. Однако В. Потто опровергает себя, когда признает, что Азербайджан «единодушно отложился от Каджаров», которые «могли внести в него ужасы восточной мести и деспотизма»¹⁸⁰.

Призрак восстаний пугал Паскевича настолько, что он даже принимал меры для организации безопасности Аббас-мирзы, против армии которого русские войска воевали с 1804 года. «Я мог взять в плен Аббас-мирзу,— писал Паскевич,— когда он, всеми оставленный с малым числом войск, ожидал моего ответа в Салмасе. Многие из ханов просили разрешения схватить его, но я не хотел рвать связи народа(?) с его прежним правителем, опасаясь, что после этого не с кем будет положить основание мира»¹⁸¹. Именно поэтому, по словам этого царского

---

177 См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۴۰.

178 См. АКАК, т. VII, № 528, стр. 570.

179 В. Потто, указ. работа, т. 3, СПб., 1886, стр. 547.

180 Там же, стр. 548.

181 АКАК, т. VII, № 528, стр. 570.

сатрапа, «свободный Аббас-мирза для него был лучше пленного Аббас-мирзы»¹⁸².

7

В последние годы иранские исследователи все чаще обращаются к истории второй русско-иранской войны и все более решительно пересматривают прежние концепции иранской историографии. Основные направления этого нового курса, разработанные в Тегеранском и Тавризском университетах, почти не изучены. Проф. А. Бина отмечает, что «англичане, для того чтобы разжечь русско-иранскую войну и привязать русские армии к северозападным границам Ирана, оказывали на Каджаров сильнейшее давление. Таким путем Англия стремилась отвлечь внимание царского правительства от Британской Индии и восточных границ Ирана»¹⁸³. Аналогичные высказывания встречаются и у проф. М. Махмуда. Ссылаясь на книгу Ричарда Лоджа «Новая история Европы», он считает, например, что «после того, как могущественная Россия распространила в Азии колоссальное влияние, Англия уничтожила в Европе «Священный союз» с тем, чтобы использовать русские армии для ослабления Ирана и Турции»¹⁸⁴. «Английские источники, — поясняет далее Махмуд, — доказывают, что Англия не хотела допустить, чтобы с Индией граничило сильное, влиятельное государство. Именно поэтому для ослабления Ирана Англия использовала Россию как орудие своей политики и спровоцировала вторую русско-иранскую войну, которая благодаря безнадежной слабости иранской армии закончилась победой России»¹⁸⁵. В этой связи М. Махмуд указывает на главные, по его мнению, итоги англо-русской политики на Востоке: «Чтобы отвлечь Россию и

¹⁸² В. Потто, указ. работа, стр. 549.

¹⁸³ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، تهران، ۱۳۳۳ ص ۲۳۴.

¹⁸⁴ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۳۴.

¹⁸⁵ Там же, стр. 133—134.

Иран от Индии и с этой же целью ослабить Иран, а Турцию ослабить для того, чтобы она не уничтожила Грецию, Англия и Россия привлекли на свою сторону Францию и разбили турецко-египетский флот в Наваринском сражении. Затем Англия санкционировала продвижение русских армий до Аракса в войне с Ираном и до Карса в войне с Турцией. Впоследствии, когда дальнейшее продвижение русских в Турции угрожало разгромом Османской империи, а продвижение русских от Тавриза к Тегерану и в Средней Азии угрожало безопасности Индии, Англия, вместе с другими государствами, приостановила дальнейший натиск России заключением Туркманчайского и Адрианопольского договоров¹⁸⁶. Главными организаторами этой политики М. Махмуд считает Каннинга и Веллингтона, который «в 1826 г. подписал в Петербурге соглашение с царем, а через два года стал премьер-министром Англии и не препятствовал намерениям России»¹⁸⁷. В другом месте М. Махмуд утверждает, что «Англия развязала руки России для ослабления Ирана и Турции, однако об этом ничего не сообщила России. И пока в Петербурге разбирались в английской политике, русские войска продвинулись в глубь Азии, что создавало новую угрозу безопасности Индии, но уже со стороны России»¹⁸⁸. «С тех пор англо-русские противоречия усиливались, каждая из них проводила свою политику в Азии, а все последующие несчастья Ирана и Турции были вызваны англо-русской борьбой на Востоке. Борьба эта, заключает М. Махмуд, продолжалась до тех пор, пока Николай I понял, что вражда России с Ираном заканчивается к выгоде Англии. Поэтому Россия улучшила свои отношения с Ираном, в чем можно было убедиться после убийства А. С. Грибоедова»¹⁸⁹.

Политику английского правительства, «направленную на ослабление Ирана и Турции», М. Махмуд называет «политикой мирового господства, благодаря которой могущественные державы стремились удержать в

---

¹⁸⁶ Там же, стр. 197, 234.

¹⁸⁷ Там же, стр. 197.

¹⁸⁸ Там же, стр. 233—234.

¹⁸⁹ См. там же, стр. 235.

своих руках слабые государства»¹⁹⁰. В этой связи он цитирует высказывания английских историков, в основном бывших английских дипломатов в Иране — Джонса и Малькольма, которые осуждали британское министерство иностранных дел за то, что «Англия, — по их словам, — связала Иран по рукам и ногам и, несмотря на Англо-иранский договор 1814 г., принесла в жертву Санкт-Петербуржскому двору»¹⁹¹.

М. Махмуд сожалеет, что Каннинг не прислушался к этим, по его мнению, трезвым голосам и, повторяя версию британского дипломата и историка Гренвилля, приходит к выводу, что «Каннинг был тайно связан с русскими»¹⁹², что «в душе этого британского министра сидело огромное несчастье в образе чарующей, дьявольски соблазнительной жены российского посла Дарьи Христофоровны Ливен»¹⁹³.

Для всех политических партий Англии, указывает М. Махмуд, было ясно, что Каннинг, находясь под сильнейшим влиянием этого пленительного дипломата, сознательно прибегал к различным уловкам, чтобы уйти от договорных обязательств Англии по отношению к Ирану»¹⁹⁴ и что «благодаря Дарье Ливен, этой умнейшей, по его словам, женщине в Лондоне и первоклассной разведчице российских императоров, Каннинг отправил в Петербург Веллингтона и подписал с царем секретный протокол, по которому Россия получила возможность предпринимать на Востоке любые шаги»¹⁹⁵.

¹⁹⁰ Там же, стр. 199.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же, стр. 197.

¹⁹³ Репутация Дарьи Христофоровны Ливен (1785—1857) установилась после Аахенского конгресса 1818 г., когда началось ее сближение с Меттернихом. Будучи хозяйкой политического салона в Лондоне, она установила тесные связи с английским королем Георгом IV, Кестльри, Каннингом и Греем. Это позволило русскому правительству пользоваться ее услугами для получения нужной информации и организации различных интриг в политических кругах Англии.

¹⁹⁴ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس،¹⁹⁴

¹⁹⁵ Там же, стр. 197.

В отличие от М. Махмуда, исследователь «Русско-иранских отношений в первой половине XIX в.» проф. Ахмед Тадж-Бахш упрекает представителей династии Каджаров за то, что они «болезненно реагировали на продвижение русских в районе озера Севан и, начав войну, лишили себя огромной территории в Закавказье»¹⁹⁶. Он осуждает шаха, который, по его мнению, «не мог понять, что Иран намного слабее России, разбившей наполеоновскую Францию, и в надежде на английскую помощь начал против русских войну»¹⁹⁷, а также за то, что «после убийства А. С. Грибоедова в политике царя шах неведомо откуда усмотрел слабость России и даже собирался начать против нее новую войну»¹⁹⁸. Это, однако, не помешало тавризмскому профессору восхищаться «патриотизмом» Каджаров, которые, по его словам, «быстро и решительно отвечали на любые выпады русских», и сожалеть, что эта «борьба неравных сил неминуемо должна была привести к поражению слабого, надеющегося на чужую помощь Ирана»¹⁹⁹. Каджаров нельзя осуждать! — восклицает доктор Тадж-Бахш и горько сожалеет, что «в Иране тогда не было радио, а связь была настолько ничтожной, что даже о Тильзитском договоре в Тегеране узнали через несколько месяцев»²⁰⁰.

Вершиной «аналитического» творчества Тадж-Бахша является его заявление о том, что в 20-х годах XIX в. не было Организации Объединенных Наций, которая могла бы защитить права и независимость малых народов и в связи с этим отмечает, что «Англию никогда не интересовали проблемы иранской безопасности и если какое-нибудь государство хотело Ирану помочь, то делало это для того, чтобы соблюсти свои собственные выгоды, которые совпадали с интересами Ирана»²⁰¹.

Анализируя преобладающие в иранской историогра-

¹⁹⁶ احمد تاج بخش، روابط ايران و روسيه در نيمه اول قرن نوزدهم، ص ۱۷۴.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же, стр. 176.

²⁰¹ Там же, стр. 175—176.

фии мнения историков, Бина приходит к выводу, что «Иран был жертвой европейской политики»²⁰², и напоминает в связи с этим, что сперва Наполеон превратил Иран в раба своей политики в Тильзите²⁰³, а потом Англия принесла Иран в жертву для «обеспечения безопасности Индии: прикрываясь ложной дружбой, толкнула Иран на войну с Россией, а потом втянула его в войну с Афганистаном»²⁰⁴.

Нетрудно заметить, что общее, доминирующее направление концепций иранских ученых связано с разоблачением экспансионистской политики Англии на Востоке. Не отрицая такого трезвого подхода при освещении ряда рассмотренных вопросов, отметим, что новый курс иранской историографии не избавлен от ошибок. Нельзя, например оправдывать агрессию Ирана только английским вмешательством и подстрекательством, а также версией о несамостоятельности восточной полити-

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،²⁰²
ص ۱۷۴.

²⁰³ Тильзитский договор был нарушением подписанного в Финкенштейне франко-иранского соглашения. Поэтому французская дипломатия пыталась убедить Каджаров, что союз с Россией вызван временными дипломатическими соображениями и что Франция вернет Ирану Грузию. Наполеон написал еще шаху, что Иран не упоминается в Тильзитском договоре потому, что посол шаха при подписании этого договора не присутствовал. Эту версию Наполеона повторяют иранские историки Аббас Эгбаль и М. Махмуд. تاریخ (عباس اقبال، تاریخ)

فصل ایران، تهران، ۱۳۲۰، ص ۳۶۵. محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۷۵) Между тем в фонде

Воронцовых Архива ЛОИИ АН СССР (переплет 191, л. 141—141 об.) хранится рукопись И. Дивова, руководившего с 1805 по 1820 гг. секретным отделом МИД России. В этой рукописи приведены три секретные статьи Тильзитского договора. Во второй из них говорится: «Франция отказывается от своего посредничества как по отношению к Турции, так и по отношению к Персии, предоставляя воюющим странам устраивать свои дела самим». Таким образом, Тильзитский договор гарантировал невмешательство Франции в русско-иранские отношения.

علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران،²⁰⁴
ص ۲۴۷.

ки царской России, которая, в иранской интерпретации, слепо выполняла волю британского правительства в отношениях с Ираном и Турцией.

Несостоятельность этой тенденции, отгораживающей Каджаров от всякой ответственности за начатую ими войну против России, вполне очевидна.

Неверным является и утверждение иранских ученых будто Англия с помощью русских армий стремилась ослабить Иран, для того чтобы обеспечить безопасность Индии от иранской угрозы. Навряд ли Ост-Индская компания опасалась нападения иранской армии, которую она сама вооружала и финансировала.

Столь же тенденциозны заявления иранских историков о том, что Англия спровоцировала Иран на войну для того, чтобы привязать русские армии к Закавказью и таким путем отвлечь их от Индии. В исторической литературе доказано, что никакой реальной угрозы Индии со стороны России не существовало, а шумихой о «русской угрозе» Англия стремилась отвлечь внимание мировой общественности от агрессивных акций английских колонизаторов в Азии. Известно, что иранский вопрос рассматривался британскими дипломатами как подсобный по отношению к греческой и турецкой проблемам. Вследствие этого подстрекательская деятельность султанской Турции, добивавшейся русско-иранской войны для того, чтобы отвести от себя угрозы России, также не нашла сколько-нибудь объективного отражения в иранской историографии. Оставляя в тени происки турецкого султана, иранские историки пытаются извратить смысл Петербургского протокола от 4 апреля 1826 г., который целиком был посвящен греческой проблеме. Несмотря на это, в иранской историографии этот протокол считают главной причиной второй русско-иранской войны и поражения Ирана. «Внешне,— утверждает М. Махмуд,— последняя русско-иранская война произошла из-за пограничных споров. Однако имеется связь между секретно подготовленными планами раздела Османской империи и Ирана, осуществленных почти в одно и то же время, для одной и той же цели»²⁰⁵. «Споры на русско-

²⁰⁵ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس،

иранской границе,— замечает далее М. Махмуд,— были таким же поводом к войне, каким был греческий вопрос для войны против Оттоманской империи»²⁰⁶, и приходит к выводу, что «Англия и Россия договорились о том, что если русские отодвинут свои границы к Араксу, то в этом вопросе они не встретят возражений Лондона»²⁰⁷ (?).

Произвольное толкование Петербургского протокола, в котором Иран совершенно не упоминался, привело иранских историков к субъективной оценке британской внешней политики при Каннинге и Веллингтоне, гиперболизации влияния графини Ливен на эту политику, а также к ложной версии о существовании англо-русского плана раздела Ирана и Турции. Анализ персоязычных источников и архивных материалов показал, что на деле существовал тайный сговор иранских реваншистов с их британскими покровителями в вопросе координации их дипломатической деятельности в годы второй русско-иранской войны. На различных этапах этой войны, в зависимости от хода военных действий, Англия изменяла тактическую линию своей дипломатии: в период иранского наступления — сохраняла «нейтралитет», а с переходом русских войск в контрнаступление — добилась вмешательства Англии в русско-иранские отношения для восстановления границ Гюлистанского договора.

Концепция иранских историков в этом вопросе искусственно связывается с английской версией об обороне Индии. По мнению проф. Бина, «русское наступление привело в ужас английского посла Макдональда», который считал, что «успехи русских войск в конечном итоге угрожают безопасности Британской Индии, и потому отдал шаху 200 тысяч туманов, чтобы последний расплатился с русскими и приостановил их наступление»²⁰⁸.

Нельзя не обратить внимания и на ошибочность оценки русско-иранских и англо-русских отношений в 1829 г. После убийства А. С. Грибоедова Россия улучши-

²⁰⁶ Там же, стр. 195.

²⁰⁷ Там же, стр. 192.

²⁰⁸ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۲۵.

ла свои отношения с Ираном вовсе не потому, что «Николай I понял, что англо-русская борьба на Востоке обычно заканчивалась к выгоде Англии», а потому, что Россия в то время воевала с Турцией и нуждалась в нейтралитете Ирана, чтобы избежать второго фронта на Среднем Востоке. Кроме того, Туркманчайский договор 1828 г. удовлетворил претензии царской России, обеспечил ее экономическое и политическое преобладание в Иране и значительно подорвал влияние Англии.

Нельзя также согласиться и с иранской оценкой причин, приведших к развалу «Священного союза», который, по мнению иранских историков, был разрушен Англией, для того чтобы предоставить России возможность ослабить Иран путем продвижения русских армий до Аракса²⁰⁹. Оплот легитимизма—«Священный союз» был взорван революционным движением в европейских странах, на Балканах, а также восстанием декабристов. Что же касается крутого поворота политики Каннинга, признавшего эти революции, то это было вынужденным признанием крушения международной контрреволюционной организации, какой был «Священный союз», и провалом собственных архиреакционных концепций британского министра иностранных дел.

Так же тенденциозно освещаются в иранской историографии повод и причины, приведшие ко второй русско-иранской войне. Споры на границах действительно были поводом к этой войне. Однако они были поводом не для России, которая, по иранской версии, будто получила у Англии санкцию и отодвинула свои границы к Араксу. Эти пограничные споры были инспирированы Ираном для нападения на Россию. Уже отмечалось, что в январе 1827 г. русский посол в Лондоне Х. А. Ливен в беседе с Д. Каннингом обвинил Англию в подстрекательстве Ирана к войне. Ливен указал тогда, что Англо-иранский договор в 1814 г. поощрял тегеранский двор напасть на Россию, ибо шах был уверен, что английские субси-

---

²⁰⁹ См. محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگلستان،

дии не замедлят попасть в персидскую казну, а в случае опасности Персия может спрятаться за спиной Англии²¹⁰.

Ложная версия о том, что Россия спровоцировала Иран на эту войну, имела широкое распространение в работах немецких ученых и ученых других европейских стран. Большой интерес представляют замечания В. И. Ленина, сделанные по поводу книги гамбургского профессора Т. Егера «Персия и персидский вопрос»²¹¹.

В. И. Ленин высмеивает Т. Егера за то, что тот пытался доказать, будто Россия втянула Иран в войну против России, т. е. против самой себя. Это критическое замечание В. И. Ленина, отвергающее антинаучные концепции Егера, является критерием для правильной оценки политики царизма и международной обстановки на Востоке в 1826 г. В то время Россия действительно готовилась к войне против Турции, однако при этом решительно избегала второго фронта на Востоке и поэтому крайне нуждалась в нейтралитете Ирана. Только для сохранения мира с Ираном в начале 1826 г. к шаху была отправлена миссия Меншикова, которую вероломно провалили происки английской и турецкой дипломатий, использовавших реваншистские тенденции Каджаров и вторжение иранских войск в Закавказье.

---

²¹⁰ См. АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6963, лл. 7, 7 об.

²¹¹ См. «Ленинский сборник», т. XXIX, М., 1936, стр. 351.

Глава третья

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИР

1

Лондонская конвенция трех держав (от 6 июля 1827 г.) до предела обострила Восточный кризис. Греция присоединилась к этой конвенции, а султан объявил, что не желает даже знакомиться с ее содержанием и, в ответ на угрозы трех держав, объединил в Наваринской гавани турецкий и египетский флот.

18 октября союзные эскадры появились на Наваринском рейде, чтобы не дать возможности туркам перебросить в Грецию новые контингенты войск и передать султану ультиматум, предлагающий отозвать из Греции турецкие войска. На ультиматум союзных держав турки ответили огнем артиллерии. Завязавшееся сражение продолжалось не более двух часов и закончилось уничтожением оттоманских сил. 18 декабря 1827 г. султан официально объявил об одностороннем расторжении Аккерманской конвенции и обратился к туркам с «Хатти-шерифом» — манифестом, в котором выражал надежду, что в священной войне с христианами они «вспомнят славу своих предков и затмят ее славой собственных подвигов».

Возникновение независимого греческого государства не соответствовало видам британского правительства, так как должно было привести к частичному распаду Оттоманской империи и ослаблению господства Англии

в Средиземном море. В этой связи поведение британского правительства, на первый взгляд, представляется странным. Надо полагать, что Англия участвовала в разгроме турецкого флота не только потому, что была связана Лондонской конвенцией трех держав и не только для того, чтобы не допустить сепаратного выступления и одностороннего усиления России в Греции, Турции и на Балканах. Судя по тому, как в январе 1828 г. английский король Георг IV и премьер-министр Веллингтон сожалели о Наваринском сражении и осуждали политику, которую сами же проводили несколькими месяцами раньше¹, можно предполагать о существовании и других, важных для Англии причин, вызвавших изменение ее внешней политики. На наш взгляд, это обстоятельство было тесно связано с попыткой английской дипломатии приостановить дальнейшее продвижение русских войск в глубь Ирана с помощью политики коллективных, согласованных акций. Такая политика, введенная в практику Лондонской конвенцией, стала необходимой для Англии, так как все другие попытки добиться посредничества Англии на русско-иранских переговорах были отклонены Россией².

Нельзя не обратить внимания и на другое обстоятельство, указывающее на связь между событиями в Иране и в Наваринской бухте. Речь идет о далеко не случайном совпадении: Лондонская конвенция была подписана в разгар русского наступления против армии шаха, а Наваринская битва произошла на пятый день после вступления русских войск в Тавриз. После капитуляции этого города, английское правительство и Ост-Индская компания опасались русского продвижения к Тегерану. В планах Англии коллективное выступление держав в Наварине или их вмешательство в дела Греции и Турции создавало предпосылки для англо-русского со-

¹ Георг IV называл это сражение «злосчастливым происшествием». Наградив адмирала Кодрингтона высшим орденом Бани, он заявил, что «с удовольствием послал бы этому адмиралу не орден, а веревку». (А. Дебидур, Дипломатическая история Европы, стр. 276).

² По этому вопросу английский посол в Иране Макдональд неоднократно обращался к Паскевичу, а английский министр иностранных дел Каннинг и заменивший его граф Дедлей—к русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену. Об этом см. АВГР, ф. Главный архив, 1—9, д. 13, ч. 1, лл. 48, 57.

глашения и по иранскому вопросу, например о выводе русских войск из пределов Ирана и ограничении активности царизма в Иране для обеспечения собственной экспансии Англии на Востоке. Надо полагать, что Англия придерживалась этой политики до переговоров русского дипломата Обрезкова с каймакамом Мирза-Аболь-Касемом Фаррахани. После этих переговоров стало ясно, что русские войска не собираются оставаться в Иране и покинут эту страну после заключения мира и получения контрибуции. Это обстоятельство не могло быть не замечено английской дипломатией и, как видно, было одной из причин того сожаления о Наваринской битве, которое выражали Георг IV и герцог Веллингтон. Во всяком случае, гипотеза о связи между событиями в Наварине и английской политикой в Иране представляет несомненный интерес и ожидает дальнейшего исследования. Независимо от планов Англии и царской России «Хатти-шериф» был декларацией султана о войне. Не менее воинственно был настроен и Николай I. Из двух основных целей, которые ставила перед собой его дипломатия, именно борьба с революционным движением в Европе казалась более или менее достигнутой. Поэтому стало возможным выдвинуть и другую задачу российской дипломатии: борьбу за свободу торговли через проливы и укрепление влияния России на Балканах и в Закавказье³. Лондонская конвенция и Наварин подавали надежду, что в русско-турецкой войне Англия не выступит открыто на стороне султана. Поэтому царь настаивал на заключении мира с шахом. «Отношения с Портой,— писал Паскевичу начальник Главного штаба ген. Дибич,— клонятся к разрыву. Окончание войны (с Ираном.— Б. Б.) даст возможность употребить против Турции часть вверенных Вам войск»⁴.

Мир с Ираном стал первоочередной проблемой внешней политики России.

2

Аббас-мирза в сопровождении английских офицеров и иранских делегатов отправился на переговоры в рус-

³ См. «История дипломатии», т. 1, изд. 2, М., 1959, стр. 542.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, т. 4329, л. 30.

ский лагерь. 6 ноября 1827 г. в Дех-Харгане⁵ состоялась торжественная встреча Аббас-мирзы. Переговоры начались на следующий день⁶. Кроме Паскевича, русскую делегацию представляли А. М. Обрезков, редакторы протоколов А. С. Грибоедов, А. К. Амбургер, Н. Д. Киселев, переводчики Аббас-Кули ага Бакиханов и Г. М. Влагали, а иранскую — Аббас-мирза, каймакам Фаррахани, беглярбек Фатх-Али-хан, статс-секретарь Мирза-Мохаммед-Али и переводчик Мирза-Масуд. Накануне переговоров Фаррахани заявил Паскевичу, что «без содействия английского посланника шах вряд ли согласится на уплату контрибуции и в связи с этим советовал генералу встретиться с Макдональдом»⁷. Казалось, что этот примитивный путь к посредничеству, а потом и к вмешательству Англии должен был быть решительно отвергнут, однако Паскевич принял более чем близорукое решение — просил содействия английского посланника и этим обесценил результаты переговоров русского посла в Лондоне Ливена с Каннингом. А. С. Грибоедов пытался исправить ошибку Паскевича. Он официально объявил прибывшему в Дех-Харган Макдональду, что Англия не может рассчитывать на посредничество, которое было отклонено правительством России. Макдональд заверил, что пока его не попросят, он не будет вмешиваться в работу конференции⁸, однако, кроме Паскевича, мало кто этому верил.

Вначале задача русской делегации в Дех-Харгане не представлялась сложной, так как Паскевич согласился на ведение переговоров только после того, как наследный принц принял и письменно подтвердил основные

⁵ Название этой деревни (по перс. *دهخوارگان*, ныне Азер-шахр, в 40 км юго-зап. Тавриза) в русских источниках неточно дано, как Дей-Карган или До-Харган.

⁶ Материалы об этих переговорах хранятся в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 432 (на 306 листах) («Донесения Паскевича о мирных переговорах и заключении мира с Персией в 1828 г.»), а также в ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, 1828, д. 194, лл. 16—43; в ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 11 («Копии протоколов и депеш, отсылаемые гр. Нессельроде»), лл. 65—114 об. и д. 67 («О заключении мира с Персией в Туркманчае»); АКАК, т. VII, стр. 571—585.

⁷ АКАК, т. VII, № 528, стр. 571.

⁸ См. А. Ф. Фадеев, Россия и Восточный кризис, стр. 164.

Условия будущего мира⁹. В соответствии с этими условиями на заседании 7 ноября Паскевич потребовал присоединения к России Эриванского и Нахичеванского ханств, Ордубадского округа, выплаты 15 куруров контрибуции¹⁰ и указал при этом, что если эти основные условия не будут приняты, русские войска останутся в Азербайджане¹¹.

Территориальные вопросы были решены неожиданно быстро. Уже на первом заседании конференции иранская делегация согласилась на присоединение к России большей части Восточной Армении — Эриванского и Нахичеванского ханств и Ордубадского округа, а 11 ноября — южной части Талышского ханства за Араксом¹². Тогда же в Дех-Харгане Паскевич получил от ген. Красовского письмо армянского архиепископа Нерсеса Аштаракци, где отмечалось, что русско-иранская граница, начиная от Нахичевани, должна идти на запад не по Араксу, а прямой линией, по горным отрогам до турецкой границы, чтобы восстановить исторические границы Восточной Армении и не допустить, чтобы Иран острым углом вклинивался в территорию России¹³.

В фондах Матенадарана хранится черновая запись этого письма, где, в частности, говорится, что «если русская граница будет проведена по Араксу, то часть Армении останется в пределах Ирана. Необходимо, — писал Нерсес Аштаракци, — чтобы в Армению вошли труднодоступное Макинское ущелье, весь Арарат (с тем, чтобы горная цепь отделяла нас от османской границы в районе Баязета), а также Кохп (Кульп) — богатый каменной солью¹⁴. А. П. Ермолов полностью разделял эту точку зрения. По его мнению, «небольшое пространство земли, по правую сторону Аракса, включая окрестности горы Арарат, необходимо присоединить к России как часть

---

⁹ См. ЦГВИА, д. ВУА, д. 4329, л. 116 об.; АКАК, т. VII, № 528, стр. 571.

¹⁰ По курсу того времени — 30 млн. рублей серебром.

¹¹ Здесь и в последующем имеется в виду Южный Азербайджан.

¹² См. ЦГИАЛ, д. 1019, оп. 3, д. 194, л. 20, а также ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 11, лл. 67—73.

¹³ См. В. Потто, Кавказская война, стр. 745—746.

¹⁴ См. Матенадаран, ф. Католикоса, папка 166, док. 822, рукоп. от 6.X. 1827 г.

Эриванского ханства»¹⁵. Позднее, 21 января 1829 г., архиепископ Нерсес написал главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий Блудову, что Паскевич допустил ошибку при определении границы с Персией¹⁶. После этого Паскевич объявил выговор ген. Красовскому «за вмешательство в чужие дела», а Блудову ответил, что возражал против предложения архиепископа потому, что мир с Персией и без того заключен довольно выгодный и что «с присоединением Макинского магала Россия имела бы неопределенную границу» и что приобретение этого магала якобы «желательно одному Нерсесу, так как там находится богатый армянский монастырь»¹⁷. Известно, что даже дореволюционный историк В. Потто эту тенденциозную аргументацию Паскевича считал неубедительной. Н. Аштаракети мог, конечно, рассчитывать, что Россия вернет армянскому народу его исконную территорию. Это, разумеется, не субъективный взгляд или классовые интересы армянского архиепископа, так как монастырь и без того был подчинен Эчмиадину, что свидетельствовало о наличии в Макинском округе коренного армянского населения. Что же касается принципа благоустроенных естественных границ, то царизм не придерживался этих принципов при определении границы с Ираном. Анализируя эту политику царизма, К. Маркс писал: «Единственной целью этого (Туркманчайского.— Б. Б.) договора, по словам Николая, являлось установление общей границы по Араксу, что, по его утверждению, явилось якобы единственным средством к устранению всяких будущих споров между обоими государствами. Но в то же время он отказался возвратить Персии Талыш и Мугань, расположенные на персидском берегу Аракса»¹⁸. Заметим еще, что граница по Араксу разделила на две части и азербайджанский народ¹⁹.

С начала переговоров Аббас-мирза добивался уменьшения общей суммы контрибуции и удлинения сроков

¹⁵ А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 210—211.

¹⁶ См. В. Потто, указ. работа, т. 3, стр. 745—746.

¹⁷ Там же.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, изд. II, М., 1957, стр. 371.

¹⁹ Подробно об этом см. «История Азербайджана», т. 2, Баку, 1960, стр. 44—45.

ее выплаты. 11 ноября русская делегация по инициативе А. С. Грибоедова потребовала, чтобы первые 5 куруров туманов были внесены до подписания договора, но не позднее 22 ноября 1827 г., когда истек срок перемирия. Остальные десять куруров предлагалось внести через два месяца²⁰. В тот же день конференция в Дех-Харгане прервала свою работу по просьбе иранской делегации, которая объявила, что должна информировать шаха о чрезмерных русских требованиях и получить из Тегерана инструкции. Впрочем, у Аббас-мирзы не было иного выхода, так как золото хранилось в сокровищницах шаха, от которого зависел исход переговоров и который, по словам Макдональда, «скорее согласился бы на уступку трех Азербайджанов, чем на выдачу денег из своего сокровища»²¹. В результате переговоры оказались в тупике чуть ли не на четвертый день после их начала. В этих условиях Паскевич почему-то решил предупредить возможные провокации и с этой целью отправил двух своих тайных агентов в г. Марагу, где находились войска наследного принца. Донесения этих агентов оказались еще более неутешительными: «два мараганских бека получили задание убить Паскевича, если Аббас-мирзе не удастся отравить русского главнокомандующего»²². Лютая ненависть к Паскевичу всегда прикрывалась лицемерием наследного принца²³.

22 ноября 1827 г. закончился срок перемирия. К этому времени Аббас-мирза добился согласия Паскевича до 10 декабря не занимать г. Миане, чтобы «не напугать шаха и не приостановить пересылку денег»²⁴. Продолжение иранской войны не соответствовало планам Петербургского двора. Чтобы ускорить переговоры, Паскевич сократил сумму контрибуции на 3 курура туманов (6 млн. руб.). 25 ноября Аббас-мирза принял это пред-

20 ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 11, лл. 73—74.

21 АКАК, т. VII, № 528, стр. 572.

22 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 17.

23 В ЦГИАЛ хранятся следующие стихи Аббас-мирзы, посвященные Паскевичу в связи с заключением мира:

Если и уедешь от нас наконец, «رفتنی اگر از مقابل ما»

Уйти не сможешь из наших сердец. «رفتن نتوانی از دل ما»

24 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 15 об., 16.

ложение. Однако на следующий день курьер доставил наследному принцу письмо шаха, который предлагал затягивать переговоры²⁵, потому что после Наваринской битвы турецкий султан уговаривал Каджаров возобновить против России войну. На очередном заседании конференции 26 ноября Аббас-мирза под разными предложениями отказался подписать предварительные условия, с которыми был согласен накануне.

27 ноября из Тегерана приехал еще один курьер Назар-Али-хан с известием, что шах согласен уплатить только 10 куруров (5 млн. тум.)²⁶ и, в доказательство своего согласия, уже дал указание на выдачу первых пяти куруров Макнилю, который в это время вступал в должность британского поверенного в делах²⁷. Это было первое следствие ошибки, допущенной Паскевичем в начале переговоров. Макниль не мог, конечно, не воспользоваться теми возможностями, которые предоставлялись ему как лечащему врачу обитательниц гарема, среди которых любимая к тому времени жена Фатх-Али-шаха Тадж-Довле была близкой приятельницей госпожи Макниль²⁸.

Англия не могла равнодушно относиться к пребыванию русских войск в Иране, поэтому Макниль уговорил шаха не выдавать России контрибуцию до тех пор, пока русские не уйдут из Южного Азербайджана.

Только теперь вмешательство Макниля озадачило Паскевича. «Чтобы не попасть совершенно в руки иностранцев,— доносил он царю,— я предпочел послать моего офицера в Тегеран»²⁹. Капитан Вольховский должен был встретить и сопровождать иранский денежный транспорт.

9 декабря Паскевич предложил Аббас-мирзе подписать все статьи предварительного соглашения или разойтись и возобновить военные действия. В 9 часов вечера, после того как русская делегация согласилась внести в проект договора статью о признании Аббас-мирзы на-

---

²⁵ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 181, л. 1.

²⁶ И. Ениколопов, Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 106.

²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 16 об.

²⁸ См. там же, л. 98 об.

²⁹ Там же, л. 17.

следником иранского престола, последний подписался под всеми статьями³⁰.

12 декабря Аббас-мирза передал Паскевичу, что ванский паша сообщил ему, будто Россия собирается объявить султану войну; что тысяча турецких солдат, готовых соединиться с иранскими войсками, уже находится на иранской границе напротив Салмаса, а наследный принц якобы отклонил эти предложения пашши, дескать, потому, что к этому времени уже были подписаны все пункты предварительного соглашения в Дах-Харгане. Версия об этом ванском паше была связана с отъездом из Константинополя послов трех держав, заключивших Лондонскую конвенцию.

Макдональд подтвердил Паскевичу достоверность полученной из Турции информации, хотя и жаловался при этом, что турки перехватывают его курьеров из Константинополя³¹. Этим он хотел отвести от себя подозрения в соучастии в происках ванского пашши, если они были на деле. Кроме того, вместе с Аббас-мирзой он запугивал Паскевича для того, чтобы заставить русскую делегацию заключить мир, не дожидаясь денег из Тегерана³², о чем наследный принц неоднократно просил русского главнокомандующего³³.

После прекращения перемирия (10 декабря) Аббас-мирза в течение нескольких дней радостно сообщал Паскевичу о высланных из Тегерана деньгах, но каждый раз эти сообщения оказывались ложными³⁴. Наконец 15 декабря капитан Вольховский встретил недалеко от Тегерана первый транспорт — 83 вьюка содержали 1 494 000 туманов.

17 декабря Паскевич получил письмо от шаха, где сообщалось, что деньги высылаются с Мирза-Аболь-Хасан-ханом, которому поручается вести переговоры для заключения мира³⁵. Это означало, что шах не признает соглашения, заключенного в Дех-Харгане, и с помощью министра иностранных дел пытается навязать новые пе-

---

³⁰ Там же, лл. 40—41 об.

³¹ См. там же, л. 44.

³² См. там же.

³³ См. там же, л. 44 об.

³⁴ См. там же, л. 118 об.

³⁵ См. там же, л. 44 об.

реговоры, чтобы выиграть время накануне русско-турецкой войны. Впоследствии Вольховскому удалось установить, что Мирза-Аболь-Хасан-хан должен был установить достоверность информации, получаемой из Азербайджана, так как донесения Аббас-мирзы, каймакама Фаррахани и статс-секретаря Мирза-Мохаммеда-Али были настолько противоречивы, что шах и его министры не представляли всего того, что происходило в Дех-Харгане³⁶ и еще более запутывались благодаря тенденциозной информации небеспристрастного Макниля³⁷. Кроме того, Мирза-Аболь-Хасан-хан «должен был сделать последнее покушение на снисхождение Паскевича»³⁸. Этот министр шаха как-то проговорился при переводчике Вольховского, что «надеется ласковыми словами все дело кончить отправленными пятью курурами»³⁹. Для решения этих задач он вез для Паскевича богато убранную лошадь, 20 шалей для его генералов и столько же драгоценных алмазов для русских дипломатов⁴⁰.

19 декабря шах объявил Вольховскому, что все дела, касающиеся переговоров о мире, он поручил вести в Тегеране министру Мирза-Абдул-Вахабу и бывшему бегларбеку Тавриза Фатх-Али-хану. Шах считал, что делает важную уступку, потому что эти лица считались пацифистами.

На следующий день министр Мирза-Абдул-Вахаб пригласил Вольховского и Макниля и заявил им, что деньги будут переданы русским только после того, как их войска уйдут из Ирана⁴¹. Возражая против этого, Вольховский заметил, что Паскевич не уверен в том, что деньги будут уплачены после ухода войск и что если Аболь-Хасан-хан с такими предложениями поедет в Дех-Харган, то война будет неизбежна. Опасаясь русского продвижения в глубь Ирана в случае продолжения войны, а также для того, чтобы обеспечить официальное по-

---

³⁶ М. Махмуд отмечает, что шаху, в частности, донесли, будто русские добиваются предварительного получения денег для продолжения войны. (محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی، ص ۲۰۲)

³⁷ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 99 об.

³⁸ Там же, стр. 100.

³⁹ Там же, стр. 99 об.

⁴⁰ См. там же.

⁴¹ См. там же, л. 39 об.

средничество Англии на переговорах, Макниль поддержал возражения Вольховского, а затем, от имени своего правительства объявил о готовности получить у шаха первые пять куруров, доставить их в Тавриз и после того, как русские войска перейдут Аракс, передать эти деньги Паскевичу⁴². Не искушенный в политике Вольховский не стал возражать. Надо полагать, что Макниль и Мирза-Абдул-Вахаб действовали сообща. Во всяком случае, после этой встречи Макниль не без основания мог считать, что посредничество Англии на русско-иранских переговорах является совершившимся фактом и по крайней мере гарантировано опасением шаха, что русские могут и не уйти из Ирана после того, как получат контрибуцию⁴³.

22 декабря в дипломатической канцелярии Паскевича было намечено два варианта («предположения») дальнейшего поведения русской делегации в Дех-Харгане. Первый вариант предлагал подписать договор, не ожидая взноса первых куруров контрибуции, оставить оба экземпляра у английского посланника до выплаты Ираном контрибуции, а самим разехаться и ожидать приезда иранского министра иностранных дел. По второму варианту предлагалось подготовить договор для подписания и дожидаться приезда Мирза-Аболь-Хасанхана. Предложения предусматривали и другие уступки иранцам. Решительно возражая против этих предложений, А. С. Грибоедов указал, что «если разехаться без подписания трактата, то это и сейчас можно сделать, и чем скорее, тем лучше... Перемирие уже слишком продолжается» и «если рассчитывать время в смысле персиян, то перемирие надлежит заключить на шесть, на десять, на сто лет». Грибоедов заметил еще, что «после победы на войне русские делаются посмешищем побежденного неприятеля» и потому настаивал на разрыве, который «не отдалит, а ускорит присылку денег» и предлагал не вести никаких переговоров с Мирза-Аболь-Хасанханом⁴⁴.

⁴² См. там же.

⁴³ См. там же, л. 100.

⁴⁴ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, л. 89 об.; ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, 1827, д. 423, лл. 29—30, 35—36, 42—43; С. В. Шостакович, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, 1960, стр. 142—146.

На очередном заседании в Дех-Харгане 23 декабря Паскевич уступил просьбам Аббас-мирзы и сократил общую сумму контрибуции еще на 1 млн. туманов. При этом он снова указал, что первые 5 куруров должны быть внесены до подписания договора, а в обеспечение уплаты остальных пяти куруров русские войска будут находиться в Азербайджане⁴⁵. Аббас-мирза пытался возражать, говорил, что если русские останутся в Азербайджане, то это аннулирует все согласованные статьи договора.

«Я встал с места,—рассказывает об этой встрече Паскевич,—и сказал ему, что если таковы его мысли, то я решаюсь начать военные действия и оставил конференцию»⁴⁶.

В донесении царю Паскевич объяснил это свое решение лицемерием и непостоянством наследного принца, который «несколько раз подписывал ту самую статью, от которой отказывался впоследствии»⁴⁷. Заметим, что на деле было вовсе не так, как описывал Паскевич. Речь могла идти только о том соглашении, которое было подписано Аббас-мирзой 9 декабря 1827 г. и которое предусматривало эвакуацию русских войск из Азербайджана не позднее 1 января 1828 г., после уплаты восьми куруров. В отличие от этого соглашения, новые предложения Паскевича от 23 декабря уже оставляли эти войска в Азербайджане до тех пор, пока не будут внесены все 10 куруров. К тому же, по соглашению от 9 декабря последние два курура Иран мог уплатить в мае 1829 г., т. е. через полгода после ухода русских войск, а предложения Паскевича от 23 декабря фактически удлинляли срок пребывания этих войск на 6 месяцев. Кроме того, соглашение от 9 декабря вообще утратило силу, так как целиком было пересмотрено после сокращения общей суммы контрибуции на миллион туманов. Таков смысл тех статей, под которыми Аббас-мирза подписался 9 декабря и которые Паскевич искажил, чтобы ввести в заблуждение Николая I.

---

⁴⁵ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, лл. 87, 87 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

Вечером 23 декабря наследный принц прислал Паскевичу корректное письмо, в котором извинялся за то, что днем выразил свои мысли не так, как хотел. Аббас-мирза теперь уже соглашался, чтобы русские войска остались в Азербайджане до выплаты всей контрибуции и только просил оставить ему г. Ардебиль⁴⁸. На состоявшемся после этого заседании Аббас-мирза подписался под каждой статьей договора. Оставалось отправить договор шаху для ратификации, однако Паскевич не делал этого до получения первых пяти куруров.

Таким образом, в Дех-Харгане и Тегеране были приняты разные по значению и почти исключаящие друг друга решения. В то время, когда шах, подстрекаемый Макнилем, собирался выдать Паскевичу первые пять куруров только после вывода из Ирана русских войск, в Дех-Харгане Аббас-мирза дал согласие на пребывание русских войск в Азербайджане до выплаты всей контрибуции. В связи с этим возникли новые задачи и перед министром иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-ханом, который теперь уже должен был не только аннулировать соглашение, подписанное Аббас-мирзой, но и с его одобрения заключить новое соглашение, в котором были бы отражены последние предложения шаха о немедленном выводе русских войск.

25 декабря в Тегеране было необычно оживленно. В город было торжественно доставлено «священное» шиитское знамя из Мешхеда. В тот же день с большой помпой в столицу въехал наместник Хорасана принц Хасан-Али-мирза. Взволнованные жители Тегерана, рассказывает Макниль Макдональду, бросались под копыта лошадей этого принца, целовали полы его одежды и благославили как освободителя⁴⁹, а принц, в свою очередь, клялся что отбросит русских из Азербайджана и завоюет Тифлис, а до этого не допустит отправления денег из столицы⁵⁰. Было очевидно, что шах не только пытался оправдать свой новый курс на переговорах в Дех-Харгане, но и угрожал хорасанским «героем» в надежде на снисходительность Паскевича. С этой целью он даже объявил

⁴⁸ См. там же, л. 87—87 об.

⁴⁹ См. там же, л. 122.

⁵⁰ См. там же, лл. 122—122 об., 142 об.

во дворце, что передаст ключи от своих сокровищ любимцу Хасан-Али-мирзе, назначит его наследником престола, командующим всеми войсками и наместником Азербайджана⁵¹. На следующий день Макниль обратился по этому вопросу к шаху и заявил ему, что больше не может ручаться ни за какие обещания иранского правительства и отказывается от всякого участия в иранских делах.

«Даю Вам царское слово,—ответил ему шах,—что эти пять курур я уже считаю не своей, а английской собственностью. Деньги в условленное время будут Вам сданы в Казвине и Вы можете их везти куда угодно, в Индию или в Тавриз—мне все равно. Боже сохрани мне дотронуться до них!»⁵². Шах заявил еще Макнилю, что «кроме пяти, отдаст еще один курур, а остальные два должен заплатить Аббас-мирза, у которого имеется больше этой суммы, но он своих денег не трогает, а хочет выманить деньги у меня»⁵³. «Впрочем,—заметил шах,—если Аббас-мирза не имеет этих денег, то этим он доказывает свою неспособность управлять государством. Если Аббас-мирза не согласится, я найду другого принца, который отдаст эти два курура и получит титул наследника»⁵⁴.

Видя, что переговоры в Дех-Харгане могут провалиться, а русские войска продвинуться в глубь Ирана, Макниль предложил шаху следующий план: сверх пяти куруров шах передаст Макнилю еще 3 курура, которые он отвезет в Тавриз и там, если получит у Аббас-мирзы обязательство вернуть 2 курура шаху, отдаст все деньги Паскевичу после того, как русские войска уйдут из Азербайджана. В случае, если Аббас-мирза не согласится дать обязательство о возвращении двух куруров шаху (через английское правительство), то Макниль вернет деньги шаху, а последний решит дальнейшую судьбу и этих денег, и наследного принца»⁵⁵.

Шах одобрил план Макниля и обещал, что в Казви-

---

51 См. там же, л. 141 об.

52 Там же, ф. 108, а также АКАК, т. VII, № 535, стр. 581.

53 ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4329, л. 107 об.

54 Там же, л. 108 об.

55 См. там же, л. 142.

не ему будут переданы восемь куруров⁵⁶. О разговоре с шахом Макниль рассказал Вольховскому и просил его содержать это в тайне, так как, заявил он, об этой беседе и принятом решении знают только трое: шах, Макниль и евнух Манучехр-хан, а в случае разглашения выполнение этого плана может натолкнуться на препятствия⁵⁷. Однако впоследствии выяснилось, что с самого начала об этом было известно и хорасанскому наместнику Хасан-Али-мирзе, который встретился с Макнилем и предложил ему взятку в 150 000 туманов, с тем чтобы Макниль отказался от посредничества⁵⁸. Это привело к встрече Макниля с Хасан-Али-мирзой и Манучехр-ханом. В откровенной беседе принцу было указано на храбрость и могущество русской армии. «Как же мне не воевать,— ответил на это наместник Хорасана,—когда везде я говорю, что умру или возвращусь победителем»⁵⁹. Вслед за этим состоялось закрытое совещание, на котором присутствовали Макниль, каймакам Фаррахани, министр шаха Абдул Вахаб Мотамед-од-Довле и Манучехр-хан. Подробных данных об этом совещании нам найти не удалось. Известно только, что после совещания Мотамед-од-Довле заявил капитану Вольховскому, что успехи русских распространили мнение о готовности иранских провинций присоединиться к России и что для обеспечения спокойствия в столице, а также для того, чтобы показать народу, что Иран еще не погибшее государство, к Тегерану и Зенджану подтягиваются иранские войска⁶⁰. В этой связи Абдул-Вахаб просил передать Паскевичу, что ему не следует обращать внимания на все, что говорится о принце Хасан-Али-Мирзе и сборе иранских войск. Министр уверял, что в этом нет ничего враждебного для России и что это не должно создавать невер-

⁵⁶ См. там же.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ См. там же, л. 142.

⁵⁹ См. там же, л. 143. Обо всем этом Вольховскому сообщил находившийся в Тегеране бывший беглярбек Тавриза Фатх-Али-хан.

⁶⁰ По данным, имевшимся в распоряжении командования Отдельного Кавказского корпуса, в начале января 1828 г. в Зенджане было сосредоточено 5500 иранских солдат под командованием бывшего эриванского сардара Хусейн-кули-хана (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 130).

ного впечатления о неискренности иранского правительства⁶¹.

Между тем по Тегерану распускались слухи, будто принц Хасан-Али-мирза, «будучи в нетрезвом виде, осмелился сказать «го величеству самые оскорбительные ругательства»⁶² и этим навлек на себя гнев Фатх-Али-шаха. После этого историю о хорасанском наместнике постепенно стали забывать, кроме... турецких дипломатов. Русскому командованию стало известно, что турецкий султан предлагал шаху раздать пять куруров иранским войскам, поручить командование войсками хорасанскому наместнику и возобновить военные действия⁶³. Кроме того, агентура эрзерумского сараскера в западных областях Ирана муссировала слухи о неизбежности русско-турецкой войны и готовности 15 тысяч отборных турецких солдат присоединиться к иранской армии⁶⁴.

Паскевич доносил царю, что в ожидании русско-турецкой войны шах расспрашивает о Турции у приезжающих из Константинополя купцов и что один из них, по имени Садек-хан, вместе с другими купцами вернулся из Константинополя, причем покинул этот город в тот день, когда посланники союзных держав готовились к отъезду из турецкой столицы⁶⁵. В фондах центрального государственного исторического архива в Ленинграде хранится донесение неустановленного лица, в котором, в частности, указывается, что «находившиеся в Иране английские дипломаты получили известия из Константинополя тоже через Садек-бека, теперь уже хана, находившегося при Аббас-мирзе⁶⁶.

Таким образом, информацию о положении в Турции правительство шаха и английские дипломаты в Иране получали у одного и того же агента Садек-хана. Это значит, что Макдональд и Макниль были в курсе всей той информации о Турции, которая доставлялась шаху и Аббас-мирзе. Уже после заключения мира Паскевичу пере-

61 См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, лл. 109 об и 143 об.

62 Там же, л. 157 об.

63 См. там же, л. 109 об.

64 См. там же, л. 115 об.

65 См. там же, л. 138 об. Послы государств, подписавших Лондонскую конвенцию, выехали из Константинополя 8 декабря 1827 г.

66 См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 315, л. 1.

дали поступившее на имя Аббас-мирзы перехваченное донесение из Константинополя, в котором, в частности, указывалось, что по заявлению реис эфенди и эрзерумского сараскира Галиб паши «Турция решила воевать с тремя державами. Их посланники и купцы, особенно армяне и все другие лица, подозреваемые в приверженности к России, высланы. Войска султана подтянуты к границам»⁶⁷. В том же донесении указывалось, что султан отправил шаху со специальной миссией своего дипломата Нагиб-эфенди⁶⁸. Французский историк Дебидур тоже указывает, что Порта подговорила иранского шаха отказаться от заключения мира с Россией и снова взяться за оружие⁶⁹.

Важные данные о характере ирано-турецких отношений в конце 1827—начале 1828 г. сообщает проф. Бина. «Когда содержание проекта мирного договора было передано в Тегеран, шах находился под влиянием османского правительства и не одобрил этот проект»⁷⁰. Бина указывает, что «Фатх-Али-шах собирался назначить наследником престола Хасан-Али-мирзу и, ничего не сказав Аббас-мирзе, отправил на север войска»⁷¹. Эти собранные в Зенджане войска не только не возобновили военных действий, а напротив, всячески избегали боевого соприкосновения с русскими войсками и, таким образом, предоставили последним возможность без боя занять ряд городов в Южном Азербайджане. Произошло это не только потому, что войска Кавказского корпуса превосходили иранские по численности и боеспособности. Сосредоточением войск в Зенджане и Тегеране шах собирался противодействовать русским войскам в случае провала переговоров и не допустить эти войска в Тегеран. Это означает, что министр шаха Мирза-Абдул-Вахаб дезинформировал Вольховского, когда говорил, что иранские войска собраны в Зенджане для успокоения народа.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 288.

⁶⁸ См. там же, л. 288 об.

⁶⁹ См. Дебидур, указ. работа, т. I, М., 1947, стр. 275—276.

⁷⁰ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، چاپ دوم، جلد اول، ص ۲۴۰—۲۴۱.

⁷¹ Там же.

Впоследствии разрыв переговоров в Дех-Харгане и угрозу русского наступления шах рассматривал как временную меру давления России, рассчитанную на получение контрибуции и заключение мира, а не для захвата иранской территории. И поскольку было решено отправить Паскевичу шесть куруров, то шах не испытывал на этот счет серьезного беспокойства и собрал в Зенджане войска на самый крайний случай.

Передислокация иранских войск и возвышение хорасанского наместника Хасан-Али-мирзы имели и другое назначение. Султан Махмуд II уговаривал шаха продолжать войну против России, а шах, в свою очередь, с большими надеждами ожидал русско-турецкую войну. Отправляя войска в Азербайджан и возвышая Хасан-Али-мирзу, шах пытался показать султану, будто собирается воевать, а на самом деле для того, чтобы ускорить выступление турок и во время русско-турецкой войны добиться выгодного мира в невыгодной для России обстановке. С этой же целью шах оттягивал переговоры в Дех-Харгане, но слишком долго турок ждать не мог, так как султан не в состоянии был воевать, хотя и к этому стремился. После 20 октября 1827 г., когда в Наваринском сражении был разбит турецко-египетский флот, армия султана стала еще менее боеспособной. «Хатти-шериф», оглашенный султаном 18 декабря, был ложной декларацией о войне. Как бы не хотели турецкие аскеры «вспомнить славу своих предков,—к чему их призывал султан,—и затмить ее славой своих собственных подвигов»⁷², Оттоманская империя была парализована, а Россия, избегая второго фронта на Востоке, спешила заключить мир с Ираном, чтобы после этого начать против Турции войну. Царизм добивался, чтобы это произошло как можно быстрее, поэтому 6 января 1828 г. Николай I предложил правительствам Англии и Франции предпринять решительные меры против Порты, а Паскевич в тот же день прервал переговоры в Дех-Харгане, чтобы угрожать Тегерану войсками Кавказского корпуса и принудить Каджаров к капитуляции. Накануне этих событий—29 декабря—Макниль, озадаченный перспективой русского наступления, заявил Вольховскому, что снова заме-

⁷² Дебидур, указ. работа, стр. 274.

тил нерешительность шаха, который опять изменил свое решение и теперь соглашается отдать Макнилю не три, а только полтора курура с тем, чтобы остальную сумму уплатил Аббас-мирза⁷³. Комментируя эту новую уловку шаха, Фатх-Али-хан говорил Вольховскому, что Паскевич должен оставить Аббас-мирзе г. Тавриз, чтобы предоставить ему возможность уплатить остальную сумму⁷⁴.

Предстоящий приезд в Дех-Харган иранского министра иностранных дел еще более обострил отношения между Паскевичем и Аббас-мирзой. Главнокомандующий перестал с ним встречаться, а 2 января 1828 г. направил к нему ген. Сухтелена сообщить, что русским войскам приказано взять Марагу и что если наследный принц не прикажет своим войскам отступить, то война возобновится. Сухтелен передал еще, что отряд Лаптева займет Урмийский округ, и на вопрос Аббас-мирзы: «Куда ему деваться?», ответил, что это от него не зависит и что приказание Паскевича уже отдано. Остановились, однако, на том, что через пять дней Аббас-мирза распустит свои войска, а сам в это время останется в Урмии, «для того, чтобы не быть ограбленным местными жителями»⁷⁵.

Только 6 января министр иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хан прибыл в Дех-Харган. На первой же встрече с Паскевичем он много говорил о своей «высокой» дипломатической репутации в Европе и о благосклонности к нему усопшего императора Александра. Подсказанный А. С. Грибоедовым резкий ответ Паскевича — «Война или деньги!» — озадачил иранского министра. Некоторое время он не знал, что ответить, затем умолял подождать еще немного⁷⁶, вероятно потому, что Англия настаивала, чтобы шах отказался от согласованного проекта договора и для давления на Россию предлагала Мирза-Аболь-Хасан-хану отправиться в Лондон⁷⁷.

7 января состоялась повторная встреча с Аболь-Ха-

⁷³ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 132.

⁷⁴ См. там же.

⁷⁵ Там же, л. 90.

⁷⁶ См. там же, л. 12 об.

⁷⁷ R. C. Watson, *The History of Persia*, London, 1866, p. 233. По этому вопросу в декабре 1827 г. Мирза-Аболь-Хасан-хан отправил письма Нессельроде в Петербург и русскому послу в Лондоне Ливену. Об этом см. АВПр, ф. Канцелярия, д. 6977, лл. 21—35.

сан-ханом. В присутствии Грибоедова, Обрезкова и других русских дипломатов Паскевич ознакомил иранского министра с проектом согласованного договора и заявил, что не изменит в проекте ни одного слова. После двухмесячных переговоров, заметил Паскевич, шах напрасно посылает нового негодянта вместо того, чтобы отправить деньги и что это только говорит о его желании продлить время без пользы для дел⁷⁸. Вечером того же дня Паскевич вручил Аббас-мирзе и Аболь-Хасан-хану декларацию о причинах разрыва. Наследный принц создавал видимость, что находится в отчаянии. Его просьбам о продолжении перемирия, которое закончилось 6 января, и оправданиям, казалось, не будет конца, несмотря на то, что он сознательно оттягивал подписание договора, спешно и скрытно сосредотачивал войска в северо-западных районах Ирана и ждал подходящего момента для перехода в контрнаступление.

Мирные переговоры в Дех-Харгане были прерваны 7 января. На следующий день Паскевич вернулся в Тавриз, чтобы подготовить корпус к походу, а Аббас-мирза отправился в Миандоаб, откуда он заранее отвел свои войска с целью показать, что не намерен воевать. Уже в дороге он написал Паскевичу, что деньги все-таки скоро должны прибыть и что разрыв произошел совершенно напрасно. Паскевич, со своей стороны, ответил, что деньги могут быть привезены и на русские аванпосты, а до этого времени наступление войск не будет приостановлено⁷⁹.

За день до разрыва переговоров в Дех-Харгане, в 7 часов утра 6 января 1828 г. из Тегерана было отправлено 520 вьюков с золотом и серебром, на общую сумму в 886 тыс. туманов⁸⁰.

Начиная с 15 декабря 1827 г. до 6 января 1828 г. всего из Тегерана было отправлено 2 500 000 туманов или полностью 5 куруров. «Деньги эти несправедливо собраны,—равнодушно заявил о них шах своим придворным,—Богу угодно, чтобы я таким образом лишился их. Впредь не буду копить сокровищ, заставляя страдать мой народ. Теперь отдаю деньги русским не для собственного спо-

⁷⁸ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 128.

⁷⁹ См. там же, л. 131.

⁸⁰ См. там же, л. 146.

койствия, а для спасения Ирана от больших несчастий»⁸¹.

Парадоксально, что через день после того, как требуемые первые пять куруров были отправлены из Тегерана, в Дех-Харгане Паскевич объявил о разрыве переговоров потому, что не верил, что деньги будут высланы и не знал, что эти деньги уже находятся в пути.

С прекращением переговоров в Дех-Харгане, русские войска в суровых условиях многоснежной зимы последовательно занимали города Южного Азербайджана, чтобы с разных сторон подойти к Тегерану. Шах уже выслал деньги и на русское наступление смотрел без всякого страха, а его войска повсюду избегали соприкосновения с частями корпуса и заблаговременно отводились⁸². Более того, главный евнух и казначей шаха Манучехр-хан, следовавший во время этой странной войны с пятью курурами к Зенджу, именем шаха объявил ген. Розену, действовавшему с войсками на главном направлении, что в случае, если русские части перейдут Кафланкух, он вместе с деньгами вернется в Тегеран⁸³. Эта угроза возымела действие и темпы продвижения русских войск были значительно замедлены. К середине января 1828 г. так называемое английское «содействие» не только переросло в официальное посредничество Англии, но и стало приобретать более открытые формы вмешательства и диктата: Макдональду и Манучехр-хану шах «разрешил» действовать по своему усмотрению. При этом решающий голос принадлежал Макдональду. Иранским военачальникам и даже принцам было приказано выполнять волю английского посланника⁸⁴. Так, за короткое время, Макдональд прошел путь от «содействующего» до иранского главнокомандующего и верховного казначея. Произошло это в благоприятной для Англии обстановке, когда Аббас-мирза фактически самоотстранился от власти. Только 19 января шах подписал фирман, предлагающий наследнику престола вернуться к ген. Паскевичу для подписания мирного договора⁸⁵. К этому времени русские

⁸¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 147 об.

⁸² См. там же.

⁸³ См. там же, л. 171 об.

⁸⁴ См. там же, л. 172.

⁸⁵ См. там же, л. 173.

войска уже заняли Марагу, Урмию (Резайе), а 25 января вошли в Ардебиль.

30 января первые три курура золотом были доставлены к русским аванпостам в районе г. Мианэ. Через день были привезены еще два курура⁸⁶ и Паскевич назначил деревню Туркманчай⁸⁷ местом для подписания мирного договора.

5 февраля к Паскевичу приехал Макниль с предложением избрать вместо Туркманчая другой населенный пункт, более удобный, по его мнению, для размещения делегаций. Макниль, в частности, рекомендовал остановиться в одном из больших сел, расположенных между Уджанами и Агарью⁸⁸. Однако Паскевич отклонил это предложение, считая, что англичане собираются удалить его от Мианэ или, по крайней мере, в сторону от магистральной дороги, ведущей к Тегерану, для того, чтобы в случае разногласий на переговорах русские войска не смогли продвинуться к Казвину⁸⁹. Тогда же Макниль под большим «секретом» рассказал Паскевичу о «позиции шаха» и якобы данных им инструкциях в связи с возобновлением переговоров для заключения мира. Английский поверенный заявил, что шах будет полностью согласен с тем, что скажут на переговорах английский посланник Макдональд и иранский министр иностранных дел. Макниль заявил еще, что назначение русских консулов в иранских городах беспокоит шаха, который-де опасается влияния, которое может приобрести Россия. Относительно денег Макниль сказал, что этот вопрос считается исчерпанным⁹⁰. Сохранившиеся в архивных фондах Паскевича его комментарии к этой беседе показывают, что генерал поверил в эту дезинформацию и, следовательно, не разобрался в кознях британского дипломата. Изучение материалов и последующих событий подтверждает также, что все то, что 5 февраля Макниль говорил Паскевичу, исходило вовсе не от шаха, а от самого английского поверенного, который перед этим безуспешно добивался, чтобы шах придерживался его рекоменда-

⁸⁶ См. там же, лл. 176—177, 193 об.

⁸⁷ В 33 км сев.-зап. г. Мианэ.

⁸⁸ См. ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 438, л. 309 об.

⁸⁹ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 144 об.

⁹⁰ См. там же, л. 195.

ций по этим вопросам, а потом, не имея никаких полномочий, по «секрету» выдал свою точку зрения за мнение шаха в надежде, что Паскевич не будет проверять достоверность этих сведений и примет предложения Макдональда на конференции. Назначение русских консулов, а также связанная с этим вопросом перспектива усиления русского влияния больше всего пугали Англию. И если в начале 20-х годов английской дипломатии и ее высокопоставленным иранским агентам удалось не допустить открытия русского консульства в Гилане во главе с Ваценко, то теперь, после поражения Ирана в войне и ослабления английских позиций, задача Англии значительно осложнилась, хотя и не остановила ее дипломатов от попыток осуществить эту задачу другими средствами. Не менее активно Макниль добивался, чтобы английский посланник не только присутствовал на конференции в Туркманчае, но и играл там ведущую роль.

Таким образом, если в декабре 1827 г. Макниль предложил свои услуги хранителя и перевозчика денег, предназначенных для России, то впоследствии он добился, чтобы в этом деле участвовал и посланник Макдональд. Далеко не блестящая миссия перевозчика чужих денег для британского министра-резидента, представлявшего в Иране короля Великобритании, была самой унижительной. Но это был наиболее верный и, пожалуй, единственный для Англии путь для посредничества и участия в переговорах. Мы уже видели, как после доставки половины контрибуции в Азербайджан и возобновления наступательных операций русской армии роль и влияние Макдональда значительно возросли. Теперь же Макниль уверял Паскевича, что любые предложения Макдональда на предстоящей конференции будут одобрены шахом. Благодаря упущениям Паскевича и Вольховского английская дипломатия добилась всего того, чего не могла добиться при Ермолове и на переговорах с русским послом Ливеном в Лондоне, решительно выступивших против любой формы английского посредничества. Только теперь можно подвести итоги английских усилий. От формулы неофициального посредничества, провозглашенной премьер-министром Англии в начале 1828 г., британская дипломатия добилась посредничества и де факто и де юре.

Поверив в дезинформацию Макниля, Паскевич не мог, конечно, не предвидеть, что любые предложения иранской делегации и Маждональда будут связаны с пересмотром уже согласованного проекта договора и отнюдь не в пользу России. Поэтому он объявил Макнилю и иранским делегатам, что не допустит никакого обсуждения и никакого изменения в готовом проекте договора, который может быть только подписан⁹¹.

6 февраля русская и иранская делегации прибыли в Туркманчай. Час для заключения договора был определен придворным астрологом Аббас-мирзы: ровно в 12 часов ночи с 9 на 10 февраля 1828 года. И когда это время настало, 101 залп русских орудий возвестил о заключении мира⁹².

В тот же день Паскевич и Аббас-мирза договорились, что собранные в Зенджане иранские войска будут распущены, а русские подразделения отведены из Минанэ и Ардебилля, где будет находиться временная резиденция наследного принца. Было решено также, что в ближайшее время Россия получит шестой и седьмой куруры контрибуции, а до уплаты восьмого русские войска будут находиться в Хое⁹³.

14 февраля английский посланник заявил Паскевичу, что шестой курур уже находится в Зенджане⁹⁴ и что шах согласился одолжить Аббас-мирзе и седьмой курур при условии, если английское правительство будет гарантом возвращения этой суммы шаху. Маждональд не скрывал, что стремится помочь наследнику престола в его трудном положении, хотя не может ручаться за него, потому что без Азербайджана принц не сможет собрать необходимую сумму. Он заявил еще, что Англия согласна уплатить Ирану полкурура, при условии, если за шесть с половиной куруров русские войска уйдут из Азербайджана, а Аббас-мирза, в компенсацию за эти 250 тыс. туманов, согласиться аннулировать те статьи договора 1814 г., по которым Англия ежегодно должна была выплачивать

---

⁹¹ См. там же, л. 195.

⁹² См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 438 (Журнал донесений Паскевича императору за 1827—1828 гг. на 343 листах), л. 314 об.

⁹³ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 201 об.

⁹⁴ См. там же, л. 225, 225 об.

Ирану по 200 тыс. туманов в случае нападения на Иран европейской державы⁹⁵.

Паскевич ответил Макдональду и Аббас-мирзе, что русские войска уйдут из Азербайджана после того, как получат восемь куруров. Пять из них уже получены, шестой находится в Зенджане, половину седьмого курура отдаст Англия, в залог второй половины седьмого курура войска будут находиться в Урмии, а до получения восьмого курура—в г. Хой⁹⁶. Таким образом, получив шесть с половиной куруров, русские войска будут находиться только в Урмии и уйдут оттуда после того, как получат полтора курура. Остальные два курура (девятый и десятый) Иран внесет до 1830 г.

В последний раз вопрос о контрибуции был рассмотрен 6 марта 1828 г., когда Макдональд объявил Паскевичу, что его правительство согласилось уплатить за Аббас-мирзу не 250, а только 200 тыс. туманов, чтобы, как он впоследствии писал, «освободиться от обесценивающегося союза». Паскевич принял его заявление к сведению и объявил, что недостающие до половины курура 50 тыс. туманов будут отнесены к Урмии сверх прежних 250 тысяч⁹⁷. Войска корпуса теперь должны были уйти из Хоя и Урмии после того, как будут внесены 800 тыс. туманов.

В фондах ЦГИАЛ хранится перевод донесения Макдональда членам тайного комитета Ост-Индской компании от 12 марта 1828 г.: «Имею честь Вас уведомить,—говорится в этом документе,—что я сегодня выписал тройной вексель на Ваше имя в пользу Его Королевского высочества принца Аббас-мирзы или в его распоряжение на сумму в 200 тыс. туманов... на счёт почтенной Ост-Индской компании»⁹⁸.

По мнению проф. М. Махмуда, «англичане хотели уйти от своих обязательств. Воспользовавшись финансовыми затруднениями шаха, они ликвидировали 3 и 4 статьи, чтобы не оставлять в руках иранского правительства документ, доказывающий нарушение Англией ее до-

⁹⁵ См. там же, л. 202 об.

⁹⁶ См. там же, л. 203; «Исторические записки АН СССР», т. 24, 1947, стр. 128.

⁹⁷ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 272 об.

⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 295, л. 2.

говорных обязательств»⁹⁹(?). Иначе освещает этот вопрос проф. Бина. Ссылаясь на письмо Макдональда вице-королю Индии от 12 марта 1828 г., он пишет: «Продвижение русских войск к Тегерану напугало Макдональда, который считал, что успехи русских войск в Иране, в конечном итоге, угрожают безопасности Индии. Чтобы не допустить дальнейшего наступления русской армии, Макдональд отдал Фатх-Али-шаху 200 тыс. туманов»¹⁰⁰. В связи с этим, действия Макдональда (по ликвидации 3 и 4 статей Тегеранского договора) Бина считает «крупным успехом британской дипломатии»¹⁰¹, хотя и признает при этом, что этот «успех» был достигнут в благоприятной для Англии международной обстановке, когда «Россия была целиком поглощена Балканской проблемой»¹⁰². Противоречия в этой концепции очевидны. Если Россия была целиком поглощена Балканской проблемой, то, следовательно, в тех условиях царизму было не до «захвата Индии», если об этом говорить с точки зрения Бина. По этому вопросу можно выделить две тенденции и в английской историографии. Сайкс в «Истории Персии» осторожно обходит все те причины, на которые указывают эти иранские авторы. Он представляет дело так, будто Англия только и стремилась к тому, чтобы помочь своему иранскому союзнику, совершенно не считаясь с интересами Англии. «Ликвидация этих статей,—утверждает Сайкс,—неприемлемых в новой обстановке, оказала блестящую услугу Великобритании потому, что уплата контрибуции связывалась с большими трудностями для ее близкого (иранского.—Б. Б.) союзника»¹⁰³. Другая тенденция, выразителями которой являются английские историки Ватсон и Кей, связывает отмену упомянутых статей Тегеранского договора (взамен 200 тыс. туманов

محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۰۴.

علی اکبر بینا، تاریخ سیاستی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۲۵.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Sykes, A History of Persia, vol. 2, London, 1951, p. 321.

лов) с затруднительным положением Англии, которая, дескать, должна была оказывать помощь шаху в войне против России, с которой Англия находилась в дружественных отношениях. Это положение Англии, которое Ватсон называет «щекотливым»¹⁰⁴, а Кей «невыгодным»¹⁰⁵, обострилось во время переговоров в Дех-Харгане, когда шах и Аббас-мирза, по словам М. Махмуда, настойчиво добивались английской финансовой помощи, ссылаясь на договорные обязательства Англии¹⁰⁶. Англия опасалась также, что, отказав Ирану в субсидии, потеряет влияние на шаха. В то же время момент представлялся ей весьма удобным, чтобы ликвидировать те статьи Тегеранского договора, которые Ливен на лондонских переговорах с Каннингом называл главной причиной, побудившей Иран напасть на Россию¹⁰⁷. Англия вправе была рассчитывать, что ликвидация упомянутых статей произведет благоприятную реакцию в Петербурге. Отметим еще, что в начале 1828 г. английское правительство объявило, что не сможет предоставить Ирану финансовую помощь по смыслу договора 1814 г. потому, что Иран был зачинщиком второй русско-иранской войны, а 200 тысяч туманов предоставляет за ликвидацию двух статей. Эта вынужденная и вместе с тем объективная оценка причины русско-иранской войны 1826—1828 гг. была нелицеприятной для шаха и его министров, так как накануне и в ходе этой войны Англия устами Каннинга и Веллингтона пыталась обвинить Россию в агрессии¹⁰⁸. Не случайно, английский историк Д. Кей откровенно писал, что требования иранского правительства заставили британских дипломатов пересмотреть статьи о субсидии, которые вовлекли и снова могли вовлечь Англию в полосу затруднений, в том числе и дискредитирующего порядка. «Было желательно,—отмечает далее Кей,—избавиться от этих условий

¹⁰⁴ R. C. Watson, A History of Persia, London, 1866, p. 244.

¹⁰⁵ J. W. Kaye, A History of the War in Afghanistan, vol. I, London, 1878, p. 152.

¹⁰⁶ محمود محمود، تاریخ روابط نیایشی ایران و انگلیس، ص ۲۰۲.

¹⁰⁷ См. АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6963, л. 7 об.

¹⁰⁸ См. там же, л. 23 об., а также J. W. Kaye, History of the War in Afghanistan, p. 152; R. C. Watson, History of Persia, p. 244.

договора. Время для этого было благоприятным, а случай находился в руках»¹⁰⁹. Впрочем, еще в Дех-Харгане Макдональд заявил Грибоедову, что «обесценивающийся трактат, заключенный Аузли, считается для Англии тягостным, особенно из-за статей, предусматривающих предоставление субсидий»¹¹⁰.

После заключения мира Паскевич неоднократно напоминал иранским министрам, чтобы они разрешили Макдональду выдать доставленные из Тегерана первые пять куруров. Только 16 февраля Аббас-мирза разъяснил, что эти куруры состоят из разных золотых монет и что поэтому расчет должен производиться не иранскими туманами, а русскими червонцами¹¹¹. Это требование не лишено было основания и в конечном счете сокращало контрибуцию на 30 000 туманов. Паскевич возражал против этого, но его аргументы были неубедительными, из-за невозможности доказать, что иранцы теряют на золоте столько же, сколько русские на серебре. Споры закончились тем, что иранский министр иностранных дел выехал в Тегеран, английский посланник, не получив разрешения на выдачу денег, вернулся в Тавриз¹¹², а Паскевич, видя все это, пригрозил Аббас-мирзе, что оставит войска в Ардебиле и Мианэ и доложит царю о нарушении трактата. Угроза эта возымела действие и Макдональд получил разрешение на выдачу пяти куруров¹¹³. Это обстоятельство важно еще и в том отношении, что вносит существенную поправку почти во все те работы, где неправильно указывается, что половина контрибуции, или первые пять куруров, по предложению Грибоедова были уплачены до заключения договора. На деле же договор был подписан тогда, когда эти деньги находились в здании английской миссии в Тавризе.

Таким образом, переговоры в Дех-Харгане и Туркманчае показали, что дипломатическая деятельность ген. Паскевича, возглавлявшего русскую делегацию, отличалась крайней непоследовательностью, а дореволюцион-

¹⁰⁹ J. W. Kaye, History of the War in Afghanistan, p. 153.

¹¹⁰ АКАК, т. VII, № 528, стр. 572.

¹¹¹ По официальному курсу 1828 г., один русский червонец был эквивалентен 3 руб. 20 коп. серебром.

¹¹² См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 204 об.

¹¹³ См. там же.

ные дворянско-буржуазные историки Щербатов, Н. Дубровин и др. пытались затушевать политические и дипломатические просчеты Паскевича и нередко приписывали ему заслуги Грибоедова.

Паскевич наложил вето на грибоедовскую программу экономического развития Закавказья, осуществление которой должно было облегчить реализацию Туркманчайского договора и ослабить в Иране влияние Англии.

Устанавливая новую границу с Ираном, Паскевич без всякого основания отклонил ходатайство армян о присоединении к России Макинского магала—исторически армянской территории, захваченной в прошлом иранскими войсками.

Много путаницы внес Паскевич в вопросы, связанные с контрибуцией. Накануне переговоров в Дех-Харгане он объявил, что требует от Ирана 10 куруров туманов (5 млн. туманов или 20 млн. руб.). Однако 7 ноября, т. е. в первый же день переговоров, Паскевич увеличил эту сумму еще на 5 куруров. Затем, 25 ноября, он уже «уступил» Ирану 3 курура, а 23 декабря «уступил» еще 2 курура.

Другие распоряжения Паскевича были столь же непоследовательны. В начале октября он объявил, что русские войска будут зимовать в Хое, хотя перед этим заверил Аббас-мирзу, что отзовет эти войска в Россию, как только получит 300 тыс. туманов восьмого курура. А когда уже деньги были отправлены в Тавриз, он приказал войскам зимовать в Иране. В конце того же месяца, после того как Грибоедов по своей инициативе продлил срок уплаты 100 тыс. туманов на 5 месяцев (до 10 марта 1829 г.) для оправдания пребывания русских войск в Иране, что было выгодно России в связи с русско-турецкой войной, Паскевич снова изменил свое решение и приказал вывести из Ирана большую часть войск. Оставленные им после этого в Хойской области четыре русские роты не представляли серьезной военной силы и специально предназначались для сбора налогов у населения. Делалось это вопреки Туркманчайскому договору и протестам Грибоедова, так как эти налоги по существу были второй контрибуцией царизма.

Паскевич и Родофиникин считали, что истощение

шахской казны не позволит Ирану начать против России новую войну. Однако на деле их расчеты не соответствовали конкретной международной обстановке на Ближнем и Среднем Востоке. Бескомпромиссные требования взыскать всю контрибуцию и получить стоимость драгоценных камней, отданных Паскевичу под залог, предъявлялись в обстановке, когда у Аббас-мирзы не было денег, из Ирана были выведены основные части Кавказского корпуса, султан предлагал шаху военный союз, а оставленные в Хое малочисленные русские подразделения не могли помешать возможному объединению иранских и турецких войск.

Показательно также, что Паскевич освободил из плена и привел на переговоры в Туркманчай одного из главных зачинщиков двух русско-иранских войн, бывшего первого министра шаха Аллахяр-хана. Он хотел использовать Аллахяр-хана и даже заставил его писать письма шаху с призывами к миру. За все Аллахяр-хан «отплатил» тем, что стал одним из организаторов разгрома русской миссии и убийства А. С. Грибоедова. Не менее показательны трогательная забота Паскевича о личной безопасности Аббас-мирзы, равно как и его действия по пресечению антиправительственных выступлений народов и племен Ирана.

Исследователи не обратили внимания, что в период переговоров в Дех-Харгане английские дипломаты добились, чтобы русские войска покинули Иран до заключения мирного договора. Это было нужно им для того, чтобы саботировать переговоры, не опасаясь русского продвижения к Тегерану. В этих целях Англия делала все, чтобы Каджары как можно быстрее внесли контрибуцию, поскольку несвоевременная ее уплата могла привести к длительной оккупации или аннексии русскими войсками Северного Ирана. По этим причинам английский майор Гарт превратился в сборщика налогов в Азербайджане; Макниль уговаривал шаха одолжить Аббас-мирзе 100 тыс. туманов для выкупа драгоценностей или подписать акт, по которому наследный принц должен был отказаться в пользу шаха от доходов с любой из принадлежавших ему областей; а английский посол

Макдональд согласился гарантировать выплату восьми куруров контрибуции русскому командованию.

Факты показывают, что ген. Паскевич недооценивал или недопонимал этой английской политики и, несмотря на возражения А. С. Грибоедова, верил в заинтересованность английской дипломатии в быстрейшем заключении мира. Эти заблуждения Паскевича аннулировали важную дипломатическую победу Х. А. Ливена над Каннингом в Лондоне, где были отклонены попытки Англии навязать ее посредничество. В конце ноября 1827 г. Паскевич уже фактически допустил вмешательство (под видом посредничества) английских дипломатов в переговоры. В результате Макдональд в Тавризе, а Макниль в Тегеране получили возможность оказывать давление на шаха и Аббас-мирзу, чтобы до эвакуации русских войск продлить, а затем сорвать переговоры с Россией. Этим они рассчитывали укрепить свои позиции в Иране, отвлечь войска Кавказского корпуса от Турции; предоставить султану время для реорганизации его армии и создать ирано-турецкую коалицию, тем более, что назревала русско-турецкая война.

Играя на финансовых затруднениях Каджаров, связанных с выплатой контрибуции, Макдональд получил от шаха неограниченные полномочия и сосредоточил в своих руках огромную власть, а когда предназначенная для России контрибуция оказалась в руках англичан, они не допустили осуществления грибоедовского плана и не отдали России первых пяти куруров до заключения мира.

Чтобы устранить вмешательство Англии и ускорить заключение мира, А. С. Грибоедов указал на неприемлемость ошибочной концепции русского дипломата Обрезкова и настоял, чтобы войска корпуса перешли в наступление на тегеранском и других направлениях, а после заключения мира были отозваны в Россию.

Об эффективности этой вынужденной операции русских войск можно судить по тому, как накануне подписания мирного договора Макниль безуспешно рекомендовал Паскевичу вместо Туркманчая избрать другое село, расположенное в стороне от магистральной дороги к Тегерану. Не менее показательны, что Макдональд хранил пять куруров при себе в Тавризе и не собирався отда-

вать их Паскевичу, несмотря на то, что после подписания Туркманчайского мира прошла неделя. Более того, Макдональд уговорил Аббас-мирзу обвинить Паскевича в недооценке иранских золотых монет на сумму в 30 тысяч туманов и уехать из Туркманчая, не договорившись о передаче контрибуции русскому командованию. После этого потребовалась новая угроза возобновить наступление на Тегеран, чтобы пять куруров были отданы России. Английская дипломатия пыталась преодолеть две опасности. Первая из них была связана с угрозой потери английского влияния в Иране в случае, если Англия не предоставит шаху финансовой помощи, в чем он нуждался для покрытия долгов по контрибуции, а другая заключалась в том, что эта помощь могла быть оказана вопреки смыслу Тегеранского двора 1814 г., который дал основание обвинить Англию в подстрекательстве Ирана к войне. Англия не могла не опасаться, что, помогая Ирану, она осложнит свои и без того натянутые отношения с Россией. Это было опасно после заключения Туркманчайского договора, когда в представлении английской дипломатии русские войска могли надолго остаться в Иране. «Выход», однако, был найден в том, что Ост-Индская компания предоставила Ирану 200 тысяч туманов в компенсацию за аннулирование 3 и 4 статей Тегеранского договора и при условии, если будут отозваны русские войска.

Когда началась русско-турецкая война, Англия еще более активно стала добиваться эвакуации русских войск, особенно из пограничной зоны на северо-западе Ирана, чтобы обезопасить фланги турецкой армии в Западной Армении и Курдистане и создать условия для объединения иранской и турецкой армий. С этой же целью Макдональд и Аббас-мирза поддерживали регулярную связь с Турцией, которая в районах Вана, Карса и Эрзерума сосредоточила войска и предлагала объединить их с армией шаха. Эта их деятельность, так же как и попытки Макдональда не допустить русско-иранского разграничения, была частью английского плана по вовлечению Ирана в антирусскую коалицию.

В иранской историографии преобладает предвзятое мнение о том, что шах и иранские дипломаты того времени были ограниченными, несамостоятельными и несве-

душными в дипломатии жертвами европейской политики.

Не исключено, что взгляд этот, заимствованный у британского дипломата и историка Д. Мориера, преднамеренно раздувается для прикрытия и оправдания агрессивной внешней политики Каджаров в отношении Закавказья. Между тем, дипломатическая деятельность шаха, наследного принца, их министров и дипломатов, особенно в период переговоров в Дех-Харгане, вовсе не создает впечатления беспомощности. В этом нельзя не убедиться на примере политики шаха, который в ожидании русско-турецкой войны, начавшейся в 1828 г., дезинформировал султана тем, что вблизи от турецкой границы сосредоточил иранские войска; объявил, что вместо Аббас-мирзы назначает наследником престола угодного султану хорасанского наместника, для видимости одобрительно реагировал на предложения султана отдать пять куруров не русским, а иранским войскам и начать против России войну, в то время как на деле шах не только не спешил форсировать события, а напротив, не верил и не доверял султану после разгрома турецкого флота в Наваринском сражении. По этим причинам шах выжидал, чтобы Турция первая начала войну против России, чтобы только после этого решить вопрос о целесообразности вступления Ирана в третью войну против России или необходимости добиться выгодного мира в невыгодной для России международной обстановке. На наш взгляд, этот план шах прикрывал рядом мероприятий. Во-первых, аннулировал подписанное Паскевичем и Аббас-мирзой предварительное соглашение от 9 декабря 1827 г. для того, чтобы осложнить работу делегаций в Дех-Харгане и таким путем оттянуть эти переговоры в надежде на уступчивость России или на изменение международной обстановки. После этого шах отклонил и второе соглашение от 23 декабря тем, что отправил в Дех-Харган своего министра иностранных дел с поручением заново начать переговоры. Кроме того, несмотря на решение Паскевича оставить в Иране часть русских войск, пока не будет внесена вся контрибуция, шах, по совету Макдональда, согласился выдать первые пять куруров только после вывода из Ирана всех русских войск. Создав видимость недоверия к Аббас-мирзе, Фатх-Али-шах поручил своим министрам-пацифистам затягивать перегово-

воры с Вольховским в Тегеране, а сбор иранских войск в Зенджане объяснил необходимостью внушить народам Ирана слух о существовании в Иране сильной шахской власти и армии. Одновременно, чтобы выиграть время, шах по частям высылал в Тавриз первые пять куруров контрибуции, которые к тому же передавались Макдональду для того, чтобы в случае изменения обстановки и перехода турецкой армии в контрнаступление деньги эти были возвращены шаху или розданы иранским войскам.

Показательно также, что 6 января 1828 г. Фатх-Алишах отправил в Тавриз последний взнос (886 тыс. туманов) в счет первых пяти куруров, а после этого, в отличие от англичан, на русское наступление смотрел без всякого страха, потому что был уверен, что русские спешат с заключением мира. Только поэтому иранские войска избегали боевого соприкосновения с частями Отдельного Кавказского корпуса и организовано отводились на юг.

Собранная в запутанный узел, большей частью тайная, деятельность русских, иранских, английских и турецких дипломатов в период переговоров и заключения Туркманчайского договора ожидает дальнейшего исследования.

3

Туркманчайский договор 1828 г. подвел итоги второй русско-иранской войны: завершил присоединение к России Восточной Армении и Северного Азербайджана; ликвидировал иранскую власть в Закавказье и укрепил военно-стратегические позиции царизма на юге империи накануне войны с Турцией.

Договор этот был неравноправным и в этом отношении стоял в одном ряду со многими неравноправными договорами той эпохи. Ф. Энгельс указывал, что «Туркманчайский договор превратил Персию в вассала России»¹¹⁴. Однако эта оценка, в одинаковой мере касавшаяся и других европейских государств, тоже превративших Иран в своего вассала, не отрицает предыстории заклю-

¹¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, изд. I, ч. I, стр. 134—135.

чения Туркманчайского договора¹¹⁵—агрессивного вторжения иранских войск в пределы России и поражения армии шаха, который после этого не вправе был рассчитывать на равноправный договор или милосердие царя.

Изменив политическую и стратегическую обстановку на Востоке, а также положив конец русско-иранским войнам, Туркманчайский договор нанес сокрушительный удар по реваншистским стремлениям Каджаров. Одновременно был нанесен удар по планам Англии, толкнувшей шаха на безнадежную войну против России.

Вместе с Туркманчайским миром завершилась многовековая освободительная борьба армянского и других народов Закавказья против ига иранских завоевателей; 40 тысяч армян, брошенных на чужбину во время опустошительных войн и нашествий, вернулись на родину. Указом Правительствующему сенату, подписанному Николаем I, в Восточной Армении была образована Армянская область. В фондах Центрального государственного исторического архива в г. Ленинграде хранится копия этого Указа: «Силою трактата с Персией заключенного, присоединенные к России от Персии ханство Эриванское и ханство Нахичеванское повеливаем во всех делах име-

---

¹¹⁵ Ст. I договора провозгласила мир; ст. II аннулировала Гюлистанский договор; ст. III присоединила к России ханства Эриванское и Нахичеванское; ст. IV установила новую границу по Араксу и южнее этой реки в Талыше; ст. VI определила контрибуцию в размере 10 куруров или 20 млн. руб.; ст. VII признавала Аббас-мирзу преемником и наследником иранского престола. Договор объявлял свободу мореплавания русских и иранских торговых судов, а также установил монопольное право России иметь военный флот на Каспийском море. Ст. IX, расширенная отдельным протоколом, посвящалась вопросам дипломатического церемониала. Ст. X, дополненная девятью другими статьями «Трактата о торговле», признавала необходимость расширения торговли; русским и персидским купцам предоставлялось право «наибольшего благоприятствования», восстанавливалась введенная Гюлистанским договором 5% пошлина с товаров, ввозимых купцами обеих сторон; отменялись внутренние таможенные сборы для персидских купцов в России и русских купцов в Иране. Определялись функции консульств, способы решения споров и вопросы арбитража; за Россией закреплялось право консульской юрисдикции на территории Ирана и устанавливалась экстерриториальность русских подданных. Ст. XIII предусматривала освобождение и возвращение на родину в течение 4 месяцев всех военнопленных и подданных обеих стран, попавших когда-либо в плен. По ст. XIV стороны обязались не требовать дезертиров и перебежчиков,

новать отныне областию Армянскою и включить сную в титул наш. Об устройстве сей области и порядке ея управления Правительствующий сенат в свое время получит надлежащие повеления. Николай (подпись). С. Петербург, 21 марта 1828 года»¹¹⁶.

Сорвав реваншистские планы Каджаров и оттеснив позиции Англии на Востоке, Туркманчайский мир создал условия для преобладания России в Иране и усиления ее экономического и политического влияния в сопредельных государствах Азии. Не удивительно поэтому, что договор этот подвергся ожесточенным нападкам в английской и иранской буржуазной историографии.

В интерпретации английского историка Кся Туркманчайский договор был «глубоко оскорбительным для Ирана»¹¹⁷, несмотря на то, что Англия официально признала Иран зачинщиком второй русско-иранской войны, приведшей к Туркманчайскому миру. Кей обвиняет еще Англию в том, что она, дескать, была только «пассивным наблюдателем русской политики и русских захватов»¹¹⁸.

Это тенденциозное заявление о некоей пассивности Англии не вяжется с активной дипломатической деятельностью Англии накануне и в период русско-иранских войн и, особенно, после заключения Туркманчайского договора, когда Англия провоцировала шаха на новую войну против России, участвовала в заговоре против А. С. Грибоедова и всячески пыталась не допустить выполнения Туркманчайского договора. Весьма показа-

---

а по ст. XV не преследовать жителей Южного Азербайджана за их содействие русским войскам во время войны и предоставить всем желающим возможность переселиться в Россию до 10 февраля 1829 г. Имущество переселенцев освобождалось от налогов и пошлин. С помощью доверенных лиц они могли продать свое имущество до 10 февраля 1833 г. Заключительная XVI статья объявляла о прекращении военных действий и устанавливала 4-месячный срок для ратификации договора. Копия подлинника этого договора хранится на русском, французском и персидском языках в ЦГИА Груз. ССР (ф. 1018, оп. 2), а также в ЦГИАЛ (ф. 560, оп. 2, д. 1233, лл. 1—7; ф. 1329, д. 452, л. 721—740).

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1329, д. 452, л. 714. Указ был оглашен на заседании сената 23 марта 1828 г. Тогда же Николай I выступил на сенате с заявлением «О мире с Персией» (ЦГИАЛ, ф. 1329, д. 452, лл. 714—719).

¹¹⁷ *J. Kaye, History of the War in Afghanistan, vol. 1, London, 1878, p. 150.*

¹¹⁸ Там же, стр. 152.

тельным в этом отношении было недовольство английской дипломатии присоединением к России Эриванского и Нахичеванского ханств и переселением на родину армян.

Известно, что после присоединения к России, Восточная Армения стала притягательным центром для армян, заброшенных на чужбину. В Матенадаране хранится воззвание архиепископа Нерсеса Аштаракеди к армянам, получившим возможность вернуться на родину из Ирана: «Как в евангелии написано о воскресении мертвых,— говорится в этом обращении,—так и вы должны воскреснуть от гнета и рабства и можете освободить себя, своих детей и будущие поколения от тысячелетних мук, духовных и телесных страданий. С огромной радостью спешите подняться и перейти границу России. Думайте о будущем»¹¹⁹

Чтобы помешать переселению, английский поверенный Генри Виллок, а также английские офицеры Монтис, Гарт и Шил под видом наблюдения за ходом переселения разъезжали по армянским селениям и пытались удержать армян от возвращения на родину¹²⁰. Один из руководителей переселения полковник Лазарев доносил Паскевичу, что «не только персияне, но и английская миссия употребляли все средства, чтобы остановить переселение»¹²¹. Персы и англичане старались убедить армян, что шах решил облегчить их положение, сократить налоги, а армяне отвечали им, что «лучше есть траву русскую, чем хлеб персидский»¹²².

В унисон Кею, другой английский историк Арчбольд утверждает, что «Паскевич... заставил шаха подписать унижительный Туркманчайский договор», хотя и признает

---

¹¹⁹ Матенадаран, ф. Католикоса, папка 166а, док. № 1119 от 12 апреля 1828 г., Эчмадзин (Обращение к армянам Макинского магала).

¹²⁰ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 315, л. 1, 1 об

¹²¹ АКАК, т. VI, стр. 608.

¹²² С. Глинка, Обзор истории армянского народа, ч. II, стр. 258—259; *его же*, Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, М., 1831, стр. 48.

1 марта 1828 г. Аббас-мирза прислал проживавшим в Мараге 698 армянским семьям фирман, в котором уговаривал их не уезжать из Ирана. Однако вскоре после этого в Мараге не осталось ни одного армянина. В Тавризе осталось только 6 состоятельных армянских семей («Кавказский сборник», т. XXX, стр. 44—49).

при этом, что беспокоится потому, что «русское влияние в Иране возрастало, а английское падало»¹²³.

Больше других сгущает краски Керзон. По его версии, создающей впечатление беспросветной трагедии, «Азербайджан лежал под холодной тенью северного колосса»¹²⁴, и вообще владения шаха на севере Ирана «были обращены в положение униженной беззащитности»¹²⁵. «Такое унижающее наказание,— заключает этот эмиссар британского колониализма,— беспрецедентно в истории войн и могло быть терпимо только таким слабым государством, каким был Иран и могло исходить только от такого сильного государства, какой была Россия»¹²⁶.

Столь же несостоятельными являются концепции Сайкса о том, что Туркманчайский мир «открыл в истории Ирана новую эру потому, что только после этого договора Иран перестал быть независимым государством»¹²⁷, а также близкая к ней реплика Р. Ватсона: «Туркманчайский договор был образцом для других иностранных держав»¹²⁸.

Ватсон, Сайкс и Кей явно не в ладах с фактами. Известно, что франко-иранские договоры 1708, 1715, 1807 гг. и англо-иранские договоры 1763, 1801, 1809, 1812, 1814 гг. закабалили Иран задолго до Туркманчайского договора, который приравнял положение русских дипломатов и купцов, находившихся в Иране, к положению подданных других иностранных государств и, прежде всего Англии, пользовавшихся правами наибольшего благоприятствования, экстерриториальности и консульской юрисдикции. Достаточно отметить, что фирман, выданный англичанам правителем Ирана Керим-ханом в 1763 г., наделял их правом консульской юрисдикции и предоставлял англичанам право создавать на берегах

---

¹²³ W. A. Archbold, *Afghanistan, Russia and Persia*, „The Cambridge History of the British Empire“, vol. IV, Cambridge, 1929, p. 489.

¹²⁴ Curzon, *Persia and the Persian Question*, vol. 2, London, 1892, p. 393.

¹²⁵ Там же, т. 1, стр. 42.

¹²⁶ Там же, т. 2, стр. 393.

¹²⁷ P. A. Sykes, *History of Persia*, London, vol. 2, 1915, p. 420.

¹²⁸ R. C. Watson, *History of Persia*, London, 1866, p. 239.

Персидского залива свои фактории и даже вооружать их.

Английские историки не только замалчивают эти договоры, но и выставляют Англию защитницей Ирана и поборницей справедливости. «Каждый, кто знает Персию,—заявляет Макниль,—знает, что ее независимое положение сохранялось только благодаря поддержке и помощи, которые ей оказывала Великобритания»¹²⁹ (?). В заявлениях Сайкса и Макниля нельзя не заметить противоречие: первый из них объявил, что Россия уничтожила самостоятельность Ирана, а последний утверждает, что Иран сохранил свою самостоятельность благодаря Англии. Заметим еще, что Макниль в защиту своей версии не мог привести никаких доказательств потому, что в 1836 г. и в 1841 г. Англия снова навязала Ирану два кабальных договора, которые английские историки обошли молчанием.

Другая тенденция английской историографии связывает Туркманчайский договор с несостоятельной концепцией об «обороне Индии», «оправдывающей» колониальную политику и территориальные захваты Великобритании на Среднем Востоке. «В наших попытках подавить силу Наполеона,—отмечает английский историк Конноли,—мы дали силу России, которая теперь имеет больше, чем та позиция, которой в свое время домогался Наполеон. Интриги Франции и ее влияние на Иран осуществлялись на расстоянии, а Россия теперь командует на иранской границе»¹³⁰. Заявление Конноли было частью широкой антирусской компании, поднятой английскими политиками и прессой в 1828—1829 гг., «когда Джорж де Ласи Эванс в своих памфлетах «Замыслы России» (1828), запугивая читателя успехами России в Иране, призывал к созданию антирусской коалиции под эгидой Англии и проповедовал идеи превентивной войны против России»¹³¹. Являясь одним из руководителей оперативного штаба английской армии и ближайшим сотрудником герцога

---

¹²⁹ *J. Mac-Neill*, *Progress and present position of Russia in the East*, London, 1836, p. 131.

¹³⁰ *A. Conolly*, *Journey to the North of India overland from England, through Persia and Afghanistan*, vol. 2, London, 1838, p. 302.

¹³¹ *G. Evans de Lacy*, *The designs of Russia*, London, 1828, p. 163—177.

Веллингтона, тогдашнего премьер-министра Великобритании, Эванс предлагал вовлечь Иран в новую войну с Россией и с этой целью обещал Фатх-Али-шаху и Аббас-мирзе вернуть «все ранее отторгнутые у них территории»¹³².

Туркманчайскому договору уделено немало страниц и в иранской историографии.

Насратулла Фальсафи и Али Асгар Шамим в «Полной истории Ирана» отмечают, что в «Туркманчайском договоре были соблюдены интересы России неизмеримо больше, чем обычно соблюдались интересы любой европейской державы в отношении с любой побежденной страной»¹³³, а Бина, подобно Ватсону, заявляет не без иронии, что «Акт о торговле» был «образцом для других иностранных государств, заключавших договоры с Ираном»¹³⁴. Развивая эту версию, Бина указывает еще, что Туркманчайский мир установил в Иране «режим консульского газавата»¹³⁵, т. е. режим, при котором русские консулы вели «священную» войну против иранцев в их собственной стране.

В том же духе выдержано заявление иранского историка Хамадани. Повторяя Сайкса, он утверждает, что статьи «Акта о торговле» «лишили Иран экономической независимости»¹³⁶ и что для Ирана Туркманчай был «началом многих бед и несчастий»¹³⁷, потому что после этого договора «началось вмешательство иностранцев во внутренние дела Ирана»¹³⁸. Автор «Военной истории Ирана» Гулам Хусейн Моктадер тоже указывает, что «Акт о тор-

¹³² Там же, стр. 164.

¹³³ نصرت الله فلسفی و علی اصغر شمیم، تاریخ مفضل کشور ایران و تاریخ عبومی، تهران، ۱۳۱۹، ص ۱۸۵

¹³⁴ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، چاپ تهران، ص ۲۶۲.

¹³⁵ Там же, стр. 248. Советское правительство нотой иранскому МИД от 26 июня 1919 г. уничтожило российскую консульскую юрисдикцию, введенную в Иране Туркманчайским договором (Б. Б.).

¹³⁶ عبد الله رازی همدانی، تاریخ ایران (از باستان تا سال ۱۳۱۶ ص ۶۵!

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

говлея «заложил основы системы капитуляций»¹³⁹, не смотря на то, что эти основы были заложены Англией и Францией еще в XVIII веке, а другой военный историк Джамиль Гузанлу сбрасывает со счета иранскую агрессию в Закавказье в 1826 г. и сожалеет о том, что «все то, что русские не получили в Гюлистане, они получили вдвойне через 14 лет»¹⁴⁰. По его же версии, «Каджары утратили свое влияние на Кавказе, в Центральной Азии и потеряли господство на Каспийском море»¹⁴¹. Гузанлу не указывает конкретно на страну в Центральной Азии, которая накануне Туркманчайского мира находилась под влиянием Каджаров, а после заключения договора этого влияния не испытывала. Другое дело, если речь шла о влиянии иранской культуры и персидского языка, к которым Каджары, как неперсидская династия по происхождению, были непричастны. Не менее странно, что Джамиль Гузанлу говорит о влиянии Каджаров на Кавказе, не считаясь с тем, что народы Кавказа недвусмысленно показали свое отрицательное отношение к Каджарам, когда они вместе с русскими разгромили иранскую армию и отбросили ее за Аракс. Кстати, капитуляция Тавриза, а также восстания угнетенных народов и племен Ирана показали, что Каджары не имели влияния и в своей собственной стране. Другое заявление Гузанлу о потере морского господства Ирана столь же неправдоподобно потому, что Иран не имел тогда своего флота на Каспийском море. К тому же ст. VIII Туркманчайского договора объявила свободу мореплавания русских и иранских торговых судов по всему Каспийскому морю, хотя и установила монопольное право России иметь на Каспии военный флот. Статья эта по существу была направлена против экспансионистских планов Англии, которая по англо-иранскому договору 1812 г. получила право строить для Ирана военные корабли на побережье Каспийского моря (ст. VII и IX).

«Судьбы Ирана,— замечает иранский историк Мех-

¹³⁹ غلام حسين مقتدر، تاريخ نظامی ايران، ص ۳۲۰.

¹⁴⁰ جميل قوزانلو، تاريخ نظامی ايران، تهران، ۱۳۱۵، ص ۹۲۹—۹۳۰.

¹⁴¹ Там же.

ди Моджтахеди,—были лучше решены в Гюлистане. По его мнению. Туркманчайский договор был «злосчастнее и вреднее Гюлистанского», потому что «Иран полностью капитулировал, а Каджары стали политическим орудием России»¹⁴². Моджтахеди не говорит при этом, что эта капитуляция произошла в результате разгрома иранской армии в войне, которую первыми начали Каджары, а Туркманчайский договор был следствием этой агрессивной акции.

Еще в 20-х годах XX в. иранская историография согласилась с научной критикой европейских историков Бреслау и Рудольфа Каллена и признала, что завещания Петра I никогда не существовало¹⁴³. Несмотря на это, современные иранские историки проф. Сеид Нафиси¹⁴⁴ и проф. Ахмед Тадж Бахш¹⁴⁵ продолжают утверждать, что, следуя «петровскому завещанию», Россия все время стремилась достигнуть океана через Персидский залив и не могла достигнуть этой цели, дескать, потому, что, как говорится в придворной хронике Реза-Кули-хана Хедаята, «...из чистого золота (т. е. контрибуции.—Б. Б.) шах соорудил плотину, которая не пропустила лавину русских войск»¹⁴⁶.

Туркманчайский договор подробно анализируется в работах двух иранских исследователей: историка 20-х годов XX в. доктора М. Афшара и 50-х годов проф. М. Махмуда. Если первый из них в своей докторской диссертации «Европейская политика в Персии», опубли-

¹⁴² مهدی مجتهدی، ایران و انگلیس، تهران، ۱۳۲۴، ص ۷۰.

¹⁴³ См. M. Afschar, La politique européenne en Perse, Quelques pages de l'histoire diplomatique, Berlin, 1921, p. 23—24.

¹⁴⁴ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر، از آغاز سلطنت قاجارها تا پایان جنگ نخستین باروسیه، تهران، ۱۳۳۵، ص ۳۱۴.

¹⁴⁵ احمد تاج بخشی، روابط ایران و روستبه در نیمه اول

قرن نوزدهم، تبریز، ۱۳۳۷، ص ۱۷۴

رضا قلی خان هدایت، روضت الصفاى ناصرى، تهران، ۱۳۱۹.

кованной в Берлине на французском языке, придерживался проанглийской ориентации, то М. Махмуд отстаивает в основном реалистические концепции.

М. Афшар замечает, что «вся политическая и дипломатическая история Ирана в XIX в. была заполнена борьбой за влияние между Россией и Англией¹⁴⁷. Не скрывая своего раздражения по поводу присоединения Закавказья к России, Афшар пытается отрицать право народов Закавказья на свою историческую территорию. Афшар отстаивает классовые интересы Каджарской династии и в связи с этим заявляет, что земли Закавказья принадлежат только законным владельцам (имеются в виду Каджары.— Б. Б.), а не тем, кто их обрабатывает¹⁴⁸. Эту свою классовую точку зрения буржуазный историк Афшар пытается подкрепить циничной ссылкой на ...«стадо, которое принадлежит не пастуху, а его владельцу»¹⁴⁹. Любопытно, что сказал бы Афшар сегодня, видя как в Иране земля отбирается у ее бывших владельцев и продается тем, кто ее обрабатывает? Афшар солидаризируется с Фатх-Али-шахом, который писал Наполеону, что «русский царь не подумал о том, что воробей (имеются в виду народы Закавказья.— Б. Б.) никогда не будет устраивать себе жилища в гнезде коршуна так же, как и логово льва не может быть мирным убежищем для газели»¹⁵⁰, и указывает, что «Россия осуществила в Иране политику проникновения, а Англия—соперничества»¹⁵¹. Поясняя этот свой главный тезис и по существу отрицая, что в Иране сталкивались встречные потоки экспансии, Афшар замечает, что «Россия стремилась продвинуться все ближе к югу, а Англия останавливала тех, кто хотел приблизиться к границам Индии; Россия меняла свою политику в зависимости от своего продвижения в Центральной Азии, а Англия меняла свою политику только исходя из действий противника, с которым она боролась»¹⁵² (?).

---

¹⁴⁷ См. *M. Afschar, La politique européenne en Perse*, p. 9.

¹⁴⁸ См. там же, стр. 33.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, стр. 34.

¹⁵¹ Там же, стр. 10.

¹⁵² Там же.

Повторяя английскую версию об «Обороне Индии», прикрывавшую экспансию Англии в странах Азии, Афшар без всякого основания пишет, что русская политика «натыска на Индию» изменялась в зависимости от занятости их армии и дипломатии в Европе и на Балканах. Каждый раз,— отмечает Афшар,— когда царская Россия обманывалась в других районах мира, она неизменно направляла свои усилия на Средний Восток¹⁵³.

По его оценке Туркманчайский договор «был сводом наставлений об отношениях между двумя государствами в течение столетия»¹⁵⁴, а поражение Ирана в войне—«поворотом в судьбах Ирана»¹⁵⁵. Чуть ли не все взаимные обязательства России по Туркманчайскому договору Афшар считает «включенными в договор только для формы»¹⁵⁶. Даже статью VII Туркманчайского договора, подтверждающую, что Аббас-мирза является «преемником и наследником персидской короны», Афшар рассматривает как вмешательство России во внутренние дела Ирана¹⁵⁷, умалчивая при этом, что эта седьмая статья была включена в договор по настойчивому требованию иранской делегации и самого Аббас-мирзы на переговорах в Дех-Харгане¹⁵⁸.

Сожалеея о присоединении Восточной Армении к России, Афшар цитирует французского историка, доктора Февриера, который в своей книге «Три года при персидском дворе» пишет, что для Ирана «Эриванское и Нахичеванское ханства были Эльзасом и Лотарингией»¹⁵⁹, хотя и признает при этом, что «Персия не имела никаких прав на эти две старинные армянские провинции»¹⁶⁰. Для того чтобы казаться объективным, М. Афшар считает «нео сколько преувеличенными» заявления французского историка Дриоля, который в книге «Вопросы Востока» объявил, что «Персия поглощена русским влиянием»¹⁶¹, и Джемса Дарместетера, заявившего в книге «Взгляд на

¹⁵³ См. там же, стр. 24.

¹⁵⁴ Там же, стр. 37, 45.

¹⁵⁵ Там же, стр. 42.

¹⁵⁶ Там же, стр. 45.

¹⁵⁷ См. там же, стр. 44.

¹⁵⁸ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 40—41 об.

¹⁵⁹ М. Afschar, *La politique europeenne en Perse*, p. 46.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

историю Персии» будто «посол царя в Тегеране играет роль английского резидента при индийском радже»¹⁶².

Афшар уверен, что «все это могло произойти на деле, если бы не было соперничества Англии и не было уравнивающей, по его словам, английской политики, «служившей противовесом влиянию русского колосса»¹⁶³. Афшар утверждает, что «благодаря этому англо-русскому соперничеству, которое поддерживалось иранской дипломатией, Иран мог существовать после Туркманчайского договора целое столетие. Конечно,—заключает Афшар,—это была жалкая жизнь, так как страна находилась между молотом и наковальней»¹⁶⁴.

Присоединение Восточной Армении, Грузии и Северного Азербайджана к России Афшар называет «оккупацией Кавказа»¹⁶⁵, затем цитирует, не называя имени, одного русского писателя, который по мнению Афшара «...из чувства русской национальной гордости без основания называл Кавказский перешеек Гибралтаром России на Востоке»¹⁶⁶, а также английского историка и дипломата Макниля, который, говоря о завоевании русскими Кавказа, писал, что «этим рычагом можно перевернуть весь мир»¹⁶⁷. В этой связи Афшар напоминает, что иранские историки г. Дербент обычно называют «Дверью Ирана», потому что «дер—در» по-персидски означает дверь, а «банд—بند» подходит к слову «закрытый», и приходит к выводу, что потеря Кавказа, дескать, для Ирана была «не только потерей части ее территории», несмотря на то, что речь по существу могла идти о Закавказье, захваченном иранскими войсками, но и «открытием дверей собственного дома своему наиболее непримиримому врагу»¹⁶⁸.

Все более гиперболизируя факты, Афшар незаметно для себя повторяет все то, в чем сам же упрекает француза Дриоля и Джемса Дарместетера: «Туркманчай,—заяв-

---

162 Там же.

163 Там же.

164 Там же.

165 Там же, стр. 47.

166 Там же.

167 Там же.

168 Там же.

ляет он,—был началом политического упадка Ирана, а империя шаха была не только лишена права бороться против своего могущественного соседа, но даже сопротивляться ему»¹⁶⁹. «Это была жалкая жизнь! — восклицает Афшар,—и ни слова не говорит при этом, почему только одно столетие Иран влачил свою «жалкую жизнь»? Афшар никак не решается сказать, что Великая Октябрьская социалистическая революция аннулировала Туркманчайский договор, после чего Иран продолжал эту «жалкую жизнь», но уже под сокрушительными ударами той же Англии, а затем и других капиталистических держав, которые, к слову сказать, овладели тогда и «молотом и наковальней» и очень наглядно показали на что способна «уравновешивающая политика» Англии, перед которой так раболепно благоволит Афшар. Нельзя не отметить также, что, подвергая критике «Акт о торговле», Афшар, в отличие от других иранских историков, не ограничивается обвинением одной только царской России потому, что капитуляции или привилегии, предоставленные наиболее благоприятствуемым нациям, в развитии прежних кабальных договоров были подтверждены в пользу Франции в 1855 г.; США—в 1856 г.; Великобритании, Австро-Венгрии, Нидерландов, Бельгии, Швеции, Дании, Норвегии и Греции—в 1861 г.; Италии—в 1862 г.; Германии и Швейцарии—в 1873 г.; Аргентины—в 1902 г.; Чили—в 1907 г. и др., в том числе и в пользу Турции, которая сама была подвергнута режиму капитуляций.

Осуждая европейских историков, оправдывавших необходимость установления в Иране режима капитуляций, Афшар упрекает французского историка Траверса Твисса, который писал, что «между исламом и христианством не существует общих точек соприкосновения в обычном праве и даже в самых простых случаях, так как неписанные догмы шариата—обычаев Ислама нужно отыскивать в иудейских легендах или в преданиях арабов»¹⁷⁰. По мнению Твисса, «капитуляции служили мостом, переброшенным через религиозную бездну, отделявшую ислам от христианства. Может быть, время от времени нужно вводить в капитуляции изменения, но

¹⁶⁹ Там же, стр. 46.

¹⁷⁰ Там же, стр. 51.

их отмена вызовет новый крестовый поход против ислама»¹⁷¹.

Возражая Траверсу Твиссу, Афшар считает, что «этой пропасти не существует, особенно после того, как мусульманские страны признали международное право, в 1899 и 1907 гг. участвовали на Гаагских конференциях, а в 1864 и 1906 гг. присоединились к Женевским конвенциям»¹⁷². В связи с этим Афшар приходит к выводу, что система капитуляций связана не с религиозным антагонизмом между христианством и исламом, а политическими мотивами. Эту концепцию Афшар обосновывает «мирным» сосуществованием армян и мусульман в Иране и истреблением армян в оккупированной турками Западной Армении. «Чтобы доказать существование религиозной бездны, разделяющей ислам от христианства, иногда указывают,— замечает Афшар,— на истребление армян в Турции. Однако,— говорит он,— известно, что это истребление носило не религиозный, а политический характер»¹⁷³.

«Главная причина геноцида в Армении, организованного младотурками и турецкими националистами,— отмечает далее Афшар,— основана на идее пантюркизма, идеалом которой является создание великой тюрко-туранской империи под властью оттоманов, которая простиралась бы от Европы до Китая, включая Оттоманскую империю, Крым, Кавказ, Туркестан и т. д. Западная половина этой колоссальной империи,— заключает Афшар,— отделяется от ее восточной половины препятствием в виде Армении. Потому турки считали, что если последняя исчезнет, то турки окажутся на берегу Каспийского моря и им только останется пересечь его, чтобы добраться до Туркестана, т. е. до Турана—этой их грезы»¹⁷⁴.

Таким образом, опровергая Твисса, оправдывавшего введение в Иране системы капитуляций в пользу иностранных держав существованием антагонизма между исламом и христианством, а также отсутствием в Иране упорядоченной юрисдикции, доктор Афшар, на примере

---

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же, стр. 52.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, стр. 61.

трагедии армян в Турции, указывает, что капитуляции преследовали политические цели.

После Туркманчайского договора,—замечает еще Афшар,—русско-иранские отношения вышли из военно-политических рамок, чтобы войти в фазу экономического завоевания или «мирного проникновения»¹⁷⁵.

Афшар по-своему, со своих классовых позиций рассматривает роль России на Востоке. Не упоминая об английских концессиях на юге Ирана, он нарочито подчеркивает, что «с помощью русских концессий, царские дипломаты и купцы хотели показать себя европейцами и пионерами цивилизации, а Николай I сделался для Персии миротворцем»¹⁷⁶. Раболепствуя перед англичанами, Афшар не говорит, кем сделался тогда для Персии английский король Георг IV, правительство которого толкнуло шаха на войну против России; он не говорит также, что в 1826 г. царская Россия готовилась к войне против Турции и потому не собиралась открывать второго фронта на Среднем Востоке, пока не встала перед фактом иранского вторжения в Закавказье. Впрочем, это уже признают и современные иранские историки. Например проф. М. Махмуд указывает, что «поражение Ирана в войне и Туркманчайский договор были выгодны для Англии, которая толкнула Иран на войну против России, так как была заинтересована в ослаблении Ирана и стремилась воспрепятствовать усилению Ирана на афганской и индийской границах в момент, когда английские войска в Индии были заняты подавлением местных восстаний»¹⁷⁷.

Не питая иллюзий в отношении политики царизма на Востоке, М. Махмуд не без основания считает, что «после Туркманчайского мира в Иране консолидировались государственная и национальная жизнеспособность, которые позволили побежденной стране оправиться после войны»¹⁷⁸, несмотря на то, что «беспрецедентное появление в Иране европейских наций чуть ни раздавило

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس،

ص ۲۰۷.

¹⁷⁸ Там же, стр. 206.

слабый и неспособный двор Фатх-Али-шаха»¹⁷⁹. В то время,— отмечает далее Махмуд,— в Иране не были знакомы с деятельностью европейских политических дельцов, руки которых были связаны провокациями европейской политики»¹⁸⁰, а «европейцы скрывали свои настоящие цели от азиатских народов, чтобы быстро ликвидировать их политическую жизнь»¹⁸¹. Махмуд сожалеет, что «Иран был отгорожен от прогресса европейской науки и техники» и отчасти объясняет это тем, что «расположенная на западе от нее Турция веками граничила с европейскими державами, вливая хвостом в их политической борьбе, сама ничего не извлекла из европейских цивилизаций и ничего Ирану не дала»¹⁸².

М. Махмуд не отрицает, что «Туркманчайский договор и особенно «Акт о торговле» были политическими оковами на руках иранского народа. Эти оковы,— говорит он,— оставались на руках ровно 90 лет, пока не рухнул высокий царский дворец и разорвал эти оковы»¹⁸³. Махмуд напоминает, что «проснувшиеся нации мира, испытавшие на себе различные несчастья, извлекали уроки из своей истории»¹⁸⁴. В этой связи М. Махмуд— один из немногих иранских историков—призывает «быть признательными событиям той эпохи»¹⁸⁵, т. е. Великой Октябрьской социалистической революции и заключенному по инициативе В. И. Ленина советско-иранскому договору 1921 г. «Советское правительство,— говорится в статье первой этого равноправного договора,—еще раз торжественно заявляет о бесповоротном отказе России от насильнической в отношении Ирана политики империалистических правительств России, свергнутых волей ее рабочих и крестьян. Желая видеть иранский народ независимым, процветающим и свободно распоряжающимся всем своим достоянием, Советское правительство объявляет все договоры, концессии и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Ираном и

---

¹⁷⁹ Там же, стр. 207.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же, стр. 208.

¹⁸² Там же, стр. 207.

¹⁸³ Там же, стр. 208.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

приводившие к умалению прав иранского народа, отменными и потерявшими всякую силу»¹⁸⁶.

4

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. создавала крайнее напряжение в работе русской миссии в Тавризе, «Я чрезвычайно занят,—писал А. С. Грибоедов,—наблюдаю, чтобы отнюдь не произошла какая-нибудь мерзость во время нашей схватки с турками»¹⁸⁷. Эти трудности увеличивались благодаря директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину, который ни с чем не хотел считаться и постоянно требовал «по ключкам выманить» неуплаченную часть контрибуции¹⁸⁸. «Сообразите трудность моего положения,—отвечал ему А. С. Грибоедов,—война с Турцией не кончена, и теперь совсем не те обстоятельства, чтобы с ненадежным соседом поступать круто и ссориться»¹⁸⁹. Неутомимая дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова противодействовала натиску английских и турецких дипломатов, а также реваншистски настроенному русофобскому крылу каджарской верхушки. В связи с этим нельзя не согласиться с заявлением Н. Н. Муравьева о том, что в Иране А. С. Грибоедов «заменил... единым своим лицом двадцатитысячную армию»¹⁹⁰.

С начала русско-турецкой войны Англия вместе с Турцией добивалась создания антирусской коалиции путем вовлечения Ирана в военный союз с Турцией. В про-

---

¹⁸⁶ «Договор между Россией и Персией» (Официальный текст). М., 1921, стр. 3.

¹⁸⁷ А. С. Грибоедов, Соч., Л., 1945, стр. 545.

¹⁸⁸ Седьмой курур из десяти был выплачен в марте 1828 г. Тогда же русские войска ушли из Урмии, за исключением пяти батальонов, которые остались в Хойской области в обеспечение уплаты восьмого курура (500 тыс. туманов). В начале октября 1828 г. Грибоедов продлил срок выплаты восьмого курура до 10 марта 1829 г. До этого времени по приказу Паскевича русские войска собирали налоги с населения Хойской области. 5 ноября, в счет восьмого курура, всего было внесено 344 189 туманов. 11 ноября было внесено еще 30 тыс. туманов и общий взнос составил 474 189 туманов. Иран должен был внести еще 25 811 туманов. Войска из Хойской области были переброшены на турецкий фронт в декабре 1828 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329).

¹⁸⁹ А. С. Грибоедов, Соч., т. III, стр. 229.

¹⁹⁰ «Записки Н. Н. Муравьева», «Русский архив», 1894 г., кн. I, стр. 43.

тивовес этим планам, в Петербурге считали, что необходимо добиваться нейтралитета Ирана, а А. С. Грибоедов не разделял этой пассивной, неприемлемой для Ирана концепции и добивался заключения военного союза между Россией и Ираном, а также между Ираном и Месопотамией для совместной борьбы против Османской империи.

Англия пыталась не допустить разгрома разваливающейся империи султана, чтобы сохранить там свои экономические и политические позиции и потому не без основания опасалась, что после Туркманчайского мира Россия перебросит на турецкий фронт находившиеся в Иране войска Отдельного Кавказского корпуса и использует для целей войны часть иранской контрибуции. По этим причинам, а также для того, чтобы побудить турок к переходу в контрнаступление¹⁹¹, Англия уговаривала шаха не ратифицировать Туркманчайский договор¹⁹², отправила из Индии в Иран 40 английских офицеров и сержантов¹⁹³ и приложила усилия, чтобы на трассе Константинополь—Тавриз участились передвижения турецких и иранских дипломатов.

Прибывший в Иран в мае 1828 г. турецкий посол «поздравил» Аббас-мирзу с заключением мира с Россией¹⁹⁴ и, чтобы втянуть Иран в новую войну с Россией, отправился с наследным принцем и каймаком Аболь-Касемом в Тегеран и там, в присутствии английского посла Д. Макдональда, уговаривал шаха соединить его армию с турецкой¹⁹⁵. По версии Макдональда, на этом совещании Фатх-Али-шах не проявил энтузиазма—не захотел стать военным союзником султана, который не раз надувал его ложными заверениями, хотя и согласился оказать Турции дипломатическую поддержку¹⁹⁶.

Тогда же в мае посол Аббас-мирзы, он же агент Макдональда Садек-хан, под видом персидского купца, на-

---

¹⁹¹ См. А. В. Фадеев, Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958, стр. 281—282.

¹⁹² Туркманчайский договор был ратифицирован Россией в марте, а Ираном—в июле 1828 г.

¹⁹³ См. ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 315, л. 2.

¹⁹⁴ См. там же.

¹⁹⁵ См. АКАК, т. VII, стр. 633.

¹⁹⁶ См. там же, стр. 635.

правляющегося в Смирну, нанес ответный визит турецким властям в Константинополе. Позднее, для заключения военного союза, в Турцию был направлен другой иранский посол, а осенью 1828 г. проблема вовлечения Ирана в войну против России была темой обширной переписки между А. Веллингтоном, возглавлявшим английское правительство, и председателем контрольного совета Ост-Индской компании Э. Элленборо¹⁹⁷.

По свидетельству секретаря грибоедовской миссии И. С. Мальцева, разветвленная сеть английской агентуры была расставлена от Тавриза до Бендер-Бушира¹⁹⁸, а аккредитованные в Иране английские дипломаты проникали в отдаленные пашалыки Османской империи. По архивным материалам Паскевича, дипломатов Маكدональда можно было встретить и в Муше и в Малазгирте, где они налаживали связи с турецкими пашами и вождями племен¹⁹⁹. Несмотря на эти английские происки, решающее влияние на русско-иранские отношения оказывал ход русско-турецкой войны. Не случайно, поэтому, статс-секретарь наследного принца Мирза-Джафар 24 июля 1828 г. оказался в ставке Паскевича и, по свидетельству Грибоедова, был поражен блестящим штурмом Ахалкалак²⁰⁰. Амбургер доносил, что шах тоже находился под влиянием этого штурма и отклонил предложения турок о союзе, а Грибоедов в октябре того же года информировал Петербург о том, что Аббас-мирза получил письма от кербалайского и других шейхов, которые приглашали его присоединиться к ним с небольшой армией и обещали тотчас отделиться от султана. Грибоедов сообщил также о прибытии к Аббас-мирзе за помощью Мухаммед-паши сулейманийского, который просил войска для похода на Багдад и за это обещал отдать два курура. Грибоедов писал, что у Аббас-мирзы нет войск, иначе он

---

197 ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 315, л. 2; *A. Wellington, Despatches, Correspondence and Memoranda*, vol. V, London, 1873, pp. 117—119, 162; *С. В. Шостакович, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*, стр. 227—228; *Л. С. Семенов*, указ. работа, стр. 132, Ср. *О. И. Попова, Грибоедов—дипломат*, М., 1964, стр. 186—187.

198 См. АКАК, т. VII, стр. 696.

199 См. *А. П. Щербатов*, Генерал-фельдмаршал граф Паскевич, т. III, стр. 103.

200 См. «Известия АН Арм. ССР», обществ. науки, № 5, 1963, стр. 104—106.

отдал бы их Мухаммед-паше, чтобы планы Англии были бы полностью провалены». Он считал также, что в случае продолжения войны Россия будет заинтересована, чтобы русские и персы одновременно заняли Эрзерум и Багдад²⁰¹.

Аббас-мирза часто встречался с Грибоедовым, добивался чтобы ему позволили совершить поездку в Петербург, где рассчитывал заключить военный союз против Турции и просить об уступке двух неуплаченных куруров контрибуции²⁰². Любопытно, что наследный принц демонстративно готовился в дорогу и даже устроил пышные торжества в честь взятия Варны и возвращения Николая в Петербург²⁰³. Министру иностранных дел Грибоедов писал, что наследному принцу бесполезно съездить в русскую столицу, а Паскевича просил не преследовать Аббас-мирзу денежными претензиями²⁰⁴ и «расшевелить сонное министерство иностранных и престранных дел». Напишите, —предлагал Грибоедов,—прямо к государю ваше мнение насчет Аббас-мирзы, что хорошо бы его вооружить против турок. Я без особого подтверждения не могу на себя это взять»²⁰⁵.

Сближение Ирана с Россией беспокоило английских дипломатов, которые пытались отговорить Аббас-мирзу от поездки в Россию и расстроить проектируемый союз с Николаем. Чуть ли не на второй день после начала русско-турецкой войны английский посол в Петербурге доверительно писал Аббас-мирзе, что Англии будет «неприятно», если Персия начнет против Турции войну²⁰⁶. Письмо это не оказало ожидаемого эффекта и английским дипломатам было действительно «неприятно» убедиться в намерении Аббас-мирзы воевать вместе с Россией против Турции²⁰⁷. После этого вышедшему из пови-

201 См. АКАК, т. VII, № 629, Тавриз, 23 октября 1828 г.

202 См. АВПР, ф. «Консульство в Тавризе», 1829, д. 4, папка 2, лл. 116—118.

203 См. В. Т. Пашуто, *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*, «Исторические записки», т. 24, 1947, стр. 144—145.

204 См. АКАК, т. VII, № 631, 636.

205 А. С. Грибоедов, Соч., 1945, стр. 549 (Грибоедов—Паскевичу, 3 декабря 1828 г.).

206 См. ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 418, л. 6.

207 См. W. Monteith, *Kars and Erseroum*, p. 115.

новения английским резидентам наследному принцу спешно был противопоставлен новый претендент на престол—правитель Шираза принц Хусейн-Али мирза. Тогда же Макдональд объявил, что если шах объявит султану войну, Англия выступит против Ирана²⁰⁸. Одновременно предпринимались попытки оказать давление и на Россию. В британской печати была поднята очередная пропагандистская кампания под лозунгом «Индия в опасности». Пресса предлагала ликвидировать «русскую угрозу», начать против России войну на иранской территории и «исторгнуть у русских провинции к югу от Главного Кавказского хребта»²⁰⁹.

Деятельность российского министра иностранных дел, впитавшая в себя косность и нерешительность Александра I, как и прежде не отличалась гибкостью в проведении средневосточной политики и очень часто предоставляла самому времени стихийно «решать» возникавшие проблемы.

Русская миссия в Тавризе имела двойное подчинение: в Петербурге—графу Нессельроде, а в Тифлисе—ген. Паскевичу. Однако Грибоедов стоял выше, видел дальше их обоих и использовал каждую возможность для проведения самостоятельной политики. Смелые и далеко идущие предложения Грибоедова, требовавшие оперативного решения, были встречены в Петербурге с традиционной холодностью.

Паскевич, от рекомендаций которого зависело многое, был менее скептичен, хотя и не мог не учитывать хорошо знакомых ему настроений царского двора, где он вовсе не собирался создавать впечатления, что целиком разделяет политические концепции автора «Горе от ума». Возможно, что это и побудило Паскевича объявить свое «особое» мнение по существу грибоедовских предложений. Чтобы не осложнять отношений с посланником, в письме от 5 декабря 1828 г. Паскевич даже одобрил его «осторожное» заявление Аббас-мирзе о том, что занятые русскими войсками Мушский и Баязетский пашалыки, на

---

²⁰⁸ См. С. В. Шостакович, *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*, стр. 207.

²⁰⁹ В. Т. Пашуто, указ. работа, стр. 158—159.

которые могли рассчитывать Каджары, теперь уже нужны для операций русских войск. В связи с этим, Паскевич считал, что успешные операции иранской армии на Багдадском направлении (при содействии арабских шейхов) и занятие русскими Эрзерума принесет России большую пользу потому, что после этого можно будет «наводить ужас по всему Диарбекиру», и угрожать, с одной стороны, Сирии, а с другой, соединившись с ваххабитами, ненавидевшими турок, угрожать Мекке и Медине. Развивая эту туманную версию, Паскевич считал, что в этом случае турки будут вынуждены бросить против Аббас-мирзы значительную часть своих войск и этим не только облегчат занятие Эрзерума, но и позволят русским проникнуть в глубь Анатолии и поднять там против турецкого правительства часть населения страны. Наряду с этим, Паскевич предупреждал, что следует иметь в виду и отрицательные последствия багдадского похода в случае его провала. Генерал сомневался, что в Багдаде все похорят Аббас-мирзе и примут его сторону. Напомнив, что у Каджаров совершенно нет денег, вооружения и войск, Паскевич указал на главную по его мнению опасность: «...пламя бунта, распространяющееся во всех южных провинциях Персии, не только не обещает ей успехов в войне внешней, но и при всякой неудаче угрожает всеобщим потрясением и даже падением династии Каджаров» и тогда «...шейхи, пригласившие наследника в Багдад, вместе с восставшими народами Ирана, присоединятся к туркам. В крайнем бессилии Аббас-мирза не сможет сопротивляться внешним и внутренним врагам (!), которые прорвутся в Тегеран и сделают возмущение всеобщим. В этом случае,—рассуждает Паскевич,—достоинство России и необходимость удержания на персидском престоле Каджарской династии (?) заставит царя оказать помощь шаху и Аббас-мирзе, как своим союзникам, и отправить им войска за счет ослабления армии, сражающейся с турками, что может даже привести к прекращению военных действий в Малой Азии». Паскевич рекомендовал Грибоедову изучить эти вопросы на месте и, предвещая исход такого «изучения», отметил, что было бы не плохо, если Аббас-мирза решился на ложный маневр в направлении Багдада с тем, чтобы удер-

жать войска Багдадского пашалыка от их отправки на фронт²¹⁰.

Паскевич информировал Петербург об этих своих соображениях, изложенных Грибоедову, и, таким путем, фактически отклонил предложения посланника, хотя и добавил от себя, что грибоедовский план можно будет принять только в случае вступления Англии в войну на стороне армии султана. Только тогда он считал возможным вовлечь Аббас-мирзу в войну с турками, пообещав ему Багдадский пашалык или Ван и Муш.

Любопытно, что Паскевич даже считал, что Каджары в любую минуту могут перейти на сторону турок или англичан или их обоих. В связи с этим он просил прислать в Астрахань 10 тысяч солдат, чтобы, как он писал, «быть в состоянии парализовать любые действия англичан и персов»²¹¹.

В Петербург были представлены две рекомендации— предложение Грибоедова и контрпредложение Паскевича. При этом Паскевич явно старался играть на реакционных настроениях Николая I и использовать момент для пополнения своих войск новыми контингентами. В Петербурге прежде всего обратили внимание на эту тенденцию генерала и чтобы отвести ее. Нессельроде объявил Паскевичу, что Россия не имеет повода «подозревать лондонский кабинет в каких-либо враждебных против нас намерениях», а потому все предложения подобного рода отпадают²¹². Это заявление Нессельроде означало, что предложение Паскевича было отклонено. 18 декабря Нессельроде от имени царя ответил Грибоедову и на его предложения. Характерно, что версия Паскевича о неизбежности всеобщего бунта и русских захватах в Турции была отброшена совершенно. Николай I и Нессельроде только указали посланнику, что в обстановке, когда султан собирает против русских все свои силы «мы с удовольствием взирать будем на его (Аббас-мирзы.—Б. Б.) победы и приобретения»²¹³, однако на этом «ограничится все то, что может ожидать Аббас-мирза от нас». Далее

---

²¹⁰ См. «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 101—104 (Паскевич—Грибоедову, 5.XII.1828).

²¹¹ АКАК, т. VII, № 643 (Паскевич—Нессельроде, 15.XII.1828).

²¹² Там же, № 646.

²¹³ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 110.

указывалось, что Россия не стремится расширить свою территорию за счет Турции, а только должна обеспечить торговлю своих южных областей и заставить Порту выполнять договоры.

Нессельроде уверял Грибоедова, что как только турецкий диван согласится удовлетворить эти требования, войне будет положен конец. В связи с этим у Грибоедова спрашивали, не окажется ли после этого Персия в затруднительном положении и не останется ли она в изоляции, без надежды на помощь России? Далее указывалось, что если Аббас-мирза взвесит все эти обстоятельства и после всего этого не сочтет для себя опасным выступить к Багдаду, то Россия отнесется к этому «не иначе, как с удовольствием». Грибоедову предлагалось изложить Аббас-мирзе эту позицию правительства царя с тем, чтобы в случае заключения мира между Россией и Турцией Аббас-мирза не вправе был жаловаться на царя «или негодовать за то, что, начав войну против общего врага, оставлен один для продолжения с ним борьбы»²¹⁴. В другой части предписания указывалось, что не любовь к России заставляет наследника иранского престола добиваться позволения прибыть в Петербург, а надежда выпросить уступку 9-го и 10-го куруров и, что еще более вероятно, возвращения Ирану присоединенных к России областей. «Само собой разумеется,—говорилось в предписании,—что домогательства его будут безуспешны»²¹⁵ и императору будет неприятно во всем и на каждом шагу отказывать гостю, в то время как приличие потребует принимать его со всеми почестями. Грибоедову предлагалось «приятнейшим образом отклонить домогательства Аббас-мирзы» и указывалось при этом, что если даже император и решится уступить Ирану два курура, то и в этом случае выгоднее будет отдать их без поездки Аббас-мирзы в Петербург, чтобы избежать обременительных расходов²¹⁶.

Таким образом, в то время, когда Аббас-мирза рассчитывал получить у России военную помощь для войны против Османской империи. Николай I и его министр

---

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же, стр. 111

²¹⁶ См. там же.

иностранных дел не хотели связывать себя договорными обязательствами по этому вопросу, хотя и не отрицали при этом, что «с удовольствием» воспримут поход Аббас-мирзы на Багдад. Парадоксально, что царизм собирался только «наблюдать» и «любоваться» багдадским походом, в то время как этот поход вообще не мог состояться без активной поддержки России. Нет нужды говорить о том, что эта установка Петербургского двора не могла ориентировать Грибоедова на успешную дипломатическую деятельность и крайне осложняла его положение. То же самое можно сказать и о позиции царизма в вопросе поездки Аббас-мирзы в Россию. Поскольку в Петербурге знали, что Иран не в состоянии внести 9-й и 10-й куруры и рано или поздно надо было уступить их шаху, то не было никакой надобности отменять поездку Аббас-мирзы в Петербург. Благоприятные для России политические последствия этой поездки хорошо предвидел Грибоедов и не случайно англичане уговаривали наследного принца не ехать к царю. Для усиления своего влияния в Иране Англия тратила миллионы, а Николай I опасался, что угощение Аббас-мирзы в Петербурге ему дорого обойдется. После этого Грибоедову трудно было объяснить Каджарам те причины, из-за которых «дружественное государство» отказывается принимать у себя наследника иранского престола. Возможно, что Грибоедов 9 декабря 1828 г. отправился в Тегеран, чтобы не встречаться с Аббас-мирзой и не обострять с ним отношений благодаря непоследовательным акциям царизма, а турки этим воспользовались и отправили в Тавриз эмиссара, который предложил Аббас-мирзе 18 куруров за вступление Ирана в войну против России²¹⁷.

Еще накануне отъезда из Тавриза, Грибоедов писал: «Поеду к шаху уговорить его уплатить за Аббас-мирзу, хотя очень сомневаюсь, что он заплатит»²¹⁸. Речь шла о 125.811 туманах, из которых 100 тысяч обеспечивались драгоценными камнями, которые шах не собирался выкупать и в чем можно было убедиться после провала миссии Макниля, по версии которого «он упрашивал шаха одол-

²¹⁷ См. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, д. 13, ч. IX, л. 132 об.

²¹⁸ АКАК, т. VII, № 636. Грибоедов выехал в Тегеран 9 (21) декабря 1828 г.

жить Аббас-мирзе 100 тыс. туманов, чтобы тот выкупил и отдал шаху драгоценности, отданные Паскевичу под залог, а шах прогнал его»²¹⁹. Не считаясь с этим оскорбительным поступком шаха, Макдональд предложил Грибоедову гарантийное письмо, где говорилось, что «восьмой курур будет уплачен России полностью, а в случае если Иран будет не в состоянии внести 100 тысяч туманов для выкупа драгоценных камней, то в этом случае эту сумму внесет английская миссия»²²⁰. Англичане по-прежнему опасались, что несвоевременная уплата контрибуции приведет к аннексии северо-западного Ирана и, как видно, еще не знали о принятом 5 декабря решением Паскевича вывести войска из Хойской области, чтобы перебросить их на Баязетское направление. Грибоедов все более настойчиво противодействовал английским дипломатам, которые в это время всячески срывали работу комиссии по разграничению и с этой целью снабдили иранских уполномоченных фальшивой копией Туркманчайского договора, заверенной подписью Макдональда²²¹. Неудивительно, что Грибоедов не принял заверенного шахом гарантийного письма и выехал за деньгами в Тегеран, несмотря на то, что любая попытка договориться с Каджарами о последних курурах контрибуции казалась совершенно безнадежной. Аббас-мирза не мог уже надеяться, что получит их у Мухаммед-паши, после несостоявшегося похода на Багдад; нельзя было ожидать уступки этих куруров Россией или рассчитывать на уступчивость шаха, который тоже думал покончить с контрибуцией участием Ирана в антитурецкой коалиции. Теперь же, когда во всем этом было отказано, в русско-иранских отношениях произошла резкая перемена, которую трудно было уловить в блеске придворного церемониала на приемах Грибоедова в шахском дворце, но которая явно и очень быстро привела к организации преступного заговора и убийству Грибоедова. Англия несомненно участвовала в этом заговоре чтобы вызвать новую русско-иранскую войну, создать антирусскую коалицию, обеспе-

---

219 П. Ефремов, О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране, «Русский архив», № 7—8, стр. 1547—1548.

220 «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 96.

221 См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 9, л. 28—28 об.

чить армии султана условия для перехода в наступление и, в конечном итоге, реставрировать границы Гюлистанского и Бухарестского договоров.

Главными вдохновителями и организаторами погрома русской миссии были агенты Англии, открыто состоявшие на жаловании у британской миссии. Наемные убийцы вероломно использовали проблему пленных, которая была всего лишь поводом для организации кровавого преступления.

5

В иранской историографии убийству А. С. Грибоедова посвящено немало страниц. Наиболее трезвая и объективная из иранских версий увязывает историю убийства А. С. Грибоедова с англо-русскими противоречиями на Востоке и экспансионистской политикой Англии в Иране после заключения Турманчайского договора. Другая версия, наиболее распространенная и известная еще по хроникам прошлого века, отрицает политический характер разгрома русской миссии и обвиняет в гибели А. С. Грибоедова... его самого.

Проф. Махмуд Махмуд в XVI главе первого тома «Истории англо-иранских дипломатических отношений в XIX веке», озаглавленной «Дело об убийстве полномочного министра России Грибоедова», причины разгрома русской миссии в Тегеране связывает с деятельностью английской дипломатии.

В самом начале этой главы подчеркивается, что «Грибоедов был убит руками невежд, через год после подписания Туркманчайского договора»²²². М. Махмуд поясняет, что погромщики были «жертвами провокации вокруг вопроса о пленных»²²³ и не без сожаления признает, что «Грибоедов тоже пал жертвой тайной интриги тех, кто, пользуясь слабостью Ирана, сеяли смуту и ввергли Иран в полосу осложнений»²²⁴.

Анализируя причины, вызвавшие умерщвление сотрудников русской миссии, М. Махмуд указывает, что

محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران، انگلیس،²²³
جلد اول، چاپ دوم، ۱۳۳۶، ص ۲۲۲.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же, стр. 231—232.

«конфликт произошел не из-за Грибоедова». «Все несчастье Ирана,—замечает он,—были связаны с англо-русской борьбой. Преобладание России в Иране после заключения Туркманчайского договора значительно обострило эту борьбу, так как англичане не отказывались от Ирана, рассматривая его территорию как зону политической битвы с Россией». Связывая убийство А. С. Грибоедова с этой борьбой, М. Махмуд приходит к выводу, что «...все эти экономические завоевания, которых русские добились с помощью Туркманчайского договора, англичане стали добиваться другими путями»²²⁵. «Правительство Ирана,—признает далее М. Махмуд,—уже не ожидало опасности со стороны России, которая добилась установления естественной границы по Араксу и других претензий к Ирану не имела. К тому же, в результате изменения политической обстановки в Европе, правительство России хотело сотрудничать с Ираном и старалось привлечь Иран на свою сторону». «Чтобы приобрести доверие иранских правящих кругов после тяжелого для Ирана Туркманчайского мира, Россия пыталась хорошо и осторожно обращаться с Ираном... что можно было наблюдать и после убийства Грибоедова, когда царь фактически закрыл глаза на убийство русского посла». «Именно этот новый дружественный курс русской политики,—замечает М. Махмуд,—изменил отношение Англии к Ирану, несмотря на то, что Фатх-Али-шах целиком находился в руках Англии, политические агенты которой до 1830 г. были единственными советниками шаха и его двора. И надо быть благодарным тогдашнему иранскому правительству,—заключает М. Махмуд,—за то, что оно в тех исторических условиях, без обращения к третьей стране (Англии.—Б. Б.) непосредственно обратилось к русским властям и таким путем ликвидировало конфликт, вызванный убийством Грибоедова»²²⁶.

Однако справедливо обвиняя Англию, М. Махмуд умалчивает об ответственности Каджаров за разгром русской миссии в Тегеране. Между тем убийство А. С. Грибоедова и его сотрудников было результатом политического курса, проводимого правительством шаха после

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

заключения Туркманчайского договора. На таких же позициях находится Махмуд-Фархад Моатамед, который в «Истории ирано-турецких политических отношений» заявляет, что «Англия всегда преследовала реакционные цели в отношении Ирана, а иранцы думали, что англичане оберегают их от русской опасности»²²⁷, а также профессор Тегеранского университета Ферейдун Адамият, который в исследовании «Амир Кабир и Иран» признает, что «А. С. Грибоедов был убит в результате удивительной цели интриг и козней» и призывает иранских историков «обратить внимание на эту сторону политической истории Ирана»²²⁸.

Среди тех, кто отрицает политический характер разгрома русской дипломатической миссии в Тегеране, неприглядную роль играет проф. А. Бина. Защищая заведомо ложную концепцию, он не мог не прибегнуть к ложным доказательствам: «Бестактное, грубое поведение спутников Грибоедова в Тавризе,— отмечает Бина,— озадачило Аббас-мирзу, который через мехмандара обратил внимание Грибоедова на недисциплинированное, неприличное поведение его спутников»²²⁹. В чем же выразалось это «грубое поведение»? Оказывается, в том, что каждый русский потреблял до 20 кг продуктов ежедневно! Нет нужды доказывать, что сотрудники миссии не истощили продовольственные запасы иранских базаров. Версия проф. Бина в худшем виде воспроизводит тенденциозный анонимный «Рассказ персиянина», так называемую «Реляцию происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского

²²⁷ محمود معتمد، تاریخ روابط سیاسی ایران و عثمانی، تهران، جلد دوم، ۱۳۲۶، ص ۱۴۲—۱۴۴.

²²⁸ فریدون ادمیت، امیرکبیر و ایران، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۴، ص ۳۶.

Амир Кабир был видным государственным деятелем Ирана. Его политическая карьера началась после убийства А. С. Грибоедова, когда он отправился в Петербург в составе искупительного посольства.

²²⁹ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۵۱.

посольства в Персии»²³⁰, впервые опубликованную в 1830 г. на английском и французском языках²³¹.

Столь же несостоятельной является версия третьего сына Аббас-мирзы, принца Джахангир-мирзы, рукописи которого были впервые опубликованы в 1948 г. в Тегеране под названием «Новая история». Извращая факты, Джахангир-мирза утверждает, что «все мусульманки, которых приводили в миссию, оставались там на ночь под наблюдением Грибоедова»; в частности, посланник «отказался опрашивать наложницу из гарема первого министра шаха Аллахяр-хана в присутствии его людей, оставил эту пленницу в помещении миссии, а сопровождавших ее иранцев отправил обратно»²³². Бина «развивает» эту версию: Грибоедов оставлял пленниц в помещении миссии вопреки их желаниям²³³.

Беспочвенность этих домыслов очевидна. Уцелевшие первый секретарь миссии Мальцов и переводчик Меликов указывали, что пленницы опрашивались публично, а в миссии оставлялись по их же просьбе, чтобы вернуться на родину²³⁴. К тому же в комнатах, где содержались эти женщины (которых было опасно оставлять на преж-

²³⁰ «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», стр. 151—184.

²³¹ Подлинник этой реляции, так же как и имя ее автора — секретаря тавризского мехмандара Назар-Али-хана, неизвестны. Надо полагать, что эта реляция является англо-иранской и, возможно, еще и французской версией, имевшей целью отвести политические причины разгрома русской миссии.

²³² جهانگیر میرزا، تاریخ نو، شامل حوادث دوره قاجاریه، تهران، شهریور ۱۳۲۷ ص ۱۲۰—۱۲۲.

Джахангир-мирза находился в испугительной миссии своего брата Хосров-мирзы. После возвращения из Петербурга оба они были ослеплены по приказу Мохаммед-шаха, отстранившего таким путем своих братьев от борьбы за престол. «Новую историю» Джахангир-мирза написал слепым. Его рукописи были обнародованы проф. А. Эгбалом.

²³³ См. علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۲۵۱.

²³⁴ См. «Кавказский сборник», т. XXX, Тифлис, 1910, стр. 162; Г. М. Петров, Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова, «Уч. зап. Института востоковедения», т. VIII, М., 1953, стр. 158.

них местах жительства), был приставлен караул из солдат иранской охраны миссии²³⁵.

Кстати, этим иранским версиям противоречит тезис автора «Истории Ирана» проф. А. Эгбала, согласно которому все думы и желания Грибоедова были устремлены к горячо любимой им красавице жене, которую он оставил в Тавризе и из-за которой спешил закончить дела, не заботясь о выполнении отдельных статей Туркманчайского договора²³⁶. Эгбал стремится создать впечатление, что русокий посланник не уделял достаточного внимания проблеме освобождения пленных и потому сам виновен в собственной гибели. Однако Эгбала опровергает М. Махмуд: «Грибоедов настойчиво требовал освобождения и возвращения пленных на родину на основании Туркманчайского договора. Но провокации вокруг этого вопроса привели к тому, что жители Тегерана закрыли базары и разгромили русскую миссию»²³⁷.

Общая оценка причин, приведших к разгрому русской миссии, изложена Хедаятом в его хронике прошлого столетия, переизданной в 1959—1961 гг. под названием «История сада чистоты». Грибоедову адресуется упрек в том, что он не считался с тем, что многие пленницы приняли мусульманство, имели детей и находились в Иране чуть ли не со времен Керим-хана Зенда (ум. в 1779 г.). Поэтому мусульмане не разрешали христианам посещать их дома для выявления пленных и подняли восстание. Автор хроники уверяет, что тысячи горожан, вышедшие из повиновения, не послушали бы и самого шаха²³⁸.

Нельзя не заметить, что Хедаят пытается использовать ислам для оправдания завоевательных походов

²³⁵ См. С. В. Шостакович, Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, стр. 224.

²³⁶ См. «عباسی اقبال، تاریخ مفصل ایران، تهران، ۱۳۲۰» ص ۳۹۱.

²³⁷ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۲۲۲.

²³⁸ См. رضاقلی خان هدایت، تاریخ روضت الصفائی ناصری، تهران، جلد ۹، ۱۳۳۹، ص ۷۰۷—۷۰۹.

шахских войск в Закавказье и бесправного положения пленных. Известно, что в числе пленных, освобожденных А. С. Грибоедовым, был и евнух из гарема шаха Мирза-Якуб, передавший русскому посланнику адреса других пленных. Его дело было искусственно раздуто и фактически стало находкой для организаторов заговора. Не добившись выдачи Мирзы-Якуба, иранские власти обвинили его в похищении сокровищ шаха. Джахангир-мирза ввел в оборот версию о том, что на Мирза-Якубе лежит вина за нападение на русское посольство. Каджарский принц утверждает, будто евнух «в присутствии Грибоедова осыпал бранью иранцев, пришедших с просьбой освободить женщин, после чего с крыш и стен соседних домов люди посланника открыли стрельбу, убили и ранили многих мусульман»²³⁹. Хедаят еще более сгущает краски: «Посольская охрана взобралась на крыши миссии и из винтовок расстреливала иранских детей»²⁴⁰. Версия придворных хронистов прошлого века раздувается современными авторами. Тавризский профессор А. Таджбахш пишет, что Мирза-Якуб «приказал посольской охране стрелять в собравшийся народ»²⁴¹.

Трудно поверить, чтобы приученный к церемониалу шахского двора Мирза-Якуб мог позволить себе в присутствии освободившего его Грибоедова, знавшего персидский язык, оскорблять иранцев или, не считаясь с присутствием посланника, приказал страже стрелять в толпу. При всех обстоятельствах казаки не стали бы выполнять приказаний Мирзы-Якуба²⁴².

²³⁹ جهانگیر میرزا، تاریخ نو، ص ۱۲۲—۱۲۳.

²⁴⁰ رضاقلی خان هدایت، تاریخ روضت الصفائی ناصری، ص ۷۰۹.

²⁴¹ احمد تاج بخشی، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، ص ۱۰۰—۱۰۱.

²⁴² Армянский историк Галуст Шермазанян рассказывает, что Мирза-Якуб Маркарян мужественно вышел к бушующей толпе и сказал: «Меня хотите? Я безоружный перед вами. Убейте меня скорее, чтобы по моей вине другие не были убиты...». До последнего вздоха он повторял «безанид, безанид», т. е. «бейте, бейте» (М. Я. Алавердяни, Материалы для национальной истории, «Русская старина», 1901, октябрь, стр. 63; О. И. Попова, указ. работа, М., 1964, стр. 167—168).

Иранские историки стараются обойти статьи Туркманчайского договора, касающиеся освобождения пленных, в то время как именно они были использованы Каджарами при провоцировании разгрома русской миссии. Для А. С. Грибоедова—прогрессивного мыслителя и гуманиста, возвращение пленных на родину было не просто официальной обязанностью, но и человеческим долгом. «Голову мою положу за несчастных соотечественников»,— как-то записал Грибоедов в дневнике, словно предвидя свою печальную судьбу²⁴³. Что касается шаха, то он официально не осмеливался препятствовать выполнению статей Туркманчайского договора о пленных, но не препятствовал и тем, кто прятал их, зачислял в солдаты, продавал в рабство, а женщин помещал в гаремы.

Внимательное изучение источников показывает, что А. С. Грибоедов вынужден был согласиться на создание нескольких групп из числа представителей местного населения и сотрудников русской миссии, которые посещали те дома, где, по имевшимся сведениям, находились пленные. Последних они знакомили с содержанием статьи XIII Туркманчайского договора, затем в сопровождении сотрудников посольства и представителей дома, где они находились, приводили к Грибоедову, который публично их опрашивал. Только желающие вернуться на родину временно оставались в помещении посольства, а те которые хотели остаться в Иране, возвращались к себе. Извращая эту деятельность русской миссии, современный иранский историк Абдулла Рази в «Полной истории Ирана» приписывает Грибоедову желание «не оставить в Иране ни одного армянина»²⁴⁴. Не останавливаясь на этом измышлении А. Рази, отметим, что правительство шаха не предоставило Грибоедову специального помещения для временного содержания возвращающихся на родину пленных. В этом отношении охраняемое помещение русской миссии, служившее местом «беста» (неприкосновенного убежища для преследуемых), представлялось единственным сборным пунк-

²⁴³ См. А. С. Грибоедов, Соч., т. III, Пг., 1917, стр. 61.

²⁴⁴ عبد الله رازی، تاریخ مفصل ایران از تاسیسی ماد تا عصر حاضر، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۵! ص ۴۶۹.

том. К тому же Грибоедов заблаговременно выделил для пленных женщин комнаты, смежные с отделением евнуха Мирза-Якуба, которому было поручено смотреть за ними²⁴⁵.

Учитывая поражение Ирана в войне, тяжелые налоги, которыми облагалось население для выплаты контрибуции, а также религиозный фанатизм иранцев и нежелание владельцев пленных расстаться со своей «собственностью», можно понять, что отношение некоторой части населения Тегерана к русскому посольству было неприязненным. Однако бесспорно то, что существовал разработанный в деталях заговор проанглийски и реваншистски настроенного крыла иранских правящих кругов, и реакционного тегеранского духовенства, возглавляемого Мирза-Месихом. Накануне разгрома миссии сопровождавший Грибоедова марандский хан Назар-Али-хан Афшари²⁴⁶ был вызван к тегеранскому губернатору принцу Зель-эс-Султану (известному по имени Али-шах) и от него не вернулся. Погромщики заранее знали расположение четырех дворов в миссии. Поэтому разгромили в основном здание в четвертом дворе, где находился Грибоедов. «Охранявшие» эту миссию караульные иранские сарбазы в день погрома оказались без винтовок, заблаговременно сложенных на чердаке и затем растащенных погромщиками.

Есть все основания полагать, что «на стенах и крышах домов» были не «слуги посла», стрелявшие, как уверяет Джахангир-мирза, в народ и провоцировавшие разгром миссии, а присоединившиеся к толпе солдаты тегеранского губернатора. Известно, что посольская охрана находилась во внутреннем дворе миссии. Мальцов свидетельствовал, что не казаки, а персы заполнили все

---

²⁴⁵ См. С. В. Шостакович, *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*, стр. 224; Г. М. Петров, указ. работа, стр. 158.

²⁴⁶ В Тавризе мехмандаром Грибоедова вначале был назначен Мирза-Муса-хан—зять шаха и родной брат первого министра наследного принца Мирза-Аболь-Касема Фаррахани. Однако по настоянию этого министра, который, вероятно, знал или предполагал о существовании заговора и хотел отвести от шаха и себя подозрения, мехмандаром назначили Назар-Али-хана, а Мирза-Муса-хана отправили по следам Грибоедова инкогнито. Первым обратил на это внимание П. А. Ефремов («Русские архив», 1872).

крыши и проходы²⁴⁷. Хедаят тоже отмечает: «На крышах здания миссии находилось много иранцев»²⁴⁸. Когда в ночь на 31 января 1829 г. переодетого Мальцова доставили во дворец, губернатор Зель-эс-Султан говорил ему, что «поехал было усмирять народ, но вынужден был вернуться, чтобы разъяренная чернь не бросилась во дворец шаха»²⁴⁹. Вряд ли, однако, Зель-эс-Султан заботился о безопасности персоны шаха, ибо он сам мечтал оказаться на его месте. На пути к престолу стоял и его старший брат Аббас-мирза. К тому же Туркманчайский договор обязал Иран выплачивать России контрибуцию, а Зель-эс-Султан не мог «равнодушно смотреть на умаление сокровищ, которые в случае смерти шаха могли бы достаться ему»²⁵⁰, и потому был против Туркманчайского договора и готов был потворствовать любым антирусским интригам. Не исключено также, что принц этот действовал по указке английской миссии: после смерти Фатх-Али-шаха (8 октября 1834 г.) он пытался овладеть престолом, за что был заключен в ардебильскую тюрьму. С помощью англичан из заключения ему удалось бежать в Багдад к тем же англичанам.

Другие организаторы заговора—бывший первый министр шаха Аллахяр-хан Асаф-эд-Довле, шиитский муджтехид Мирза-Месих и министр иностранных дел Мирза Аболь-Хасан-хан получали деньги у англичан, которые, не считаясь с окончанием войны, поставляли Ирану вооружение и своих офицеров²⁵¹.

О закулисной участии Англии в убийстве Грибоедова свидетельствует характерная деталь: чтобы отвести от себя подозрения, многие англичане накануне разгрома русской миссии предусмотрительно покинули Тегеран, а те, кто остался, фактически выдали погромщи-

---

²⁴⁷ И. К. Ениколопов, указ. работа, стр. 187.

²⁴⁸ رضاقلی خان هدایت، تاریخ روضت الصفائی ناصری، ص ۷۰۹.

²⁴⁹ П. Е. Ефремов, указ. работа («Русский архив», 1872, № 7—8).

²⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 4329, л. 98.

²⁵¹ См. ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 315; «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 153; Ср. D. P. Costello, The Murder of Griboedow. «Oxford Slavonic Papers», vol. VIII, p. 70.

кам тех немногих русских, которые пытались спастись в здании английской миссии, служившей «бестом»²⁵². Показательна в этом отношении и запись в дневнике президента контрольной комиссии по Ост-Индским делам лорда Элленборо, сделанная по поводу разгрома грибоедовской миссии: «Я полагаю,—многозначительно писал он,— что наш посол был в Тавризе»²⁵³, а в целом поразительно точно сбылось зловещее предупреждение секретаря английской миссии в Иране Кемпбелла, сделанное Грибоедову накануне его отъезда из Петербурга: «Берегитесь! Вам не простят Туркманчайского мира!»²⁵⁴.

Шах понимал, что Россия скорее всего не станет воевать на два фронта и из двух зол выберет меньшее—откажется от контрибуции, которую Иран должен был ей выплатить²⁵⁵.

С другой стороны, будучи человеком осторожным и нерешительным, Фатх-Али-шах опасался последствий новой войны с Россией. Выжидая, пока Турция добьется успеха, он лавировал во внешней политике и закрывал глаза на антирусский заговор среди своего окружения.

Материалы архива полковника Косоговского о содержании беседы, которая произошла 30 января 1829 г. между шахом и главным евнухом Манучехр-ханом, устанавливают участие шаха в заговоре.

Когда муджтехид Мирза-Месих отправился в соборную мечеть, чтобы повести оттуда толпу к русской миссии, Манучехр-хан узнал об этом и в гареме обо всем рассказал шаху. Последний «ответил, что он уже знает об этом и что уже приказал Зель-эс-Султану в случае нападения на русскую миссию разогнать народ»²⁵⁶. Это означает, что шаху было заранее известно о заговоре и что он создавал видимость принятия мер для предупреждения разгрома миссии, а на деле его приказание тере-

---

²⁵² Об этом см. *T. B. Armstrong, Journal of Travels in the Seat of War, London, 1830, p. 129.*

²⁵³ «Политический дневник Эдварда Лоо лорда Элленборо, 1828—1830», т. III, стр. 193. *О. И. Попова*, указ. работа, М., 1964, стр. 193.

²⁵⁴ «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, 1956, стр. 491.

²⁵⁵ *В. Ф. Минорский*, «Цена крови» Грибоедова. «Русская мысль», кн. 3—5, Прага, 1923, стр. 13—14; ср. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 82.

²⁵⁶ *Г. М. Петров*, указ. работа, стр. 154.

ранскому губернатору было практически невыполнимо, так как предусматривало разгон толпы только после нападения на русскую миссию. «Руководители Ирана, — признает Абдулла Рази, — не выполнили своих обязанностей по прекращению бунта»²⁵⁷, а заговорщики делали все, чтобы шах не переменял своего намерения попустительствовать им: с этой целью они задержали в пути до убийства Грибоедова предназначенные для шаха подарки царя.

Грибоедову было известно о заговоре за несколько дней до разгрома миссии. Это подтверждается содержанием русской ноты, переданной 29 января иранскому МИД²⁵⁸. Кроме того, о готовящемся заговоре Грибоедов был заблаговременно предупрежден евнухом Манучехрханом, отправившем с этой целью к посланнику свою мать Воски Хатун Ениколопову и племянника Сулейманхана Меликова (старшего), которые были убиты во время разгрома.

Несмотря на то, что А. С. Грибоедов отклонил все предложения о выезде, несовместимые с достоинством российского посла, остался в миссии и мужественно погиб на посту, тегеранская полуофициозная газета «Эт-талаат» 15 ноября 1958 г. пыталась навести тень на поведение посланника перед смертью.

Ссылаясь на фиктивного «участника» разгрома русской миссии, старосту иранской деревни Рустамабад Гамбар-Али, анонимный корреспондент этой газеты утверждает, будто Грибоедов ушел из миссии и чтобы скрыться, дескать, отвлекал от себя внимание погромщиков тем, что на их глазах «извлекал из мешка и разбрасывал по сторонам массу золотых монет, однако народ арестовал посланника в его же доме» (?), (где, по версии газеты, посланника уже не было.— Б. Б.), «потом разрушил этот дом и убил Грибоедова»²⁵⁹. Эту ложную вер-

²⁵⁷ عبد الله زازی، تاریخ مقصل ایران، تهران، ص ۶۹

²⁵⁸ См. А. Мельшинский, Подлинное дело о смерти Грибоедова, «Русский вестник», июнь 1890, стр. 171.

²⁵⁹ اطلاعات، ۲۴ آبان ما، ۱۳۳۷، «کدخدائی که ۱۵۰ سال از خدا عمر گرفته»، ص ۱۱.

Упоминание об этой статье (без изложения содержания версии Гамбар-Али) см. Ч. Байбурди, Новое о гибели А. С. Грибоедова. «Русская литература», № 4, Л., 1959, стр. 171.

сию опровергает иранский историк Абдулла-Рази: «Грибоедов был жертвой своей чрезмерной гордости и высокомерия»²⁶⁰.

Дезинформация тегеранской «Эттелаат» была частично связана и с сенсационными публикациями материалов об иранских старцах, что, вопреки фактам, должно было показать высокую продолжительность жизни иранцев. Любопытно, что корреспондент этой газеты, обнаруживший в Рустамабаде Гамбар-Али, не удовлетворился тем, что по паспорту ему было 130 лет. Для того чтобы придать этому вопросу политический характер, он сфабриковал легенду о «Деревенском старосте, получившем у бога 150 лет жизни», так как иначе Гамбар-Али не мог быть участником разгрома русской миссии в 1829 г. Задача корреспондента облегчалась тем, что совершенно неграмотный старик не помнил своего возраста, а запись даты его рождения, сделанная его отцом на обложке корана, бесследно исчезла вместе с священным писанием²⁶¹. Таким образом, 30 января 1829 г., когда был убит А. С. Грибоедов, Гамбару-Али, если даже судить по его паспорту, было только 10 лет, что ставит под сомнение его показания. Изучение источников убеждает нас еще и в том, что вложенные в уста Гамбар-Али путанные сведения относятся не к Грибоедову, а к первому секретарю миссии Ивану Сергеевичу Мальцову, который в одном из своих донесений рассказал о том, как он во время разгрома миссии прятался в комнате тавризского мехмандара Назар-Али-хана и спасся тем, что двумя тысячами рублей подкупил охранявших эту комнату фаррашей, а последние не дали погромщикам проникнуть в комнату хана²⁶², в которой, как установил С. В. Шостакович, кроме И. С. Мальцова находился и курьер русской миссии Гасратов.

Не отличается оригинальностью и тенденция современного иранского писателя Мохаммеда Хеджази отстаива-

---

عبد الله رازی، تاریخ مفصل ایران، تهران، ص ۶۹. 260

«اطلاعات» ۲۴ ابان ۱۳۳۷. 261 См.

262 См. «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников». Под ред. Д. Давыдова, Л., 1929, стр. 194.

вать распространенную в литературе официальную версию царизма. В книге «Наша родина» Хеджази утверждает: «...поскольку Мальцов и Макдональд уже доказали, что Грибоедов был виновен в своей смерти, иранским историкам незачем пересматривать этот вопрос»²⁶³.

Однако, пытаясь снять вину с иранского правительства, Хеджази опровергает себя, когда пишет, что Хосров-мирза был отправлен в Петербург для принесения извинений, и это после того, как «вина» Грибоедова была установлена Мальцовым и Макдональдом. Непоследовательность этой аргументации очевидна, так как принцу незачем было ехать в Петербург и приносить извинения, если Каджары не были виновны в убийстве Грибоедова.

Факты не оставляют сомнений и в том, что после разгрома русской миссии, Фатх-Али-шах отправил в Тавриз письма Аббас-мирзе и другим принцам с расчетом, что эти письма будут перехвачены и прочитаны русской разведкой и создадут в Петербурге впечатление непричастности шаха к убийству Грибоедова. Русский перевод этих писем опубликован еще в 1910 г. в XXX томе Кавказского сборника²⁶⁴ без указания на обстоятельства, при которых они стали достоянием русского командования.

В распоряжении министра Нессельроде, наряду с переводами этих шахских фирманов, имелись десять донесений Мальцова, в которых опровергались легенды шаха и которые неопровержимо свидетельствовали о виновности самого шаха и тегеранских властей. Кроме того, Паскевич дважды (23 февраля и 23 марта 1829 г.) писал графу Нессельроде, что нельзя считать достоверными «сведения персиян». Паскевич указывал также, что разгром миссии был подготовлен и осуществлен «партией, желающей войны», что преступление было «обдуманном последствием самого вероломного коварства», чтобы вовлечь шаха в новую войну или отдалить от иранского престола Аббас-мирзу в пользу одного из его братьев, возглавлявших вместе с Аллахяр-ханом партию войны.

²⁶³ محمد حجازی، ميهن ما، تهران ۱۳۳۸، ص ۱۵۶.

²⁶⁴ См., например, «Перевод фирмана шаха персидского на имя Его Высочества наследника престола» (стр. 136—139). Ср. опубликованное В. Ф. Минорским письмо шаха принцу Али-Наги-мирзе «Цена крови» Грибоедова, стр. 9—15.

Вместе с тем Паскевич предупреждал Нессельроде, что, независимо от причин и обстоятельств убийства русского посланника, невозможно начать войну с Ираном «при настоящей войне с Турцией, при тех значительных силах, которые турки собирают в Азии», и при малочисленности русских войск в Закавказье²⁶⁵. Последнее обстоятельство имело решающее значение, и Нессельроде написал Паскевичу: «Его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской»²⁶⁶.

Чтобы желаемое выдать за явное, это предписание Нессельроде было ловко приписано Фатх-Али-шаху, объявлено официальной версией и в таком виде обошло отечественную и зарубежную литературу.

Из одного этого письма видно, что Николай I и его дипломаты, опасаясь войны на два фронта, в начале весны 1829 г. не хотели ссориться с Ираном и потому оставили безнаказанным убийство Грибоедова. Изучение документов искупительной миссии Хосров-мирзы в Петербург показало, что Нессельроде знал о причастности шаха к убийству Грибоедова и намеренно создавал впечатление невинности тегеранского двора.

По случаю убийства А. С. Грибоедова шах отправил царю два письма, которые не были опубликованы. Для объективного освещения вопроса было необходимо найти персидские тексты этих писем. Выяснилось, что текст одного из них был составлен в 1829 г. каймакамом наследного принца и литератором Абол-Касемом Фарахани. Впервые это «Письмо Фатх-Али-шаха Каджара императору России по случаю убийства посланника» было напечатано в 1863 г. в сборнике произведений Фарахани.

«Пусть не останется тайной,— говорилось в письме,— что вследствие случайности и волнения темных людей пострадал посланник государства Российского в столице нашей державы, возмещение коего ущерба является

---

²⁶⁵ См. «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 119—120.

²⁶⁶ Там же (Нессельроде—Паскевичу, 16 марта 1829 г.), стр. 170. (Подчеркнуто нами.—Б. Б.).

нашей обязанностью. Ввиду абсолютного единства, которое существует между нами, считаю своим долгом отомстить за смерть посланника. Поэтому всякий из числа жителей и руководителей столицы, в причастности которого к этому делу имелось хоть малейшее подозрение, был привлечен к ответственности по мере вины и подвержен высылке. Даже городской пристав и старшина района, обвиняемые в том, что были поздно оповещены о событиях и во время не приняли соответствующих мер, сняты нами со своих постов и наказаны. Особо отмечаем наказание, которому мы подвергли его высокопреосвященство Мирза-Месиха, невзирая на его высокий религиозный сан и уважение, которым он пользуется среди привилегированных и простых людей»²⁶⁷.

Текст письма шаха вовсе не создает впечатления, что А. С. Грибоедов был жертвой своих «опробитых порывов усердия», приписанных ему царским министром иностранных дел. Из этого же письма стало известно о существовании другого послания шаха Николаю I, скорее всего грамоты, которая была найдена нами в фондах Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР. В грамоте указывается: «Вашему величеству известно, что никакой благоразумный человек никогда не мог покушаться на подобное дело. Возможно ли подозревать, чтобы наши визири и вельможи приняли участие в этом ужасном происшествии в то самое время, когда новый, счастливый мир, источник радости и благополучия, венчал желания обеих держав. Хотя драка между людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи, была причиною сего ужасного происшествия, визири наши перед Вашим Величеством покрыты пылью стыда, и лишь струя извинения может обмыть их лица»²⁶⁸.

Таким образом, грамота также не обвиняет А. С. Грибоедова. Видимо, оба послания как раз потому и не

سيد محمد تدین، منتخب الادب، تهران ۱۳۱۳، ص ۹۹ — ۲۰۷

²⁶⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 40, л. 35 об. В деле хранится фотокопия французского и русского переводов полного текста. Персидского текста этой грамоты шаха в архиве не оказалось.

были преданы гласности, что они не соответствовали духу официальной версии, сфабрикованной Нессельроде. Но дело не ограничивается этим. Проф. М. Махмуд, ссылаясь на «Путевые записки» хрониста Мирза-Мустафы, находившегося в свите принца Хосров-мирзы во время его поездки в Петербург, указывает, что накануне официальной аудиенции у Николая ген. Сухтелен попросил Хосров-мирзу написать текст своего выступления. Сопровождавшие иранца переводчик французского языка Мирза-Масуд и Эхтешам составили это выступление, перевели на французский язык и передали ген. Сухтелену²⁶⁹. Просьба Сухтелена объяснялась тем, что для царя было желательнее ответить не на грамоту шаха, содержащую обвинения иранской знати, а на речь принца, которая могла быть более неопределенной. Забегая вперед, заметим, что текст выступления Хосров-мирзы еще более усложнил задачу царских дипломатов закрыть глаза на политический характер разгрома русской миссии. Правда, в интерпретации Нессельроде речь принца не создает такого впечатления: «Ужаснулось праведное сердце Фатх-Али-шаха при мысли, что горсть злодеев может привести к разрыву мира и союза между его величеством и великим монархом России»²⁷⁰. Но в том то и дело, что эта часть персидского текста резко отличается от фальсифицированного русского перевода, в котором «праведному» шаху противопоставляются безликие «злодеи», разгромившие русскую миссию по предначертанию судьбы. «Правительство Его Величества шахиншаха,— говорится в персидском тексте,— пришло в содрагание от гнева от мысли, что горсть злоумышленников, направляемых рукой провокаций и интриг, может нарушить мирные и союзные отношения, восстановленные недавно с Великим Государем России»²⁷¹.

²⁶⁹ См. 'محمود محمود' تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۲۷.

²⁷⁰ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 209.

²⁷¹ 'محمود محمود' تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۲۷.

Нельзя не заметить, что в русском переводе выброшены строки о том, что горсть врагов направлялась «рукой провокаций и интриг». Формулировка Хосров-мирзы не только полностью снимала вину за разгром русской миссии с А. С. Грибоедова, но и должна была вызвать подозрения в ответственности иранского и английского правительств за это преступление.

Между тем международная обстановка, при которой Нессельроде внес изменения в эти документы, существенно отличалась от новых условий, в которых он стремился вложить свой смысл в первое письмо шаха. После окончания русско-турецкой войны в августе 1829 г.²⁷² (именно тогда Хосров-мирза был принят в Петербурге) царизму уже нечего было опасаться второго фронта на Востоке. Возможно, что упрямому проведению царским министром иностранных дел версии о виновности Грибоедова в собственной гибели способствовали известный консерватизм и догматичность его мышления. Но нельзя забывать и о том, что, несмотря на благоприятный исход войны с Турцией и Ираном, Россия добивалась преобладания в Иране в упорной борьбе с Англией.

В интересах внешней политики царизма в Европе и на Балканах Николай I и Нессельроде не стали обострять из-за Ирана и без того напряженные отношения с Англией. Только поэтому правительство царя официально признало англичан непричастными к убийству Грибоедова, хотя переписка Паскевича с царем и Нессельроде не оставляет такого впечатления. Но дело не только в этом. Не менее важно отметить, что разрыв с Ираном после убийства А. С. Грибоедова помешал бы успешному развитию русско-иранской торговли²⁷³.

---

²⁷² Адрианопольский договор между Россией и Турцией был подписан 2 сентября 1829 г., однако война фактически закончилась в августе. Достаточно отметить, что уполномоченные султана прибыли в Адрианополь 16 августа, а русские делегаты — через 4 дня.

²⁷³ Несмотря на сильнейшую конкуренцию Англии, Россия активно торговала с Ираном. Даже в 1827 г., когда война еще не кончилась, торговля не только не прекратилась, но и превысила довоенный уровень. В Россию было отправлено иранских товаров на 1,2 млн. руб., а ввезено в Иран русских товаров на 2,4 млн. руб. («Виды внешней торговли» за 1827 г.). Проф. Ахмед Таджбахш, ссылаясь на данные французской статистики, отмечает, что Россия и в начале 30-х годов XIX в. была основным покупателем иранского ри-

По этим причинам Николай I простил Фатх-Али-шаху убийство посланника; девятый курур контрибуции; выплату последнего курура продлил на 5 лет и «огонь войны, который, по словам иранского историка Абдуллаза Рази, казалось, что снова возгорится в пожар, погас»²⁷⁴.

Таким образом, вопреки заявлениям большинства иранских буржуазных историков, отрицающих политический характер убийства А. С. Грибоедова, освобождение более сорока тысяч пленных и их переселение в Россию было только предлогом к убийству чрезвычайного посланника России. Основная причина, приведшая к разгрому русской миссии, состояла в реваншистских планах Каджаров, которые рассчитывали в случае успеха турецкой армии денонсировать Туркманчайский договор и начать против России третью войну в невыгодной для царизма международной обстановке. На это толкала Иран и Англия, стремившаяся укрепить свои экономические позиции и политическое влияние на Востоке.

Нельзя, конечно, снимать ответственность за убийство А. С. Грибоедова и с царизма, чья внешняя политика позволила осуществить эту кровавую провокацию. Отклонив вопреки интересам России экономические, дипломатические и военные проекты А. С. Грибоедова, царизм фактически лишил автора «Горя от ума» всякой поддержки.

«Свободолюбивые взгляды Александра Грибоедова, — повторяет советских исследователей иранский историк Моэззи, — и его пьесы, осмеявшие царизм, не соответствовали политике российского императора, который держал Грибоедова вдали от России и был причиной его гибели»²⁷⁵.

са, шелка, хлопка и шерсти. Об этом см. روابط

احمد تاج بخش، ايران و روسيه، ص ۱۰۲-۱۱۲).

عبد الله رازی، تاریخ مفصل ایران، تهران، ص ۴۷۰. ²⁷⁴

نجفقلی حسام معزی، تاریخ روابط سیاسی ایران بادنیاز هخامنش تا تحولات اخیر، جلد اول، چاپ اول، بهمن ماه، ۱۳۲۴،

ص ۴۵.

Исследованием дипломатической деятельности А. С. Грибоедова в конкретной политической обстановке того времени, а также международных отношений Ирана и многочисленных материалов о разгроме русской миссии в Тегеране установлены политические причины убийства чрезвычайного посланника России.

Все существующие многоязычные материалы, источники и версии по этому вопросу или подтверждают эти политические мотивы убийства, или указывают на различные обстоятельства и факты, служившие поводом для организации погрома и прикрытия политических причин преступления.

Исходя из этих выводов, на наш взгляд, необходимо пересмотреть и преодолеть существующие в нашей историографии расхождения в оценке основных источников, которые, наряду с тенденциозными наслоениями, содержат и фактологический материал для их критического использования.

Нельзя поэтому согласиться с Г. М. Петровым, который с недоверием отнесся к показаниям секретаря грибоедовской миссии И. С. Мальцова и выдвинул на первый план информацию Манучехр-хана Ениколопова. Нельзя также согласиться и с С. В. Шостаковичем, который ставит под сомнение достоверность информации Манучехр-хана и отдает предпочтение донесениям Мальцова.

Оба эти подхода нуждаются в пересмотре ввиду важности обоих источников.

Известно, что С. В. Шостакович является автором статьи «Происхождение «Реяции» о гибели грибоедовской миссии»²⁷⁶, в которой он характеризует ее как англо-иранскую фальшивку. Однако это не помешало ему сослаться на ту же «Реяцию» и верить ей при оценке армянских источников. Цитируя секретаря тавризского мехмандара, С. В. Шостакович считает, что Манучехр-хан «играл слишком сомнительную роль», а Меликов был «шахским гонцом», который должен был просить Гри-

---

²⁷⁶ См. С. В. Шостакович, Происхождение «Реяции» о гибели грибоедовской миссии. См. Труды Иркутского государственного университета, т. XVI, вып. 3, 1956.

боедова отказаться от покровительства беглецам во избежание разгрома миссии. Шостакович указывает, будто шах с помощью Меликова пытался запугать посланника, чтобы добиться выдачи Мирза-Якуба, а Манучехр-хан впоследствии выставил это за свою «рискованную попытку спасти посланника и его свиту от грозящей им опасности»²⁷⁷. Вся эта аргументация построена на одних предположениях. Поскольку «Реляция» выставлялась как иранская версия, подлинные авторы этой фальшивки, чтобы не выдать себя, не могли обвинить Манучехр-хана в измене. Никакой заместитель тавризского мехмандара не осмелился бы компрометировать Манучехр-хана при его жизни, без риска быть наказанным. Поэтому не удивительно, что главный евнух показан в «Реляции» как преданный шаху соратник. Манучехр-хан и Меликов не угрожали и не запугивали Грибоедова, а лишь предупредили его о заговоре. Об этом говорит тот факт, что мать Манучехр-хана и его родственник, коллежский ассесор князь Сулейман-хан Меликов, остались при Грибоедове и вместе с ним погибли. Как бы Манучехр-хан ни выслуживался перед шахом, он вряд ли ради этого принес бы в жертву свою мать и племянника.

О политической ориентации Манучехр-хана можно судить по отзывам о нем бывшего вице-консула в Иране Ваценко и адъютанта ген. Паскевича капитана Вольховского. Ваценко предлагал ген. Ермолову по всем вопросам обращаться не к агенту Англии, министру иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хану, а непосредственно к Манучехр-хану, исполнявшему в то время обязанности первого министра шаха. «Чтобы быть нам полезным,— говорилось в его донесении,— Манучехр-хан не дает хода иранскому министру иностранных дел ни в чем»²⁷⁸. Капитан Вольховский тоже доносил ген. Паскевичу, что «Манучехр-хан не может быть противником русских. В начале войны его подозревали в приверженности к нам. Он более других имеет случаи видеть шаха, от того его влияние значительно... Имея родственников на нашей службе, он не может быть равнодушным к благосклонности Ва-

---

²⁷⁷ С. В. Шостакович, *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*, стр. 232.

²⁷⁸ АКАК. т. VI, ч. 2, № 573.

шего Высокопревосходительства»²⁷⁹. Все это говорит о том, что Манучехр-хан Ениколопов был русофилом, единственным иранским государственным деятелем, который дорогой для себя ценой пытался спасти от гибели А. С. Грибоедова и предотвратить трагедию русской миссии. Достоверность переданной им Меликову информации о переговорах с шахом не вызывает сомнения. В связи с этим заметим, что исследователи путают двух Сулейман-ханов Меликовых. Например, Г. М. Петров, опубликовавший записки Мартирос-хана, ошибочно указывал, что «Сулейман-хан Меликов, работавший переводчиком в русском посольстве, по поручению своего дяди Манучехр-хана... явился лично к А. С. Грибоедову и предупредил его о грозившей опасности»²⁸⁰. В связи с этим Г. М. Петров столь же ошибочно обвинял Мальцова в извращении фактов за то, что в рапорте он указал, что видел Меликова в разгар событий, тогда как видел его на рассвете 30 января²⁸¹. Между тем из текста записок Мартирос-хана видно, что на рассвете 30 января к Грибоедову отправился не сын Давид-хана Меликова, т. е. не переводчик миссии Сулейман-хан, а его дядя (брат Давид-хана). Последний был убит вместе с Грибоедовым, а переводчик Сулейман-хан Меликов остался жив: предупрежденный об опасности, он или не вышел на работу утром 30 января, или появился в миссии после разгрома. Поэтому не исключено, что Мальцов 30 января видел не одного, а двух Сулейман-ханов Меликовых: старшего из них — рано утром, а младшего, который был переводчиком, — позднее. Выяснение этого вопроса важно еще и в том отношении, что, кроме трех уже известных сотрудников русской миссии (Мальцов, Ибрагим-бек и Гасратов), оставшихся в живых после событий 30 января 1829 г., выявлен четвертый сотрудник — переводчик миссии Сулейман-хан Меликов, которого обычно считали убитым во время погрома.

Известно, что Мальцов в течение трех часов штурма миссии укрывался в квартире мехмандара Назар-Али-хана, охраняемый подкупленными фаррашами. По рас-

---

²⁷⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 97—97 об.

²⁸⁰ Г. М. Петров, указ. работа, стр. 154.

²⁸¹ См. там же.

сказу находившегося в Иране тифлисского купца Егора Бежоева, Мальцов спрятался в сундуке²⁸², а по другой версии, якобы рассказанной самим Мальцовым своему знакомому в Ницце, фарраш «завернул Мальцова в ковер и поставил его в угол комнаты, где стояли другие ковры, свернутые в трубки»²⁸³. Из комнаты Назар-Али-хана Мальцов мог видеть немногое и в основном догадывался о происходивших событиях. Большое здание миссии состояло из четырех дворов, и Мальцов мог наблюдать только первый этап штурма или то, что происходило в первом дворе миссии, к которому примыкала квартира тавризского мехмандара и, конечно, не мог видеть динамики событий в четвертом дворе, где находилась квартира Грибоедова. С другой стороны, первый секретарь миссии знал о всех обстоятельствах до окружения миссии, и в этом ценность его донесений, если исключить все то, что он был вынужден писать по принуждению, в духе официальной версии. Переводчик миссии Сулейман-хан Меликов тоже не был очевидцем всех событий. Однако переданные ему Манучехр-ханом сведения о его переговорах с шахом накануне и в ходе разгрома миссии представляют большую ценность, так как разоблачают шаха и его сына—губернатора Тегерана Зель-эс-Султана, как главных организаторов преступления.

Нам кажется вероятным, что дополнительные, более подробные сведения о разгроме миссии Мальцов и Меликов получили позднее, несмотря на то, что объективную информацию получить было нелегко, так как каждый из погромщиков, которых трудно было найти, опасался личной ответственности за соучастие в убийстве А. С. Грибоедова и других сотрудников миссии.

В этой связи отметим еще, что для сбора сведений у Меликова было больше возможностей, чем у Мальцова, который после убийства Грибоедова оставался в Тегеране только 17 дней, к тому же жил под наблюдением в шахском дворце и в основном узнавал о случившемся в интерпретации пристрастных иранских политических деятелей.

---

²⁸² См. ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 122, лл. 1—2 об.

²⁸³ Г. М. Петров, указ. работа, стр. 154.

Иначе сложилась судьба С. Меликова, который остался в Тегеране и, поступив в иранскую армию, дослужился до генеральского звания. Впоследствии сведения о разгроме миссии он передал начальнику штаба шахской казачьей бригады армянину Мартирос-хану. Записи последнего, датированные 30 июля 1897 г., хранились в архиве командира этой бригады полковника Косоговского²⁸⁴.

Другой затянувшийся спор связан с оценкой «Реляции» — анонимного рассказа секретаря мехмандара Назар-Али-хана.

Если В. Т. Пашуто и С. В. Шостакович характеризуют эту «Реляцию» как английскую фальшивку²⁸⁵, то О. И. Попова, солидаризируясь со взглядами П. Е. Ефремова, считает эту «Реляцию» «одним из ценнейших источников», а себя и читателей «обязанными» за этот документ секретарю Назар-Али-хана²⁸⁶ (?).

Не останавливаясь подробно на анонимной личности «автора» «Реляции», этого всезнающего, философствующего писаря («мирзы»), который, не в пример всем русским дипломатам миссии, дескать, один остался с Грибоедовым в его комнате, был очевидцем его убийства, а сам каким-то чудом остался цел и невредим, заметим, что основное назначение «Реляции» (независимо от ее происхождения) состояло в попытке прикрыть политические причины преступления и отвести обвинения от Каджаров и англичан.

Кстати, О. И. Попова не могла не убедиться, что «Реляция» обвиняет Грибоедова чуть ли не во всех «грехах»: в неуважении к персоне шаха (дескать, посол утомлял шаха продолжительными беседами; не называл его

---

²⁸⁴ В настоящее время «Записка» Мартирос-хана хранится в Ленинграде, в Пушкинском доме (Р. 1, оп. 5, д. 118, лл. 3—6). Копия этой записки находится в рукописном фонде Института народов Азии ЛОАН СССР. Третья часть архива полковника Косоговского хранится в г. Москве, в ЦГВИА СССР. Впервые воспоминания Сулеймана Меликова об обстоятельствах гибели А. С. Грибоедова были с некоторыми искажениями помещены в газете «Русское слово» 18 сентября 1910 г.

²⁸⁵ См. В. Т. Пашуто, указ. работа; С. В. Шостакович, Происхождение «Реляции» о гибели грибоедовской миссии.

²⁸⁶ См. О. И. Попова, указ. работа, стр. 144—169; Ср. П. А. Ефремов, указ. работа, стр. 1498—1513.

«царем царей» и вырвал из его гарема евнуха); в безволии Грибоедова (подчиненные Грибоедова не подчинялись ему) и даже... «в чрезмерных продовольственных и денежных поборах» местного населения сотрудниками грибоедовской миссии (??). «Реляция» оправдывает тегеранского губернатора, отказавшегося спасти миссию от погрома, а О. И. Попова приводит в своей книге все эти выдержки из «Реляции», — «ценнейшего, — по ее словам, — источника» (?), хотя и признает при этом, что знание Грибоедовым «всех тонкостей иранского придворного этикета бесспорно, а несоблюдение его Грибоедовым в тревожной тегеранской обстановке — невероятно»²⁸⁷. Нам остается добавить, что бесспорны и противоречия в весьма запутанной концепции Поповой. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что авторы «Реляции» пытались придать рассказу иранского писателя правдоподобный вид. С этой целью ими был привлечен широкий круг фактов, в том числе и нелестные отзывы об англичанах, однако все они были пересыпаны обильными дозами фальсификаций, чтобы создать общее неприглядное впечатление об ответственности Грибоедова за его гибель. Другое дело, что фактологический материал «Реляции» может быть критически использован, а все наносное и ложное в этом документе отброшено. В одинаковой мере это относится и к другим ранним источникам, в первую очередь к «Новой истории» каджарского принца Джахангир-мирзы и «Путевым запискам» Мирза-Мустафы.

6

В тот день, когда в Тегеране была разгромлена русская дипломатическая миссия, на первом фланге Дунайского фронта русские войска овладели крепостью Турну, а 16 (28) февраля 1829 г. русский десант занял город Сизополь (за Балканским хребтом). В зимних условиях активные боевые действия на фронте не ожидалось, поэтому падение Турну и Сизополя не могло содействовать немедленному вступлению Ирана в войну на стороне Турции. Под впечатлением этих успехов русской армии,

²⁸⁷ О. И. Попова, указ. работа, стр. 155.

а также опасаясь русского наступления в направлении Тегерана, Аббас-мирза испытывал страх и растерянность. Чуть ли не на четвертый день после убийства Грибоедова он спешно оставил Тавриз и без разрешения русских властей направился в Петербург, сообщив изумленному Паскевичу, что «его желание встретиться со своим великим дядей императором Николаем дошло уже до крайности»²⁸⁸, и только по настоянию Паскевича был вынужден вернуться с дороги, а затем ударился в другую крайность и тайно отправил в Турцию своего посла Молла Шерифа для заключения военного союза против России. Султан хорошо понимал значение антирусской коалиции, к которой стремился давно²⁸⁹. Поэтому в конце февраля 1829 г. значительные силы турок блокировали ахалцихскую крепость, а также пытались прорваться в Грузию через Боржомское ущелье. С этими операциями турок Каджары связывали большие надежды. Иначе Аббас-мирза в Тавризе, а принц Хасан-Али-мирза в Тегеране не стали бы собирать войска по совету Макдональда²⁹⁰.

Впрочем, спешили они напрасно потому, что ахалцихская операция продолжалась 12 дней и пока гарнизон этой крепости мужественно отбил два турецких штурма, 4 (16) марта войска султана были неожиданно атакованы подошедшим русским отрядом, сняли осаду и отступили.

Таким образом, Турция пыталась использовать обстановку, возникшую после убийства Грибоедова. Однако кратковременное зимнее «контрнаступление» турок скорее всего было неудачно проведенной военной демонстрацией, предназначенной для того, чтобы толкнуть Каджаров на войну с Россией или ускорить это выступление в условиях зимы, когда турки не собирались воевать. Все это вносит существенную поправку в распространенное в литературе мнение о том, что убийство Грибоедова

---

²⁸⁸ АКАК, т. VII, № 648.

²⁸⁹ Когда в декабре 1828 г. Ахалцих был занят русскими войсками, в Тавриз прибыл посол султана, который обещал шаху вернуть Ирану Закавказье в случае вступления в войну на стороне Турции. (АВПР, ф. Главный архив, 1—9, д. 13, ч. IX, л. 132).

²⁹⁰ См. «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 154.

было только сигналом для перехода турок в контрнаступление²⁹¹.

После провала ахалцихской операции турки и англичане пытались сохранить в Аббас-мирзе остатки боевого духа. 8 марта 1829 г. чиновник ванского паша доставил наследному принцу большой вьюк с деньгами²⁹², а английский посланник Макдональд обещал Аббас-мирзе 10 тысяч ружей, которые в июне были доставлены в Бендер Бушир, и через английских дипломатов и агентов тайно поддерживал контакт Тегерана с Константинополем и Эрзерумом.

Между тем военные действия на русско-турецком фронте начались только в предпоследний день мая. В этих условиях Каджары не склонны были форсировать события. Заняв выжидательную позицию, они обещали туркам выступить на их стороне, а Паскевичу обещали отправить в Петербург искупительное посольство²⁹³ и через И. С. Мальцова сообщили ему, что выступят против Турции, если русские предоставят Ирану артиллерию и 10 тысяч ружей²⁹⁴. Шах и Аббас-мирза стремились использовать обстановку, возникшую в результате убийства русского посланника, русско-турецкой войны, а также обострившихся весной 1829 г. англо-русских противоречий, чтобы заставить царя отказаться от двух последних куруров контрибуции (четырёх миллионов рублей серебром), а в случае успеха турецкой армии или возобновить войну с Россией для захвата Закавказья, или добиться пересмотра Туркманчайского договора в невыгодной для России международной обстановке.

Факты говорят еще о том, что находившийся в Тавризе поверенный в делах Амбургер недопонимал или делал вид, что не разбирается в этой политике Каджаров. Паскевич писал ему, что после убийства посланника престиж России требует наказания убийц, однако война с Турцией требует избегать разрыва с Ираном и обращать-

---

²⁹¹ См. Архив Раевских, т. 1, СПб., 1908, стр. 435. Ср. А. В. Фадеев, Россия и восточный кризис, стр. 283—284.

²⁹² См. «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 153.

²⁹³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 29, лл. 16—17.

²⁹⁴ См. «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 153.

ся с этой страной «с величайшей осторожностью». Амбургеру предписывалось ни под каким предлогом не уезжать из Тавриза, пока этого не потребует правительство шаха. Однако Амбургер уехал в Тифлис, несмотря на настойчивые просьбы Аббас-мирзы остаться, и фактически прервал дипломатические отношения. Чтобы восстановить контакт с Аббас-мирзой, Паскевич отправил к нему агента Али-бека Юз-Баши. В Тавризе этот агент выдавал себя за покупателя лошадей и через знакомых лиц добился аудиенции у наследного принца²⁹⁵. Последний объявил Али-беку, что сам он войны не желает, а войска собрал в Азербайджане, дескать, для того, чтобы сохранить за собой управление этой провинцией. Аббас-мирза объявил еще, что согласен вести откровенные переговоры с доверенным чиновником Паскевича и, поклявшись на коране, добавил, что его братья собираются выступить против него «по внушению англичан и турок»²⁹⁶.

В начале апреля Николай I приказал Паскевичу сосредоточить в Астрахани 30-тысячную армию, после чего действия Паскевича стали более решительными. Уже 10 апреля он отправил в Тавриз своего адъютанта князя Кудашева с письмами для Аббас-мирзы, в которых угрожал перейти с войсками Кафланкух и меньше чем за год уничтожить династию Каджаров; призывал не слушать советов англичан и турок, требовал наказать убийц А. С. Грибоедова и отправить в Петербург с искупительной миссией одного из своих сыновей. Паскевич предлагал еще напасть на Ван и этим доказать, что убийство Грибоедова произошло не по вине шаха и Аббас-мирзы и обещал вооружить иранскую армию...²⁹⁷. «Все ваше политическое существование в наших руках,—угрожал Паскевич,—вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать»²⁹⁸.

---

²⁹⁵ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 8, д. 122, лл. 1—2 об.

²⁹⁶ Подробно о переговорах Аббас-мирзы с Али-беком см. ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 406, «Докладная записка об отправлении в Тавриз лазутчика узнать о намерении Аббас-мирзы», а также ЦГИАЛ, ф. 1018, д. 405, «Показание Али-Юзбаши Карабагского». Часть этих документов опубликована С. В. Шостаковичем в «Известиях АН Азерб. ССР» (общественные науки), 1962, № 8, стр. 15—22.

²⁹⁷ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 402, л. 1.

²⁹⁸ Там же, д. 407, лл. 2—3, а также д. 408, лл. 1—2.

В русской дореволюционной литературе (Щербатов, Потто и др.) переговоры Кудашева с Аббас-мирзой описаны далеко не точно. По архивным документам, 23 апреля 1829 г. Аббас-мирза заявил Кудашеву, что после смерти Грибоедова многие сыновья шаха, подстрекаемые турками и англичанами, предлагали шаху воспользоваться русско-турецкой войной и напасть на Россию, а шах, в свою очередь, решение этого вопроса оставил на усмотрение наследного принца²⁹⁹. Аббас-мирза заявил еще, что если шах начнет войну, то он покинет Азербайджан и уедет в другое государство³⁰⁰. При этом Аббас-мирза не отрицал, что переписывается с турками, хотя и уверял, что отклонил их предложение о союзе и что охотно начал бы против Турции войну, но не может на это решиться из-за Англии, которая в интересах своей торговли будет помогать султану, и не исключено, что объявит Ирану войну. В связи с этим наследный принц просил русских гарантий о помощи войсками на случай англо-иранской войны³⁰¹.

Через день каймакам Аббас-мирзы Мирза Аболь Касем Фаррахани встретился с Кудашевым и пытался сгладить впечатление о неосторожных заявлениях наследного принца. По словам каймакама, Иран вправе был начать против Турции войну потому, что турки заняли иранскую территорию в районе Урмийского магала. Фаррахани заявил еще, будто Аббас-мирза ведет переговоры с ванским пашой не по вопросу о военном союзе, а об Урмийском магале и при этом не обращается за помощью к Англии, которая смогла бы заставить султана вернуть Ирану ее территорию³⁰².

Таким образом, Каджары отклонили предложение Ласкевича о вступлении Ирана в войну против Турции и пытались прикрыть свои переговоры с султаном о военном союзе версией о пограничных спорах. Впрочем, основная цель миссии Кудашева все же была выполнена, так как в апреле 1829 г. принц Хосров-мирза выехал в

---

²⁹⁹ См. там же, д. 418, л. 4.

³⁰⁰ См. там же, л. 3.

³⁰¹ См. там же, л. 4 об.

³⁰² См. там же.

Петербург. По этому поводу иранский исследователь Афшар писал, что «в то время, когда Россия сражалась с Турцией, а в Тегеране были уверены, что смогут воспользоваться этим, письма Паскевича рассеяли тучи: Тегеранский двор усвоил русский урок настолько хорошо, что его никогда не забывали»³⁰³. Иного мнения придерживается проф. А. Эгбал. Не зная о собранных в Астрахани русских войсках, он с сожалением указывает, что «на Кавказе тогда не было войск», а Паскевич, дескать, «использовал напуганность Аббас-мирзы тем, что пригрозил ему новой войной», которую не в состоянии был вести³⁰⁴.

В то время, когда Кудашев находился в Тавризе, копии писем Паскевича, доставленные в Петербург, возмутили министра иностранных дел. 11 мая Нессельроде предписал послу в Лондоне Х. А. Ливену сообщить английскому правительству о неодобрении императором писем, переданных Кудашевым Аббас-мирзе. Нессельроде считал, что необходимо «оберечь политическую обидчивость Англии, успокоить ее раздражительность и ревнивое недоверие»³⁰⁵. С этой целью в Иран был отправлен ген. Долгорукий, чтобы отнять у Макдональда или у Аббас-мирзы письма Паскевича, а последний ответил на это тем, что задержал Долгорукого в Тифлисе и написал графу Нессельроде, что поступил так потому, что поездка Долгорукого в Иран «вызовет у персиян подозрение в нашем бессилии, а англичане не останутся ни перед чем, чтобы осложнить наши отношения с Персией»³⁰⁶. Миссия Кудашева и письма Паскевича усилили накал англо-русской борьбы. Британские дипломаты говорили Аббас-мирзе, будто русские хотят выиграть время, чтобы закончить турецкую войну, а потом отомстить шаху за смерть Грибоедова; предупреждали наследного принца, что искупительное посольство приведет к разрыву с Турцией, а в случае поездки Хосров-мирзы в Пе-

³⁰³ М. Afschar. La politique européenne en Perse, Berlin, 1921, p. 62—63.

³⁰⁴ См. عباس اقبال، تاريخ مفصل ايران، ۱۳۲۰، ص ۳۹۳.

³⁰⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, Тифлис, 1908, стр. 237.

³⁰⁶ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 199.

тербург пригрозили помогать наместнику Ширази принцу Хусейн-Али-мирзе, претендовавшему на престол³⁰⁷. Одновременно англичане активизировали свою деятельность в Месопотамии. Находившийся в Тавризе секретарь русской миссии Мальцов 4 июня 1829 г. доносил Паскевичу, что английская миссия из Басры перенесена в Багдад; английский офицер Шил осуществляет регулярную связь между Багдадом и Тавризом, а два других английских офицера (Боржос и племянник доктора английской миссии Кормика) находятся при сулейманийском паше и обучают военному делу его курдскую конницу³⁰⁸. Мальцов, передавший эти сведения Паскевичу, не понимал назначения этой деятельности английских резидентов, хотя и правильно считал, что англичане собираются держать под своим контролем Курдистан³⁰⁹. Архивные фонды Паскевича и, в частности, его переписка с Петербургом, говорят о том, что Паскевич не обратил внимания на интересующую нас часть донесения Мальцова. По нашему мнению, деятельность английской миссии в Месопотамии была следствием грибоедовских предложений о создании антитурецкого блока, основанных на обращении сулейманийского паши к Аббас-мирзе по вопросу о войне против Турции, а также результатом писем Паскевича, переданных Аббас-мирзе Кудашевым.

После того как английское правительство через русского посла в Лондоне узнало о содержании писем Паскевича, английская миссия в Басре получила из Лондона соответствующие инструкции и предприняла меры для ликвидации любой новой попытки организовать ирано-месопотамский военный союз, направленный против Порты. Этим отчасти можно объяснить причины, из-за которых из Басры английская миссия была перенесена в Багдад, где антитурецкие сепаратистские тенденции местных арабских шейхов были широко известны; а к сулейманийскому паше, который вместе с Аббас-мирзой собирался возглавить антитурецкий поход, были командированы английские офицеры под видом военных со-

---

³⁰⁷ См. АКАК, т. VII, № 691, 694: «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 183.

³⁰⁸ См. там же, стр. 184.

³⁰⁹ См. там же.

ветников. Как видно, в Англии не верили в заверения Нессельроде о том, что правительство Николая I осуждает содержание писем Паскевича, переданных Аббас-мирзе Кудашевым. Кроме того, англичане не могли не опасаться создания антитурецкой коалиции в составе России, Ирана и Месопотамии. Во всяком случае, ультиматум Паскевича оказался сильнее дипломатических маневров английских миссий в Тавризе и Багдаде и принц Хосров-мирза во главе искупительного посольства был отправлен в Петербург³¹⁰. Первые известия об этой поездке, дошедшие до Константинополя, вызвали там взрыв возмущения и привели к аресту персидских купцов и конфискации их товаров. Диван объявил, что поступает так потому, что вместе с Хосров-мирзой будто отправлены персидские войска для использования их против Турции. Правительство шаха, ожидавшее летнюю кампанию на русско-турецком фронте, чтобы окончательно определить свое отношение к султану и к проектируемому ирано-турецкому военному союзу, поспешило опровергнуть эту ложную турецкую версию и даже противопоставило ей свою, не менее ложную версию о том, что собранные в Мараге иранские войска готовы совершить «диверсию в пользу турок»³¹¹. Одновременно, по фирману шаха губернатор Казвина Али-Наги-мирза вместе с подчиненным ему агентом шаха Мирза-Наби-ханом отправились в Тавриз и там первый из них распространил слухи о том, что шах поручил ему начать войну против России, а второй говорил всем, что получил от шаха 50 тысяч туманов, чтобы накануне похода раздать их войскам. Мальцов, передавший эти сведения Паскевичу, не верил в их достоверность и не понимал их значения. Путаясь в догадках, он то считал, что «персидское правительство находится в совершенном недоумении», то писал Паскевичу, что воздерживается «от всякого заключения» и отправляет в Тифлис собранную им информацию, чтобы Паскевич сам сделал свои выводы. Заключение Паскевича нам найти не удалось³¹². Надо полагать, что дея-

---

³¹⁰ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 40, л. 26 (Ген. Абхазов—Паскевичу, 4.IV.1829).

³¹¹ «Кавказский сборник», т. XXX, стр. 186.

³¹² По материалам ЦГИА Груз. ССР (ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 31), для установления целей принца Али-Наги-мирзы в Тавриз был от-

тельность шахских миссионеров Али-Наги-мирзы и Мирза-Наби-хана в Тавризе была ответной реакцией на недовольство султана и притеснения персидских купцов в Константинополе. Ложные слухи, распространяемые этими лицами, так же как и версия о целях сбора иранских войск в Мараге, должны были восстановить доверие между шахом и султаном независимо от миссии Хосров-мирзы. Шах, несомненно, рассчитывал выиграть время, дожидаясь окончательного исхода русско-турецкой войны и только после этого принять окончательное решение. Возможно, что упоминаемое В. Минорским письмо Фатх-Али-шаха принцу Али-Наги-мирзе, в котором говорится, что Аббас-мирза пытался выманить у шаха 170 тыс. туманов под предлогом уплаты русским «цены крови» Грибоедова³¹³, тоже было частью тех задач, которые шах поставил перед Али-Наги-мирзой и которые должны были показать султану, что шах не собирается уступать и тем более платить России деньги, несмотря на огромный долг недоплаченной контрибуции.

Рассмотрим, однако, причины, из-за которых принц Хосров-мирза очень медленно добирался до Петербурга. Только 4 августа 1829 г., или через полгода после разгрома русской миссии в Тегеране, он прибыл в русскую столицу³¹⁴. Более того, чтобы задержать Хосров-мирзу в дороге, с самого начала его не снабдили грамотой шаха и, что бросается в глаза, не собирались отдавать эту грамоту принцу до летней кампании на турецком фронте. Как видно, неудачи русских войск в районах Шумлы и Силистрии в 1828 г. подогревали надежды Каджаров на возобновление реваншистской войны в Закавказье. Однако эти надежды окончательно рассеялись 30 мая

правлен тайный русский агент. По мнению Амбургера, Али-Наги-мирза должен был сообщать шаху о ходе русско-турецкой войны после поражения турок под Ахалцихом. По мнению Кудашева (ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 418, л. 2), Али-Наги-мирза собирался занять место Аббас-мирзы, раздать войскам два неуплаченных курура контрибуции и возобновить войну. Наконец, в беседе с Кудашевым Аббас-мирза заявил, что Али-Наги-мирза прибыл в Тавриз, «чтобы совместно способствовать нерушимости мира».

³¹³ См. В. Минорский, «Цена крови» Грибоедова. Незаконный документ, «Русская мысль», кн. III—IV, Прага, 1923, стр. 9—15.

³¹⁴ Подробно о пребывании Хосров-мирзы в Петербурге см. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 40, лл. 82—86.

(11 июня) 1829 г., когда 40-тысячная турецкая армия Решид-паши капитулировала у Кулевчи (юго-восточнее Шумлы) и 18 (30) июня, когда пала Силистрия, после чего русские войска с боями прорвались к южной Болгарии. В этих условиях Каджары отказались от войны с Россией и за три дня до аудиенции у царя доставили Хосров-мирзе верительные грамоты шаха³¹⁵.

Таким образом, несмотря на инспирированное турецкими войсками в феврале 1829 г. наступление в районе Ахалциха для того, чтобы с помощью Англии толкнуть Иран на новую войну против России, шах не спешил форсировать события и занял выжидательную позицию с тем, чтобы максимально использовать обстановку, возникшую в результате разгрома русской миссии и русско-турецкой войны.

Угрозы английских и турецких дипломатов, а также Паскевича, не изменили позиций шаха, который в ожидании исхода русско-турецкой войны отклонил как предложение Паскевича о вступлении Ирана в войну против Турции на стороне России, так и предложение султана о вступлении Ирана в войну против России на стороне Турции.

Эту свою политику шах прикрывал средствами дипломатии: туркам обещали выступить на их стороне, а в Россию (после угрозы Паскевича перейти Кафлан-кух и уничтожить династию Каджаров) был вынужден отправить искупительное посольство с довольно коварной задачей: находиться в пути до получения верительной грамоты шаха и решающего перелома в летней кампании русско-турецкой войны.

Не зная этих намерений шаха, Англия и Турция не скрывали возмущения поездкой Хосров-мирзы, которая, по их расчетам, отдаляла или вовсе могла помешать заключению военного союза между Ираном и Турцией и на дипломатические акции шаха ответили новыми угрозами. Англичане готовили покушение на жизнь Аббас-мирзы, отправившего в Петербург своего сына, а также стремились ослабить антитурецкие, сепаратистские тенденции арабских шейхов, чтобы не допустить образова-

---

³¹⁵ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, д. 40, л. 82.

ния ирано-месопотамского союза, а турки продолжали репрессии против персидских купцов и поломников.

Оказавшись в затруднительном положении, шах все же не отклонился от намеченного курса, и, чтобы отвести угрозы Англии и Турции, в Мараге стал собирать иранские войска и муссировал слухи, что предназначаются они для войны против России, а русских в это время уговаривал не верить в эти слухи. Эта политика «выжидания» продолжалась не более четырех месяцев (февраль—май 1829 г.), так как капитуляция турецкой армии заставила шаха отказаться от союза с султаном и третьей войны против России. «Хорошо, что война эта не началась, ибо закончилась бы она для Ирана потерей всего Азербайджана»³¹⁶,—метко заметил тавризский профессор Таджбахш.

Россия тоже отказалась от этой войны, несмотря на убийство ее чрезвычайного посланника и прекращение угрозы второго фронта. Возможно, что совпавшие по времени прекращение турецкой войны и прием Хосров-мирзы в Георгиевском дворце оказали определенное влияние на эту позицию царизма. Однако определяющим фактором этой политики Петербургского двора оставался Туркманчайский договор, который обеспечил экономическое и политическое преобладание России в Иране на продолжительное время. Поэтому Николай I принял извинения шаха, переданные ему Хосров-мирзой, и закрыл глаза на смерть автора «Горе от ума».

Что касается Каджаров, то они могли только мечтать о таком обороте дела. Даже реакционный иранский историк М. Афшар, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к России, признает, что умеренность русского царя после трагического происшествия с Грибоедовым «крайне удивила Фатх-Али-шаха, которому казалось, что Россия и Иран находились на волосок от войны». После этого, замечает Афшар, «железный царь сделался для Ирана царем мира, а шах был разочарован Англией неизмеримо больше, чем в свое время Францией и, убе-

---

احمد تاج بخش، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن 316
نوزدهم، تبریز، ۱۳۳۷، ص ۱۷۴.

дившись в военном превосходстве России, не оттолкнул руки, так милостиво протянутой Николаем»³¹⁷.

Адрианопольский мир произвел отрезвляющее впечатление на Каджаров, которые после этого не могли не признать провала своей фарисейской дипломатии и политики реваншизма, приведших ко второй русско-иранской войне и Туркманчайскому миру, денонсированному Великой Октябрьской социалистической революцией.

---

³¹⁷ *M. Afschar, La politique Européenne en Perse, Berlin, 1921, p. 61—62.*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. и Энгельс Ф. Англо-персидская война, Сочинения, изд. второе, т. 12, стр. 73—75.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Война против Персии, Сочинения, изд. второе, т. 12, стр. 120—125.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Пальмерстон, Статья вторая, Сочинения, изд. второе, т. 9, стр. 368—373.
- Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). М., 1947, стр. 102—130.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Перспективы англо-персидской войны, Сочинения, изд. второе, т. 12, стр. 126—131.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. Сочинения, изд. второе, т. 9, стр. 11—15.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Будущие результаты британского владычества в Индии. Сочинения, изд. второе, т. 9, стр. 224—225.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Персия и Китай. Сочинения, изд. второе, т. 12, стр. 218—224.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Восточный вопрос. Сочинения, изд. первое, т. 9, стр. 369—484.
- Ленин В. И. Персия и персидский вопрос. Тетрадь материалов о Персии. Ленинский сборник, т. XXIX, М., 1936, стр. 349—365.

Центральный государственный военно-исторический архив в Москве (ЦГВИА)

Фонд Военно-ученого архива Главного штаба (ВУА), дд. 412, 502, 642 («Журнал ген. А. П. Ермолова о посольстве его в Персию в 1817 г.»), 894, 923, 930, 978, 1163 («Дело о бумагах, оставшихся после умершего ген.-ад. кн. Ливена»), 2591, 2801, 4272, 4288 («Дело о возложенном на Меншикова поручении объясниться с Ермоловым»), 4290—4292, 4293 («Дело о командировании Меншикова в Персию»), 4294 («Журнал военных действий персидской войны 1826 и 1827 гг. Положение дел в Персии, конференция Паскевича с Мирза-Салехом—поверенным Аббас-мирзы»), 4298, 4302—4303, 4304, 4311 («О политических отношениях, касающихся до персидской войны 1827 г.»), 4312, 4315 («Журнал отряда ген.-л-та кн. Мадатова, с

16 по 27 апр. 1827 г.), 4326 («Дело о военных действиях против Персии и о командировании в Тифлис Дибича для устранения несогласия между Ермоловым и Паскевичем»), 4327—4328, 4329 («Донесения ген.-ад. Паскевича о мирных переговорах и заключении мира с Персией в 1828 г., на 306 листах»), 4330, 4331 («Дело о переселении в Россию муштенда тавризского Ага-мир-Фета-Санда»), 4332, 4336, 4337, 4338 («Сведения, полученные через армян о Персии 14—20 ноября 1827 г.»), 4373, 4377, 4429, 4990, 18293, 35787 («Записка Трубецкого о тайных обществах»), 40482, 58742 (карта театра военных действий между Россией и Персией в 1826 г., Берлин, масштаб 1 : 4 550 000).

Фонд 446 (Коллекция Военно-ученого архива «Персия»), дд. 11—12 и 49438, 56438 («Военно-политическое обозрение Персии, полковника Энегольма, янв. 1827 г., Тифлис»), 49339 («Донесения русского военного агента в 3 отдел канцелярии е. и. в. о притеснениях со стороны персов армянского населения в Шекинской провинции и о стремлении армян к объединению с Россией»), 49359 («Опись армянских городов и селений, находящихся в Персии, 1829 г., на 4 л.»), 49437 («Записка поручика Носкова о политическом и военном положении Персии»), 56429 («Переписка военного министра Чернышова и Нессельроде с посланником Симоницем и командующим Розеном о болезни и смерти Фатх-Али-шаха и Аббас-мирзы»), 56431 («Опись документов, хранившихся в Главном штабе и заключающих в себе сведения о Персии с 1826 по 1841 гг.»), 56440 («Журнал путешествия персидского генерала Семино по южным провинциям Персии и по побережью Персидского залива в 1840—1841 гг.»), на французском языке, 42 л., сост. 29 окт. 1842 г.), 76148, 78731, 104260, 104493 («Письма министра иностранных дел Нессельроде, командующего Розена и военного агента Шоцко посланнику Симоницу о взаимоотношениях России с Персией после смерти Фатх-Али-шаха»).

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ)

Фонд 108 (*Паскевич-Эриванский*), оп. 2, дд. 76, 8081 («Бутурлин. Персидская война»), на 1533 листах, на фр. яз.: «Mémoires historiques et secrets sur la guerre des Russes contre les Persans en 1826, 1827, et 1828. Exemplaire corrigé sur les indications de Son Altesse le Marschal Prince de Warsovie, Comte Pascevitche d'Erivan.»), 89—93 (Перевод на русский язык «Персидской войны» Бутурлина, введение, а также I, V и X главы, на 378 страницах), 98 («Собственноручный журнал ген. Паскевича, веденный им в 1826—1927 гг.»), 105, 109, 133 («Жалоба Паскевича—царю на Ермолова»), 136, 158 («Об условиях, на которых можно заключить мир»), 181—183, 193, 194, 208, 226, 233, 234, 239, 271 («О перевозе тела Грибоедова. Записка неустановленного лица»), 274, 295, 315, 325, 390, 402, 405, 406, 417—420, 423 («Несколько бумаг и записок, могущих служить источниками дипломатических переговоров в Персии в 1827 г.»), 424, 425, 437 («Журнал ген. Ермолова»), 438, 483.

Оп. 3, дд. 94, 233, 234.

Оп. 8, д. 118, 122 (Неопубликованное письмо русского купца Егора Бежоева из Тавризы о гибели Грибоедова).

Фонд 560, оп. 2, д. 1233 (текст Туркманчайского договора).

Фонд 1329, д. 452 (Выступление Николая I в Сенате о мире с Персией и о создании Армянской области).

Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ)

Фонд 19 («Персидский отдел»): оп. 4, дд. 441 («Посольство в Персию Ермолова»), 442 («О признании принца Аббас-мирзы»), 444 («Пограничный спор между Россией и Персией»), 446, 448, 450 («Сведения о Персии»), 452, 453 («О пограничном споре между Россией и Персией в посольстве Меншикова»), 454, 455 («Переписка Меншикова с шахом, наследником и высшими чиновниками»), 456, 457, 458, 464 («Правила для переговоров»), 465.

Фонд «А. С. Меншиков», дд. 4, 10, 12, 13, 16, 20, 25 («Plan de compagnie des Persans»), 106.

Архив внешней политики России (АВПР)

Фонд МИД, отд. Канцелярия 1826 г., дд. 6956, 6958; 1813 г., д. 2285; 1814 г., д. 2295; 1827 г., дд. 6963, 6964, 6968; 1815 г., дд. 2300, 2301; 1819 г., д. 6891; 1823 г., дд. 6920, 6963.

Фонд СПб, Главный архив, 1801—1814, 1—13, д. 5; 1805—1813, дд. 1, 3.

Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран)

Фонд Архив (Диван) Католикоса:

1814 г., папка (п.) 164, док. (д.) 1112; п. 24, д. 158; 1646, д. 1139; п. 164а, д. 110, 148.

1815 г., п. 1646, д. 883.

1816 г., п. 1646, д. 285.

1818 г., п. 164а, д. 538; п. 1646, д. 1350.

1819 г., п. 165, д. 124.

1820 г., п. 165, дд. 181, 367, 368, 377.

1821 г., п. 165, дд. 320, 434, 438.

1822 г., п. 165, д. 330; п. 166, д. 811.

1823 г., п. 165, дд. 343, 769.

1824 г., п. 165, д. 353.

1825 г., п. 166, дд. 196, 491.

1826 г., п. 166, дд. 602, 603, 605, 607—614, 617—619, 628—629, 631, 638, 643, 645, 680.

1827 г., п. 166, дд. 721, 760, 762, 764, 769, 785, 802—806, 813, 816, 818, 819, 821, 822, 827, 831, 836, 840, 852, 853, 860, 861, 868, 884, 891, 892, 901, 907, 909, 912, 928, 936.
1828 г., п. 165, дд. 805, 1169—1171; п. 166, дд. 621—626, 315, 796; п. 166а, дд. 1026, 1043, 1095, 1119.

**Центральный государственный исторический архив
Грузинской ССР (ЦГИА Грузинской ССР)**

Фонд 2, Канцелярия Главноуправляющего Закавказским краем,
дд. 297, 927, 937, 1740, 1752, 1869.

Фонд 11, Дипломатическая канцелярия наместника Кавказа, оп. 1 (всего 4045 дел), дд. 3, 4 (в деле автографы А. С. Грибоедова, переписка о награждении английских дипломатов), 6 («Донесения комиссара при персидском правительстве Амбургера о взаимоотношениях Персии с Оттоманской Портой, о предполагаемом союзе их в войне против России»), 9, 11 («Дело о заключении Россией мира с Персией в Туркманчаше»), 20 («Переписка о поездке из Карабаба надворного советника Грибоедова к Аббас-мирзе для переговоров о заключении мира с Персией»), 25, 26 («Донесение консула Долгорукого о положении в Персии»), 27, 29, 30, 32, 34 («Переписка с министром иностранных дел по вопросу дипломатических сношений с Персией в 1829—1832 гг.»), 36, 39 («Донесения российского уполномоченного в Тегеране кн. Долгорукого за 1829 г.»), 40 («Переписка о поездке персидского принца Хосров-мирзы в С. Петербург»), 43, 46а («Переписка о предполагавшемся намерении персидских войск вторгнуться в турецкие пределы»), 50 («Донесения генерального консула в Тавризе Безака»), 60 («Переписка о смерти в Персии над. сов. Амбургера»), 70, 75 («Репорты управляющего мусульманскими провинциями о намерении шаха персидского начать войну с Россией»), 82, 94 («Переписка о пребывавшем в г. Тифлис от Аббас-мирзы чиновника Мирза Сале»), 160 («Переписка о чиновнике Мирза Сале, бывшем в 1832 г. в Тифлисе по поручению от Аббас-мирзы»), 180 («Донесения Российского посланника в Тегеране графа Симонича за 1832—1838 гг.»), 222 («Переписка о смерти Фатх-Али-шаха и наследника его Аббас-мирзы и о вступлении на престол Магомет-мирзы»), 294, 314, 377 («Переписка о приеме от Персии последнего курура контрибуции»).

Фонд 16, Канцелярия Тифлисского военного губернатора, управляющего гражданской частью, дд. 3331, 3333, 3536, 3546, 3849.

Фонд 548, Главный штаб Кавказской армии. Военный отдел, оп. 1, дд. 5 («Отчет русского посольства о пребывании в Персии в 1816 г.»), 9, 69 («Циркуляр Главного штаба о направлении в войска корпуса полковника Ермолова и князя Щербатова, разжалованных в рядовые за участие в восстании Семеновского полка»), 70—73, 77 («Переписка о переводе в Отдельный Кавказский корпус декабристов. Донесения о их поведении и характеристике»), 78, 89, 91, 95, 102 («Отношение Паскевича по поводу покорения Эривани»), 103, 110 («Циркуляр Главного штаба о наблюдениях за английским майором Баколом, направляющимся в Персию»), 111 («Донесения о положе-

нии дел в Армянской области»). 116, 117, 145 («Характеристики о поведении декабристов, сосланных на Кавказ»).

Оп. 2, дд. 32, 42, 48, 831, 841.

Оп. 3 («Рапорты о разрыве дипломатических отношений между Россией и Персией и о начале военных действий»), дд. 6, 10, 11, 12, 13, 82, 83 («Рапорты об осаде Эривани»), 84—86, 90, 93, 94, 97, 102 («Рапорты о положении дел в Турции и Персии»).

Оп. 9, дд. 34, 35, 39, 45 («Приказы частям корпуса»).

Фонд 1083, Штаб войск кавказской линии и Черноморья, оп. 1, дд. 219 («Донесение Мазаровича о персидских агентах»), 362 («Рапорты командиров частей о воззвании персидского шаха»), 6, 16 («Предписание Паскевича об усилении корпуса и о неудаче русской миссии в Персии»).

Фонд 1087, Штаб Кавказского военного округа. Военно-исторический отдел (1876—1917); оп. 1, дд. 220, 429 («Рукопись полковника Аверьянова. Персидская война 1826—1828 гг.»), 430 («Заметки и выписки поручика Вершовицкого о войне с персами в 1826—1828 гг.»), 431 («Рукопись поручика Притоманова. Осада Сардар Абада»), 432 («Рукопись поручика Скорупского. Осада Аббас-Абада»), 434, 436 («Заметки неизвестного автора по истории персидских войн»), 437 («Копии с архивных документов, отражающих процесс заключения мира с Персией в 1828 г.»), 438, 651, 651, 659 («Выписка из газеты «Новое обозрение» за 1892 г., № 2810, статьи о кн. А. И. Меликове»), 1061 (Копии различных документов о жизни, деятельности и смерти Грибоедова), 1086, 1096, 1169 («Копии документов, отражающих события, связанные со смертью и погребением Грибоедова»), 1205, 1120, 1251, 1252 («Копии документов, относящихся к русско-персидской войне 1826—1828 гг.»), 1254, 1255 (Рукопись В. Потто «Ключи Аббас-Абада»); оп. 2, дд. 2, 187.

Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (Архив главного управления наместника Кавказа), т. VI, ч. I, II, Тифлис, 1875 г. (АКАК).

1816 г., № 259, 260, 262, 267, 270, 271, 273, 274, 280, 281,

1817 г., № 284, 286, 302, 303, 306, 307, 312, 329, 331—333, 340, 342—345, 347, 348.

1818 г., № 351, 356, 357, 359, 361, 363, 365, 368, 369, 371, 873, 377, 378.

1819 г., № 390, 391, 393, 394, 398, 403.

1820 г., № 409, 414, 416—418, 421, 422, 424, 426.

1821 г., № 437—444, 469.

1822 г., № 470, 471, 479, 480, 483, 485, 495.

1823 г., № 513, 517, 520, 521, 523.

1824 г., № 542, 546, 548.

1825 г., № 550, 551, 556, 561, 573, 574, 580, 581, 585, 586, 591.

1826 г., № 595, 615, 617, 620, 621, 623, 628, 633, 636—638, 645, 648, 684, 686, 690—692, 694, 695.

1827 г., № 702, 705, 707—708, 710—712, 716.

1828 г., (т. VII), № 526, 528, 529, 531—533, 577, 591, 629, 631, 632, 636, 637, 643, 646, 648, 689, 691, 694, 696.

Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, составил Ф. Ф. Мартенс, т. XI—XIII, СПб, 1825.

Материалы к истории персидской войны 1826—1828 гг. «Кавказский сборник», тт. XXI (Тифлис, 1900 г.), XXX, 1910.

Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые, т. II, СПб, 1868.

- Абдурахманов А. А. Азербайджан в русско-иранских отношениях в первой половине XIX века, Баку, 1953.
- Антелава И. Г. Русско-иранская война 1826—1828 гг. и Грузия. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. 24, 1951.
- Балаян Б. П. Из дипломатической истории присоединения Восточной Армении к России, «Известия АН Арм. ССР», Общественные науки, № 11, Ереван, 1962.
- Балаян Б. П. Фальсификация истории гибели А. С. Грибоедова в современной иранской историографии, Историко-филологический журнал «Хандес» АН Арм. ССР, № 2 (17), Ереван, 1962.
- Балаян Б. П. К международным отношениям на Востоке накануне второй русско-иранской войны, «Востоковедский сборник», Сектор востоковедения АН Арм. ССР, № 2, Ереван, 1964.
- Балаян Б. П. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова, «История СССР», АН СССР, № 6, М., 1964.
- Балаян Б. П. Присоединение Закавказья к России в освещении современной иранской историографии, «Крат. сообщ. Института народов Азии АН СССР», № 73, М., 1963.
- Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг., М., 1959.
- Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России, М., 1955.
- Всемирная история, т. VI, М., 1959.
- Грибоедов в воспоминаниях современников, под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1929.
- Грибоедов А. С. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. Ред. и прим. З. Давыдова, Л., 1929.
- Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в., М., 1959.
- Григорян З. Т. Участие армян в русско-персидских войнах, «Вопросы истории», № 4, 1951.
- Григорян З. Т. Борьба Англии и Франции против освобождения Армении из-под ирано-турецкого ига, «Вопросы истории», № 3, М., 1952.
- Гуткина И. Г. Война греков за национальную независимость и русская общественность в 1821—1825 гг. «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 140, 1957.
- Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. I, М., 1947.
- Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток, Ереван, 1954.
- Ениколопов И. К. Из истории русско-иранских отношений и

- дипломатической деятельности А. С. Грибоедова. «Историко-филологический журнал» АН Арм. ССР, № 4 (19), 1962.
- Зонненштраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии, М., 1931.
- Изапов М. С. Очерк истории Ирана, М., 1952.
- Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд, 1961.
- Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958.
- Иоаннисян А. Р. Борьба Англии и Франции против присоединения Армении к России, «Известия АН Арм. ССР» (общественные науки), № 3, 1953.
- История дипломатии, т. I, изд. второе, М., 1959.
- Исмаилов М. Об участии азербайджанцев в рядах русских войск в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в., Баку, 1954.
- Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в., т. I, 1936.
- Краткий обзор общественного мнения за 1827 и 1828 гг., «Красный архив», 1929, № 6.
- Лависс и Рамбо. История XIX века, т. 2, М., 1938.
- Маркова О. Восточный кризис 30-х — начала 40-х годов XIX в. и движение мюридизма, «Исторические записки» АН СССР, т. 42, 1953.
- Маркова О. П. Новые материалы о проекте Российской Закавказской компании А. С. Грибоедова и П. Д. Завилейского, «Исторический архив», т. VI, М.—Л., 1951.
- Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г., М., 1951.
- Меликсет-Беков Л. Мануил Кюмюшханец о событиях вокруг убийства А. С. Грибоедова, Труды Тбилисского госунта, X, 1939.
- Минорский В. «Цена крови» Грибоедова. Неизданные документы, «Русская мысль», кн. III—IV, 1923.
- Мортон. История Англии, М., 1950.
- М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, Ереван, 1956.
- Неру Джавахарлал. Открытие Индии, М., 1955.
- Нечкина М. В. Грибоедов и его эпоха, «Большевик», № 3—4, 1945.
- Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955.
- Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы, М., 1951.
- Нечкина М. В. Следственное дело о Грибоедове, М., 1945.
- Новая история стран зарубежного Востока, т. 1, М., 1952.
- Пашуто В. Т. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, «Исторические записки» АН СССР, т. 24, 1947.
- Петров Г. М. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова, «Уч. записки Института востоковедения» АН СССР, т. VIII, М., 1953.
- И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Армении и Азербайджане в XVI начале XIX веков, Л., 1949.
- Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, М., 1924.
- Покровский М. Н. Внешняя политика, М., 1918.
- Попов М. В. Несостоятельность концепции об «Обороне Индии»

- в современной английской историографии. «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции» (тезисы докладов), Институт народов Азии АН СССР, М., 1962.
- Попова О. И. А. С. Грибоедов в Персии (1818—1823 гг.) по новым документам, М., 1929; Грибоедов — дипломат, М., 1964.
- Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М., 1949.
- Руи р. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в., М., 1924.
- Семенов Л. С. О некоторых источниках по истории русско-персидских отношений первой трети XIX в., «Вестник Ленинградского университета», № 2, 1959.
- Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в., ЛГУ, 1963.
- Семенов Л. С. К вопросу о значении Туркманчайского договора для истории Армении. «Хандес», историко-филологический журнал АН Арм. ССР. № 4 (7), 1959.
- Сейд Касем Риштия. Афганистан в XIX в., ИЛ, 1958.
- Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии, М., 1954.
- Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., М., 1958.
- Сычев С. И., Волков В. К. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях, М., 1936.
- Тавакалян Н. А. Роль армянского народа в русско-персидской войне 1826—1828 гг., «Ученые записки Грозненского пединститута», № 9, 1956.
- Тихонова А. А. Из истории английского проникновения в Персию в начале XIX века. «Ученые записки Ярославского государственного педагогического ин-та им. К. Д. Ушинского», вып. XXII, Ярославль, 1957.
- Тихонова А. А. Русско-персидская война 1826—1828 гг. Автореферат кандидатской диссертации, изд. Московского ун-та им. Ломоносова, 1954.
- Туманович Н. Н. Английская экспансия в Персидском заливе в XIX веке, Л., 1954.
- Фадеева А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958.
- Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века, М., 1960.
- Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20—50 гг. XIX в., М., 1956.
- Фадеев А. В. Декабристы в отдельном Кавказском корпусе, «Вопросы истории», № 1, 1951.
- Халфин Н. Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959.
- Хачалуридзе Г. В. К истории Грузии первой половины XIX века, Тбилиси, 1950.
- Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, М., 1960.
- Шостакович С. В. Из истории английской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке. «Ученые записки Иркутского гос. пед. ин-та», 1955, вып. XX.
- Шпаро О. Роль России в борьбе Греции за независимость. «Вопросы истории», 1949, № 8.

Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия, М., 1965.
Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.

- Абовян Х. Раны Армении, Ереван, 1948.
Аделунг К. Ф. Письма из Персии, 1828, «Литературное наследство», т. 47—48, М., 1946.
Акты, относящиеся до заключения мира с Персией, изд. Лазаревского института, СПб, 1828.
Алавердянц М. Я. Кончина А. С. Грибоедова по армянским источникам, «Русская старина», № 10, 1901.
Алавердянц М. Я. Граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка, 1902.
Андреев В. Ермолов и Паскевич, «Кавказский сборник», т. 1, Тифлис, 1876.
Армянский полк, сформированный в 1827 г., «Тифлисский вестник», 1877, № 116—117.
Архив князя Воронцова, тт. 18, 23, 35 и 36, М., 1890.
Бартоломей Ф. Ф. Посольство кн. Меншикова в Персию в 1826 г. «Русская старина», апрель—май, 1904.
Бенкендорф А. Х. Император Николай в 1828—1829 гг. «Русская старина», № 67, 1896.
Берже А. П. Александр Сергеевич Грибоедов в Персии и на Кавказе, 1818—1828, «Русская старина», № 10, 1874.
Берже А. П. Смерть А. С. Грибоедова, «Русская старина», авг. 1872.
Берже А. П. Хосров-мирза, «Русская старина», № 6—7, 1879.
Берже А. П. Александр Сергеевич Грибоедов. Деятельность его как дипломата (1827—1829), «Русская старина», № 11—12, 1874, № 12, 1876.
Бларамберг И. Ф. Статистическое описание Персии, составленное в 1841 г., СПб, 1857.
Богданович Е. В. Наварин, М., 1877.
Бороздин В. Краткое описание путешествия Российского императорского посольства в Персию в 1817 г., СПб, 1821.
Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа, т. I—III, СПб, 1869.
Венюков М. И. Россия и Англия в Персии, «Русский вестник», т. 135, октябрь, 1877.
Венюков М. Россия и Восток, СПб, 1877.
Гагемайстер Ю. О европейской торговле в Турции и Персии, СПб, 1838.
Гангеблов А. С. Воспоминания, М., 1888.
Глинка С. Описание переселения армян азербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении, 1831.
Глинка С. Обзор истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи, ч. 1 и 2, М., 1832.

- Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений, под ред. Н. К. Пиксанова, изд. АН, т. III, Петроград, 1917.
- Грибоедов А. С. Сочинения, М., 1953.
- Давыдов Д. В. Военные записки, М., 1940.
- Давыдов Д. В. Сочинения, т. 1—3, СПб, 1893.
- Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812—1813 гг., ч. 1—2, М., 1826.
- Дубровин Н. Ф. История войн и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб, 1888.
- Дюгамель А. О. Автобиография, «Русский архив», № 2, 4—7, 10, 1885.
- Ермолов А. П. Записки, ч. II (1816—1827), М., 1868.
- Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова, СПб, 1837.
- Зубов П. Картина последней войны России с Персией 1826—1828 гг. с присовокуплением исторически-статистического обзора завоеванных городов и воспоминаний об Эривани, СПб, 1834.
- Зубов П. Персидская война в царствовании Николая I, СПб, 1837.
- Корф Ф. Воспоминания о Персии (1834—1835), СПб, 1838.
- Мартеяс Ф. Ф. Россия и Англия в начале XIX столетия, «Вестник Европы», т. 6, 1894, № 1—11, 1896.
- Медведев А. Персия, Военно-исторический очерк, СПб, 1909.
- Мир Давуд Мелик Шахназаров. Некоторые подробности о нынешнем состоянии и внутреннем устройстве персидского государства. Перевод с перс. «Вестник Европы», ч. CXI, № 9, 1820.
- Муравьев Н. Н. Записки. «Русский архив», 1886, кн. 5; 1887, кн. 1; 1888, кн. 5; 1889, кн. 4, 9, 10, 11; 1891, кн. 10; 1893, кн. 3; 1894, кн. 1; 1895, кн. 1.
- Носков И. Посольство в Персию с хрустальной кроватью. «Исторический вестник», 1887, т. 30.
- План похода в Индию в том виде, как он был договорен между Бонапартом и Павлом I, «Русская старина», 1873, т. 8; 1876, т. 15.
- Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу, 1800—1830, Тбилиси, 1946.
- Потто В. Кавказская война, т. 3, СПб, 1887.
- Потто В. Первые добровольцы Карабаха, Тифлис, 1902.
- Пущин М. И. Записки, «Русская старина», т. 41, февр. 1884.
- Риттих П. А. Политико-статистический очерк Персии, СПб, 1896.
- Романовский Кавказ и кавказская война, СПб, 1860.
- Розанов М. Г. Персидское посольство в Россию в 1829 г. «Русский архив», № 2, 1889.
- Соколов А. Е. Дневные записки о путешествии Российско-императорского посольства в Персию в 1816—1817 гг., М., 1910.
- Соловьев С. М. Восточный вопрос в 1827—1829 гг. «Древняя и новая Россия», № 10, 1876.
- Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I, СПб, 1887.
- Толстой В. С. Сэр Джон Макниль (Из служебных воспоминаний), «Русский архив», № 4, т. 1, 1874.
- Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи, СПб, 1852.
- Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. II—III, СПб, 1891.

- Արժանիքի համար — Վերջի շաբաթանի, Եր. 1955.
Նիդերլանդական Մ. Ք. Կենդանական — Պատմական բաղվածքներ, պրակ 3, Բարսի, 1969.
Գրիգորյան Ա. — Ռուս և Հայ ժողովուրդների ռազմական համագործակցությունը 19-րդ դ. սկզբին, Երևան, 1957.
Երիցյան Ա. — Ներսես 5-րդ Աշտարակեցիի վարդապետ ժամանակ, Թիֆլիս, 1877.
Երիցյան Ա. — Ամենայն Հայոց կաթողիկոսությունը և Կովկասի Հայք 19-րդ դարում, աշխ. Աղեքսանդր, Թիֆլիս, դպ. Մ. Շարածեի 1894—95 թթ.
Երիցյան Ա. — Ներսես եպիսկոպոսը Դանիել կաթողիկոսի ժամանակ, Թիֆլիս, 1877.
Բարդիսեան Ա. — Պատմություն Պարսից, Կալկաթա, 1846.
Լենո — Հայոց Պատմություն, Նորագույն շրջան (դասախոսություններ, կարդացված ՀեՍՀ պետական համալսարանում 1924—1925 ուսումնական տարեշրջանում), Երևան, 1926, մասն երկրորդ, Երևան, 1947.
Կարինյան Ա. — Գրիգորյեզովը և Հայ ժողովուրդը, «Գրական թերթ», 1945, № 2.
Հակոբյան Բ. — Նրևանի պատմությունը (1801—1879 թթ.), Երևան, 1959.
Ներսիսյան Մ. — Դեկարրիստները Հայաստանում, Երևան, 1958.
Պարսամյան Վ. — Ա. Ս. Գրիգորյեզովը — հայ-ռուսական հարաբերությունները, Երևան, 1947.
Պարսամյան Վ. — Դեկարրիստները Հայաստանում, Երևան, 1958.
Պարսամյան Վ. — Հայկական հարցի զարգացման պատմական ուղիները մինչև Բեռլինի կոնգրեսը, Երևան, ԳԱ, 1946.
Պարսամյան Վ. — Ցարիզմի գաղութային բաղադրականությունը Հայաստանում, Երևան, Արմֆան, 1940.
Պարսամյան Վ. — Հայ ազատագրական շարժումների պատմություններ և փաստաթղթեր, Երևան, 1958.

- Avery P. Modern Iran, N.-Y., 1965.
Afschar M. La politique européenne en Perse. Quelques pages de l'histoire diplomatique. Berlin, 1921.
Alcock Th. Travels in Russia, Persia, Turkey and Greece in 1828—1829. London, 1831.
Alexander J. E. Travels from India to England comprehending a visit the Burma Empire and a journey through Persia, Asia Minor, European Turkey in the years 1825—1826. London, 1827.
Archbold W. A. Afghanistan, Russia and Persia. The Cam-

- bridge History of the British Empire". V. IV. Cambridge, 1929.
- Armstrong T. B. Journal of Travels in the Seat of War. London, 1830.
- Bélangier Ch. Voyage aux Indes-Orientales et la Perse pendant les années 1825 a 1829, v. I—II (Historique), Paris, 1838.
- Camba J. Fr. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase (1820—1824), v. I—II, Paris, 1826.
- Conolly A. Journey to the North of India overland from England, through Russia, Persia and Afghanistan, V. I—II, London, 1838.
- Costello D. P. Griboedov in Persia in 1820. Two diplomatic notes. „Oxford Slavonic Papers“, v. V, 1954; The Murder of Griboedov, v. VIII, 1958.
- Curson C. N. The Persia and Persian Question, London, v. II, 1921 (1892).
- Debyex L. La Perse. Paris, 1841.
- Evans de Lacy G. The designs of Russia, London, 1828.
- Fraser J. B. Narrative of a Journey into Khorasan in the years 1821—1822, London, 1825.
- Fraser J. B. Travels and Adventures in the Persian Provinces on the Southern Banks of the Caspian Sea. London, 1826.
- Fraser J. B. Travels in Koordistan, Mesopotamia, v. I, London, 1840.
- Kaye J. W. A History of the War in Afghanistan. v. I, London, 1878.
- Kaye J. W. The Life and Correspondence of Sir J. Malcolm. v. I, London, 1856.
- Ker. Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia (1817—1821) v. I—II, London, 1828.
- Keppel C. Personal narrative of a journey from India to England by Persia (1824) v. I—II, London, 1834.
- Kotzebue M. Reise nach Persien mit der Russisch Kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817, Weimar, 1818.
- Krahmer. Die Beziehungen Russlands zu Persien, Leipzig, 1903.
- Macdonald Kinneir J. A Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan (1813—1814), London, 1818.
- Macneill J. Progress and present position of Russia in the East. London, 1836.
- Malcolm J. The history of Persia from the most early period to the present time. v. I—II, London, 1815, 1829.
- Malcolm J. The political history of India from 1784 to 1823, v. I—II, London, 1826.

- Malcolm J. Sketches of Persia. London, 1827 (1849).
- Markham C. A. General Sketch of the History of Persia, London, 1874.
- Matin-Daftary A. La suppression des capitulations en Perse. Paris 1930.
- Monteith W. Kars and Erseroum with the campaigns of prince Paskevich in 1828 and 1829 and an account of the conquest of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turkmanchai and Adrianopol. London, 1856.
- Morier J. A. A Second Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople (1810—1816), London, 1818.
- Myr Davoud Zadour de Melik Schahnazar. Détails sur la situation actuelle du royaume de Perse. Paris, 1816.
- Raffenel C. Resumé de l'histoire de la Perse. Paris, 1825.
- Rowlinson H. England and Russia in the East. London, 1875.
- Sardary Reza. Un Chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. Paris, 1941.
- Stiller F. Verhältnisse. Russlands und Persiens. Leipzig, 1827.
- Siassi Ali Akbar. La Perse en contact de l'Occident. Paris, 1930.
- Sykes P. A History of Persia. v. II, London, 1951.
- „The Dynasty of the Kajars, translated from the original Persian Manuscript, presented by His Majesty Faty Aly Shah to sir Harford Brydges“. London, 1833.
- Watson R. G. A History of Persia. London, 1866.
- Wilson. Travels by W. Mourcroft and C. Trebeck. London, 1844.
- Wilson A. Persia, London, 1932.
- Wilson H. The History of British India (1805—1835). v. III, 1858.

آدمیت فریدون، امیر کبیر و ایران، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۴.

اقبال عباس، تاریخ مفصل ایران از استیلای مغول تا انقراض قاجاریه، تهران ۱۳۲۰.

بینا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، جلد اول، از گلناباد تا ترکمن چای، ۱۱۳۴—۱۲۴۳ (هجری)، چاپ اول، تهران، ۱۳۳۳، چاپ دوم، ۱۳۳۷.

- تاج بخشی احمد، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، تبریز، ۱۳۳۷ (فروردین).
- نذیر سید محمد، منتخبته الادب، تهران، ۱۳۱۳.
- جهانگیر میرزا (پسر عباس میرزا نایب السلطنه)، تاریخ نو، شامل حوادث دوره قاجاریه از سال ۱۲۴۰ تا ۱۲۶۷ قمری (بسی و اهتمام عباس اقبال)، تهران، شهپور، ۱۳۲۷ شمسی.
- حجازی محمد، میهن ما، تهران، ۱۳۳۸.
- رازی عبدالله، تاریخ مفصل ایران از تاسیس ماد تا عصر حاضر، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۵.
- رشتیا سعید قاسم، افغانستان در قرن نوزدهم، ۱۳۳۹.
- راسم احمد، عثمانلی تاریخی، جلد IV، قسطنطنیه، ۱۳۳۰—۱۳۲۸ (بزبان ترکی).
- فلسفی نصرت‌اله و علی اصغر شهیم، تاریخ مفصل کشور ایران، تاریخ عمومی، تهران، ۱۳۱۹.
- فروغی میرزا محمد حسین خان، تاریخ ایران، تهران، ۱۳۱۶.
- قائم مقام، قطعات، تهران، ۱۲۸۰.
- قوزانلو جمیل، تاریخ نظامی ایران، جلد دوم، تهران، ۱۳۱۵.
- محمد رضا شاه پهلوی، ماموریت برای وطنم، تهران، ۱۹۶۱.
- مجتهدی مهدی، ایران و انگلیس، تهران، ۱۳۲۴.
- محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس در قرن نوزدهم میلادی، جلد اول، تهران، آبان ماه، ۱۳۲۸.
- محمد حسن خان صنیع‌الدوله، کتاب منظمه، جلد ۳، تاریخ قاجاریه، تهران، ۱۳۶۰.

مستوفی عبدالله، شرح زندگانی من یا تاریخ اجتماعی و
اداری دوره قاجاریه، تهران، ۱۳۲۴.

معمد محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و عثمانی، جلد
دوم تهران، ۱۳۲۶.

معزی نجفقلی حسام، تاریخ روابط سیاسی ایران با دنیا
(از هخامنش تا تحولات اخیر)، تهران، ۱۳۲۴.

مقندر غلام حسین، تاریخ نظامی ایران، تهران، ۱۳۱۷.
مقندر غلام حسین، سرلشکر، کلید خلیج فارس، تهران،
۱۳۲۳.

میرزا تقی خان لسان الملک، تاریخ قاجاریه، تبریز و ۱۲۸۰.
نامه‌های سیاسی «سفیر بریتانیا یا پایه سیاسی انگلیستان
در ایران، تهران، ۱۳۲۷.

نجمی ناصر، عباس میرزا یارشیدترین و میهن پرست‌ترین
فرزند خاندان قاجار و جنگ‌های ایران با روسیه
تزاری، تهران، ۱۳۲۴. ایران در میان طوفان یا
شرح زندگانی عباس میرزا «نایب السلطنه»، تهران،
۱۳۳۶.

نفیسی سعید، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره
معاصر، از آغاز سلطنت قاجارها تا پایان جنگ نخستین
با روسیه، تهران، ۱۳۳۵.

هدایت رضا قلی خان، روضت الصفائی ناصری، تهران،
جلد دوم، ۱۲۶۹.

یکرنگیان میر حسین، گوشه‌ای از تاریخ نظامی ایران،
تهران، فروردین، ۱۳۳۶.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава первая.</i> Иран в международных отношениях после Гюлистанского мира (1813—1825)	11
<i>Глава вторая.</i> Дипломатия в период второй русско-иранской войны (1826—1828)	131
<i>Глава третья.</i> Туркманчайский мир	185
Источники и литература	279

در این کتاب تحقیقات بسیطی در اطراف مناسبات دیپلوماسی ایران پس از عهدنامه گلستان تا انعقاد عهدنامه ترکمانچای بعمل آورده شده. بابررسی زمینه وسیع روابط بین‌المللی سیاست پیش‌گرفته دول اروپائی نسبت بایران و روش عکس‌العمل آنها در مورد پیوستگی ماوراء قفقاز بروسبیه بطور واضح روشن میگردد. در این اثر فعالیت‌های میسیونهای دیپلوماسی ایران در خارجه و جریان فعالیت نمایندگان خارجی در ایران و همچنین تاریخ دیپلوماسی جنگ دوم ایران و روسبیه و صلح ترکمانچای توضیح و بیان گردیده. از همین نقطه نظر با توجه بحمل افکار اصلی مورخین ایرانی در باره مسائل پیچیده مناسبات بین‌المللی ایران در سالهای ۱۸۱۳—۱۸۲۸ تجزیه و تحلیل کاملی نیز در این خصوص انجام شده است. این مطالب و تحقیقات از روی مطالعات دقیق منابعی مانند ارشپو اسناد روسبیه تزاری و از مأخذ اصلی موجوده بزبان فارسی مورد استفاده قرار گرفته است.

فرهنگستان علوم ارمنستان شوروی

دانشگاه خاورشناسی

بوریس پاولویچ بالایان

مناسبات بین‌المللی ایران

(۱۸۱۳—۱۸۲۸ م.)

ازانتشارات فرهنگستان علوم ارمنستان شوروی

۱۹۶۷

ایروان

БОРИС ПАВЛОВИЧ БАЛАЯН
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИРАНА
в 1813—1828 гг.

*Печатается по решению ученого совета
Сектора востоковедения АН Армянской ССР*

Редактор издательства В. Б. Андреасян
Худож. оформление Ю. А. Аракеляна
Технич. редактор Э. С. Аветян
Корректор М. Т. Дильвадянц

ВФ 04872. Заказ 7. Изд. № 2771. РИСО 1045. Тираж 1000.

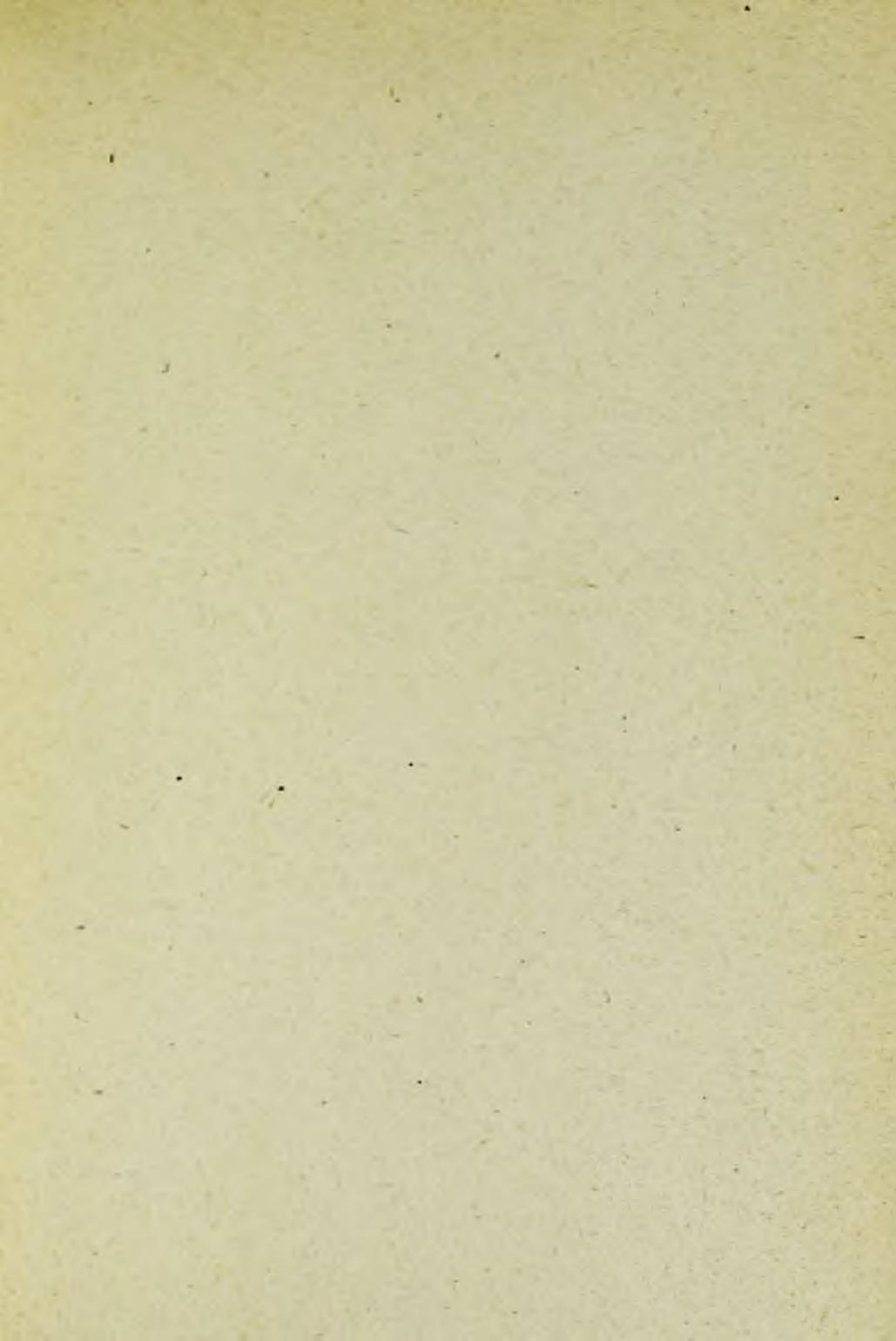
Сдано в производство 24/XII 1966 г., подписано к печати
2/VIII 1967 г. Печ. л. 18,5, усл. п. л. 15,17, изд. 15,75 л.

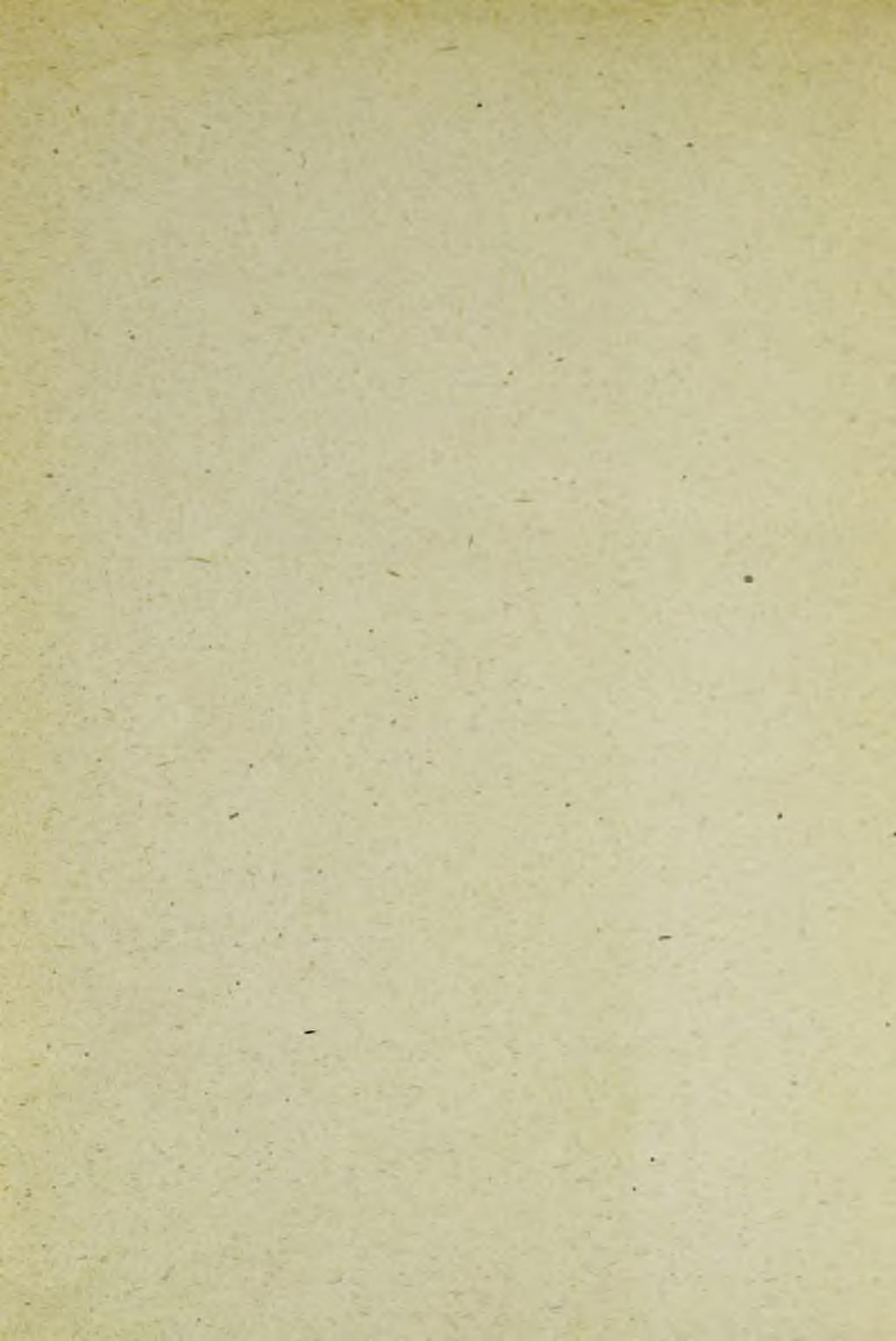
Бумага № 1, 84×108¹/₃₂. Цена 1 руб. 20 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР,
Ереван, Барекамутян, 24.

5(5)
5-20

4